

Sturo Pui melindaba

Г. И. ШЕЛИХОВ

РОССИЙСКОГО КУПЦА
ГРИГОРИЯ ШЕЛИХОВА
СТРАНСТВОВАНИЯ
ИЗ ОХОТСКА
ПО ВОСТОЧНОМУ ОКЕАНУ
К АМЕРИКАНСКИМ
БЕРЕГАМ

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1971

719883

ВОЛОГДСКАЯ
областная б-ка о-ека
им. И. В. Избушкина

*Под редакцией,
с предисловием,
послесловием
и
примечаниями
кандидата исторических наук
Б. П. ПОЛЕВОГО*

«Колумб русский»
Григорий Иванович
ШЕЛИХОВ
и его книга

В 1791 году в Петербурге в двух книжных лавках, принадлежавших известному столичному книготорговцу и книгоиздателю Василию Сопикову, появилась небольшая книжечка, которая имела в стиле XVIII века весьма предлинное, замысловатое название: «Российского купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам и возвращение его в Россию с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец Капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу...» И так далее, и так далее. В полном виде это название приведено в конце книги в особо составленном списке изданий книг Г. И. Шелихова (стр. 160) под № 1. К тому же оно дается и на фотокопии титульного листа первого издания (стр. 6). Так в 1791 году впервые был издан отчет Г. И. Шелихова о его интереснейшем плаваньи вдоль Алеутских островов к берегам Северной Америки, к островам Кадьяк (Кытак) и Афогнак.

Несмотря на то, что язык Г. И. Шелихова был суховато-официальным, книга произвела сильное впечатление на читателей. Многие из наших соотечественников впервые узнали, что в годы нашумевших плаваний в северную часть Тихого океана англичанина Джеймса Кука и француза Лаперуза бывалые русские мореходы тоже не бездействовали: они совершали смелые походы в Тихом океане, чаще всего к берегам Аляски через район Алеутских островов. И в этом не было

*Колумбы Россіи презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на Востокъ.
И наша досягнетъ въ Америку держава,
И во все концы достигнетъ Россовъ слава.*

РОССІЙСКАГО КУПЦА
ГРИГОРЬЯ
ШЕЛЕХОВА

СТРАНСТВОВАНІЕ

СВ. 1783 по 1787 годъ

Изъ Охотска по Восточному Океа-
ну къ Американскимъ берегамъ,
и возвращеніе его въ Россію,

Съ обстоятельными описаніями обо
открытіи новобританскихъ иль острововъ
Кука и Афаника, до коихъ не достиг-
нулъ и славный Аляскаскій мореходъ Ко-
лунтъ Кукъ, и съ подробнымъ описаніемъ
образовъ жизни, нравовъ обрядовъ, жилищъ
и одеждъ обитающихъ тамъ народовъ, по-
корившихся подъ Россійскую державу: также
Климатъ, годовыя времена, звѣри, дикіи
и животныя, рыбы, птицы, а также про-
израсткы и многіе другіе, любопытныя
предметы тамошней природы, что все охр-
но и точно описано иль самимъ.

Съ Географическими чертежами, со
изображеніемъ самаго морехода и найден-
ныхъ иль дикихъ людей.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1791 гда.

Изданный В. С.

Рисунок и титул первого издания книги Г. И. Шелихова.

ничего удивительного: ведь русские мореходы на 140 лет раньше дру-
гих европейцев начали осваивать берега северной части Тихого океана.

Книга открывалась рисунком, на котором был изображен сам
Г. И. Шелихов, выменивающий у жителей островов шкуры диких животных
морских зверей. Внизу под рисунком крупными буквами была на-
брана знаменитая строфа из поэмы Михаила Ломоносова «Петр Пер-
вый»:

Колумбы русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша досягнет в Америку держава,
И что во все концы достигнет россов слава.

Читая книжку Г. И. Шелихова о пребывании русских у самых бе-
регов Северной Америки, многие с гордостью восклицали: «Наконец,
мечта Петра Первого, мечта М. В. Ломоносова смогла осуществиться!»
Русские не только достигли берегов Америки, но и создали там, бла-

годаря настойчивости купца Григория Шелихова, постоянные поселения. Потому-то поэт Гавриил Державин впоследствии и назвал Г. И. Шелихова «Колумбом русским».

Не будет преувеличением, если мы скажем, что это чувство гордости за своего смелого соотечественника было в какой-то мере похоже на то чувство, которое испытывали мы, советские люди, когда в 20-х годах восторгались смелостью экипажа ледокола «Красин», а в 30-х — героизмом челюскинцев и самоотверженностью советских летчиков, то спасавших челюскинцев, то совершавших смелые перелеты из СССР через Северный полюс в Соединенные Штаты, и, наконец в наши дни, — при каждом новом успехе наших славных космонавтов. Нужно лишь учесть, что для эпохи XVIII века создание постоянных русских поселений у берегов невероятно далекого континента было действительно поразительным событием. Поэтому о книжке Г. И. Шелихова заговорили буквально по всей России.

Быстро уловив настроение читателей, издатель Василий Сопиков пожелал раздобыть новые отчеты о плаваниях россиян в американских водах. И ему удалось получить копию рапорта о смелых морских предприятиях, организованных Г. И. Шелиховым, — о плавании у берегов Северной Америки его помощников — опытных русских мореходов Герасима Измайлова и Василия Бочарова. Уже в 1792 году Василий Сопиков выпустил новую книжку с не менее длинным названием, которое начиналось со слов: «Российского купца Григория Шелехова продолжение странствования по Восточному Океану к Американским берегам в 1788 году» (в «Списке...» — № 2). И эта публикация Сопикова была встречена современниками с живейшим интересом: ведь в ней шла уже речь не об освоении островов, расположенных у берегов Северной Америки, а об изучении таинственных берегов самого континента. Приоритет России в этом важном деле становился общеизвестным.

Успеху Г. И. Шелихова и его замечательных помощников особенно радовались иркутяне: ведь именно Иркутск сыграл важнейшую роль в организации его интереснейших экспедиций. Весьма гордились Г. И. Шелиховым и его земляки — жители города Рыльского. «Отцы города» даже поспешили провозгласить Г. И. Шелихова «именитым рыльским гражданином».

В 1793 году Василий Сопиков решил выпустить книжку Г. И. Шелихова новым изданием. На этот раз она уже называлась «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование...» (см. «Список...» — № 3). К этому изданию Сопиков добавил подробнейшее географическое описание Курильских и Алеутских островов (см. стр. 62—87 настоящего издания). В том же 1793 году книжка была трижды перенедана на немецком языке (в «Списке...» —

№ 4, 5 и 6). А позднее — в 1795 и 1803 годах труд Г. И. Шелихова дважды выходил на английском языке (№ 7 и 8) в переводе с немецкого. И все же в начале XIX века книги Г. И. Шелихова стали библиографической редкостью. Вот почему в лихую для России годину — в 1812 году книга Г. И. Шелихова была вновь переиздана (№ 9). На этот раз в одном переплете оказались и так называемое «Первое странствование», и описание Курильских и Алеутских островов, и «Продолжение странствования». Именно по этому изданию, по его плану, печатается настоящее издание книги Г. И. Шелихова, выходящее в составе «Дальневосточной исторической библиотеки». Но нельзя сказать, чтобы после 1812 года труд Г. И. Шелихова больше не издавался. Готовясь в 1895 году отметить столетие со дня смерти Г. И. Шелихова, курские историки, считавшие его своим земляком, сочли нужным еще раз опубликовать обе части «Странствования» в «Памятной книжке Курской губернии на 1894 год» (№ 10). Но этот выпуск сразу же стал библиографической редкостью, и поэтому чаще всего читатели пользовались книгой, вышедшей в 1812 году.

В течение всего XIX века книга Г. И. Шелихова приносила большую пользу русским морякам, посещавшим район северо-западного побережья Северной Америки и Алеутских островов. Ее с интересом прочли еще в самом начале XIX века участники «первого плавания россиян вокруг света» (1803—1806 гг.). Экземпляры ее были на борту судна «Нева», которым командовал Юрий Лисянский. Книжки Г. И. Шелихова были известны и участникам плаваний В. М. Головнина и Л. А. Гагемейстера. Читали их и соратники М. П. Лазарева, О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева, Г. С. Шишмарева и многие другие русские моряки, которым еще в первой половине XIX века довелось побывать в северных водах Тихого океана. Тщательно штудировали труды Г. И. Шелихова и историки русских географических открытий на Тихом океане: В. Н. Берх — историк первоосвоения Алеутских островов и других замечательных открытий на Дальнем Востоке и в Русской Америке, А. П. Соколов — историк русских морских плаваний, петрашевец А. П. Баласогло, историограф Российско-Американской компании П. А. Тихменев и другие. Большой интерес вызвали они у американских исследователей — у знаменитого американского историка Тихого океана Губерта Бэнкрафта, зоолога Л. Стейнегера, историка Аляски К. Л. Эндрюса и др. Губерт Бэнкрафт справедливо отмечал, что книги Г. И. Шелихова являются «одними из самых авторитетных для этого периода истории Аляски» (Bancroft, 1886, p. 222*).

Из советских историков наибольший интерес к трудам Г. И. Ше-

---

* В скобках указываются фамилии авторов, полные названия работ которых даны в конце книги в разделе «Литература».

Шелихова первым проявил доктор исторических наук С. Б. Окунь. Он не только смог разыскать целый ряд новых документов о деятельности Г. И. Шелихова на Тихом океане, но и существенно уточнил загадочную историю издания его первой книги (Окунь, 1939). Большой вклад в изучение громких деяний Г. И. Шелихова внес и доктор исторических наук А. И. Андреев, дважды публиковавший о них исторические документы*. Он, в частности, разыскал и опубликовал копию подлинного рапорта Г. И. Шелихова, который лег в основу его первой книги «Странствований» (см. «Список...» — № 11). Ряд новых документов о деятельности Г. И. Шелихова был напечатан в 1957 году в Красноярске в сборнике документальных материалов «К истории Российско-Американской компании». Несколько научно-популярных и литературных произведений, посвященных Г. И. Шелихову, опубликовал А. Г. Адамов, советский литератор, прославившийся как автор многих популярных детективных произведений. В последние годы неоднократно переиздавался известный роман В. Григорьева «Григорий Шелихов».

Все это способствовало заметному оживлению интереса к деятельности Г. И. Шелихова. Многие читатели хотели бы ознакомиться с его подлинными сочинениями, но они уже давно стали библиографической редкостью. Даже на Дальнем Востоке, откуда начинались морские походы, организованные Г. И. Шелиховым, в библиотеках нет его книг. Необходимы они и в Москве, Ленинграде, Иркутске, Курске, Рыльске и других городах Советского Союза. Они нужны краоведам, морякам, историкам, географам, этнографам, ботаникам, зоологам и другим специалистам, изучающим историю освоения Тихого океана. Охотно их будут читать все, кто проявляет интерес к необыкновенно увлекательной истории Великих русских географических открытий. Вот почему и было решено включить «Странствования» Г. И. Шелихова в серию «Дальневосточная историческая библиотека».

Но сразу же возникло сомнение: не трудно ли будет современному читателю пользоваться трудами Г. И. Шелихова — ведь они были написаны еще в XVIII веке? Язык книги Г. И. Шелихова, бесспорно, не похож на ясный язык Г. И. Невельского, М. И. Венюкова и других замечательных исследователей XIX века, труды которых уже были изданы в серии «Дальневосточная историческая библиотека». Поэтому встал вопрос: не следует ли текст книги Г. И. Шелихова адаптировать, т. е. изложить языком наших дней? Но опыт показал, что такого рода адаптация языка исторических сочинений часто ведет к искажению от-

* См.: «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках. Сборник материалов». М.—Л., 1944 и «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». М., 1948 (в дальнейшем: РО, 1948). Первый сборник в 1952 году был переиздан на английском языке в Анн-Арборе (США).

дельных мыслей автора. Поэтому многие ученые, узнав о намерении Хабаровского издательства издать заново основные сочинения Г. И. Шелихова, единодушно выразили пожелание о внесении в текст минимальных исправлений, и всегда в строгом соответствии с переизданными в 1969 году едиными «Правилами публикации исторических памятников».

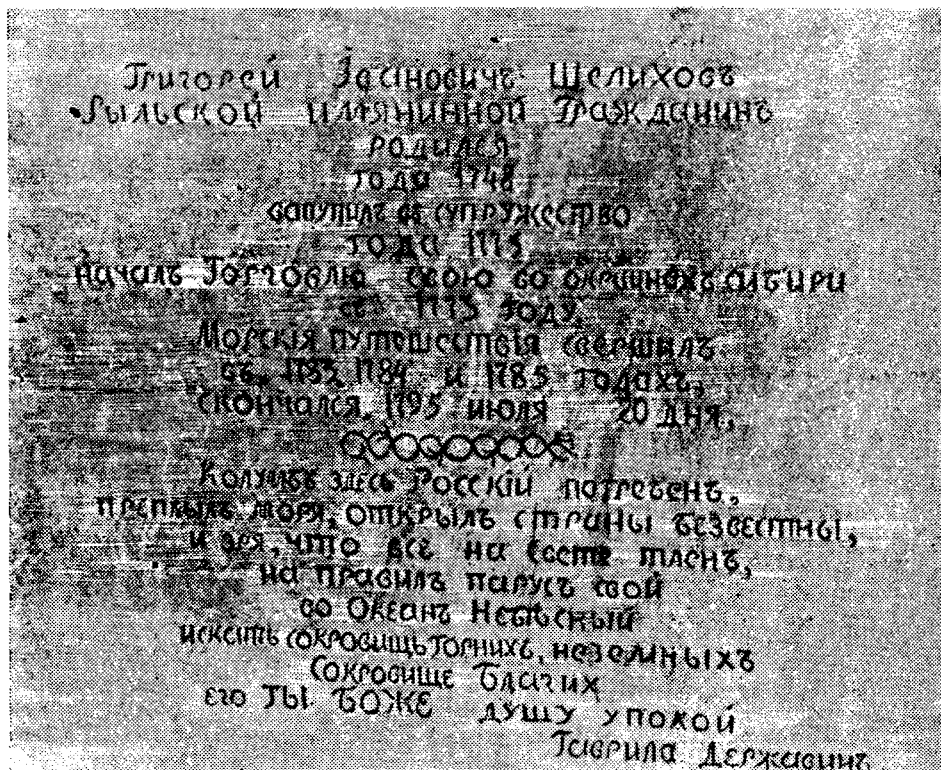
Перечислим кратко основные поправки и текстовые изменения, которые были сделаны при редактировании «Странствований».

Прежде всего мы отказались от выделения прописной буквой названий месяцев, зверей, птиц, деревьев, растений, этнонимов и в ряде случаев частей света (с большой буквы они оставлены лишь при указании румбов). Названия кораблей заключены в кавычки. Исправлена крайне устаревшая транскрипция в таких общеупотребительных словах, как «есть ли» (если), «не лзя», «с переди», «во-первых», «сверх» и т. п. Но, чтобы все-таки передать своеобразный колорит языка XVIII века, в публикации сохранены особенности старинной транскрипции в названиях некоторых месяцев: «генваря», «маяя» и др. Некоторые слова в книге Г. И. Шелихова писались по-разному. Вводя единую транскрипцию этих слов, мы отдавали предпочтение более современной (например, «расстояние» вместо «разстояние»).

В связи с находкой А. И. Андреевым текста подлинного отчета Г. И. Шелихова одно время возникла мысль дать по нему всю первую часть книги. Однако в подлиннике оказалось множество стилистических погрешностей, которые были удачно исправлены при первой публикации «Странствования...» Поэтому мысль о переиздании подлинного текста отчета Г. И. Шелихова сама собой отпала. Но так как в книге в нескольких случаях оказались неточно переданными мысли автора, некоторые фразы, а также опечатки были исправлены нами по подлинному рапорту. Исправление собственных имен также делалось по подлиннику, но только в том случае, если в книге не давался иной, допустимый вариант транскрипции. Естественно; в настоящем издании были сняты все шрифтовые выделения при упоминании имени Екатерины II и других членов царской фамилии. Лишь по очень настойчивому требованию некоторых рецензентов, стремившихся как-то облегчить современным читателям ознакомление с сочинениями Г. И. Шелихова, пришлось окончания некоторых прилагательных несколько осовременить: «аго» заменить на «ого», «ой» — на «ый» и т. д.

Наконец, в публикуемой книге решено было восстановить подлинную транскрипцию фамилии ее автора — «Шелихов», а не «Шелехов», как это было во всех прежних изданиях.

Советские историки давно уже пришли к выводу, что следует придерживаться той транскрипции фамилии, какую употреблял сам ее носитель. Григорий Иванович обычно подписывался «Шелихов» (см. автограф под его портретом). Так же его фамилия дана на итоговой

Основная надпись на памятнике Г. И. Шелихову в Иркутске (фото 1969 г.).

карте его исследований 1796 года (см. Атлас, 1964, карта № 184). Эту же транскрипцию употребила его супруга, когда ставила на могиле донине сохранившийся памятник (см. надпись). Вот почему все советские историки, которым доводилось подробно знакомиться с деятельностью Григория Ивановича по подлинным документам, писали «Шелихов». Такой транскрипции еще в 1930-х годах придерживался С. Б. Окунь. А. И. Андреев первоначально писал «Шелехов», но, изучив множество документов о деятельности «Колумба русского», стал писать «Шелихов». Более того, он даже включил в свой сборник 1948 года — сборник, посвященный 200-летию со дня рождения Г. И. Шелихова, — следующее весьма важное пояснение: «Сам Григорий Иванович писал свою фамилию «Шелиховъ»; в современных до-

кументах, как местных, так и петербургских, встречается также написание «Шелехов». Правильнее, однако, писать, как писал свою фамилию сам Григорий Иванович — «Шелихов» (РО, 1948, стр. 31). Очень важно отметить, что подлинный рапорт «Колумба русского», который лежит в основе первой части его книги, также подписан «Григорей Шелихов» (см.: РО, 1948, стр. 249).

Конечно, этому частному вопросу не следует придавать большого значения. В конце концов можно смириться с тем, что некоторые авторы упрямо продолжают называть его «Шелеховым». Гораздо важнее для нас объективно оценить истинное значение деятельности Г. И. Шелихова. Поскольку сама книга на этот вопрос, к сожалению, не дает достаточно полного ответа, возникла необходимость кратко рассказать о том, как в России зародилась и постепенно окрепла мысль об освоении русскими людьми «неизвестных берегов» Северной Америки. Начать эту интереснейшую историю необходимо с глубокой древности — с первых лет появления русских землепроходцев и мореходов на землях Дальнего Востока,

В августе 1639 года произошло великое событие и в истории России, и в истории Тихого океана: группа томских и красноярских казаков (всего 31 человек!), перевалив «камень» — хребет Джугджур, сумела выйти по реке Улье к Охотскому морю — «морю-акиану», которое местные аборигены — эвены называли «морем Ламой». Вблизи устья реки Ульи казаки во главе с томичем Иваном Москвитиным поставили свое зимовье — самое раннее поселение русских на Дальнем Востоке. А уже через несколько недель — первого октября (по новому стилю 11-го) 1639 года группой в 20 человек отправились на речной лодке в свое первое плавание по Охотскому морю в сторону реки Охоты. Опыт его показал, что по Охотскому морю в речных лодках плавать опасно, а потому зимой москвитинцы построили два семнадцатиметровых морских коча и летом отправились на них в район устья Амура. Так было положено начало русскому тихоокеанскому мореходству, новому важному этапу в истории Тихого океана.

Естественно, русские землепроходцы тогда еще не могли представить истинные размеры открытого ими «моря-акиана». Но в далекой Москве, где в те времена уже существовали знатоки географии всего мира (космографии), известия томских и красноярских казаков были истолкованы правильно. Рассматривая поступившие на Русь голландские атласы — атласы Герарда Меркатора, Иодока Гондия, Виллема Блау, наиболее сведущие русские люди без труда поняли, что отечественные землепроходцы вышли на берега самого великого океана мира, столь неудачно названного Тихим. И уже тогда возникла мысль,

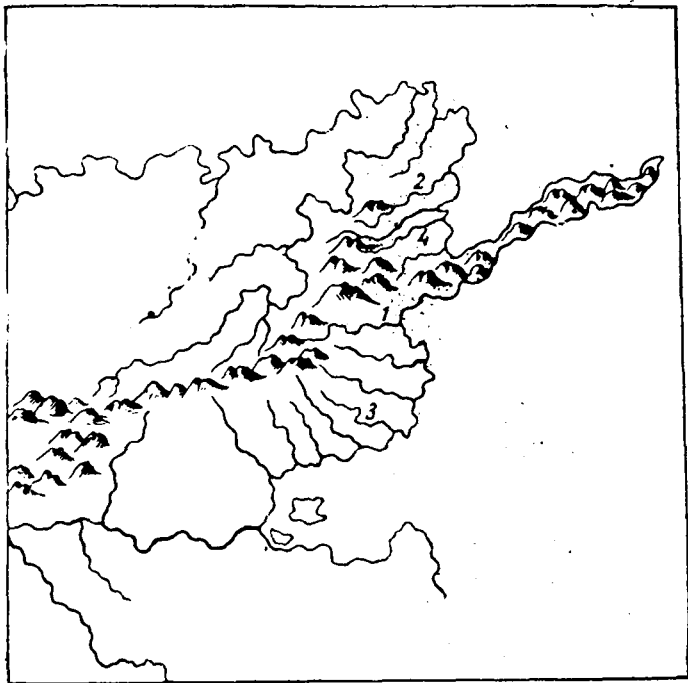
что за этим «морем-акианом» лежит загадочная Америка. Тихоокеанское побережье Северной Америки севернее Калифорнии европейцам в ту пору оставалось неведомым, а потому многих ученых волновал вопрос: куда же простирается северо-западный берег Северной Америки? Не смыкается ли он где-нибудь на севере с Азиатским континентом? Вот тогда-то и зародилась впервые мысль, что с крайней восточной части «Сибирской земли», т. е. с берегов Дальнего Востока, со временем удастся достичь «неизвестной части» Северной Америки.

Еще в середине XVII века благодаря любознательности Семена Дежнева, Миханла Стадухина и других землепроходцев и мореходов русские смогли узнать, что и с севера и с востока самая дальняя восточная часть «Сибирской земли» всюду омывается морями. Так было впервые достоверно установлено, что Азия отделена от Америки «морем-акианом». Однако тогда же выяснилось, что на востоке «Сибирской земли» имеются два «носа» — два больших полуострова, простирающихся далеко в «море-акиан» явно в сторону Северной Америки. Это были открытый С. И. Дежневым «Большой каменный нос» — Чукотский полуостров* и «Ламской нос» между Анадырем и Пенжиной — полуостров, который лишь в конце XVII века получил название Камчатка. Поэтому еще в середине XVII века возникла мысль: а нельзя ли с одного из этих полуостровов достичь Северной Америки? И уже тогда кое-кто уверовал в то, что один из этих «носов» доходит до самой Северной Америки («Нового Света»).

Так, в 1675 году русский дипломат Н. Г. Спафарий писал, что от Байкала хребет «идёт до окианского моря и в море так же прошел будто стеною, и никто его конца не знает, а проводить нельзя: льды и погода не пустят, многожды ходили с Лены проводить, а суды разбило, и сказывают, что тот камень идет до самой западной Индия, до Нового Света...» (Полевой, 1967, стр. 110). Известный сибирский историк и картограф конца XVII — начала XVIII веков Семен Ремезов в своем сочинении «О грани и межах всей Сибири» даже утверждал, что Сибирь «помалу распространися жительством до самого края Ледовитого моря, самого северного конца непроходимого основания тверди каменной близ Северной Америки». Видимо, появление такого рода утверждений связано с первыми известиями, дошедшими до русских от чукчей и других северных народов, о существовании в северной части Дальнего Востока загадочной «Большой земли» (Аляски).

---

* То, что С. И. Дежнев называл «Большим каменным носом» весь Чукотский полуостров, а не один мыс Дежнева, как думают многие, было подробно показано в нашей статье «О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 года», — «Изв. АН СССР. Сер. геогр.», 1965, вып. 2, стр. 102—110.

Изображение «Носа», или «каменной перегороды», простирающейся с русского Дальнего Востока в сторону Северной Америки, на чертеже шведского дипломата И. Г. Спарвенфельда, сделанном на основе русских чертежей.

Естественно, этими русскими сообщениями не могли не заинтересоваться многие иностранцы: голландский географ Николай Витсен, автор знаменитой книги «О северной и восточной Татарии» (1692, 1705), европейские иезуиты, жившие в Пекине, шведский дипломат И. Г. Спарвенфельд и, наконец, всемирно известный немецкий философ Г. В. Лейбниц. Именно тогда западноевропейских учёных и стал волновать вопрос: не смогут ли русские мореходы определить со стороны Дальнего Востока подлинные размеры неизвестной северо-западной части Северной Америки? И Г. В. Лейбниц, и голландские, и французские ученые стали внушать Петру I мысль о необходимости организации специальной экспедиции для поиска северо-западного побережья Северной Америки. Петр I благосклонно отнесся ко всем этим сове-

там. Но если иностранные ученые думали лишь о решении чисто научной географической задачи, то Петр I с его прозорливым государственным умом сразу же понял, что организация такой поисковой экспедиции может принести России большие практические выгоды.

Дело в том, что уже в конце XVII века пушные богатства Сибири заметно оскудели. Необходимо было разыскать новые богатые промысловые районы. Петр I знал, что Северная Америка тоже была богата пушниной и что в ее восточной части между англичанами и французами уже шла ожесточенная борьба за промысловые районы. Но в те времена еще никто из европейцев, кроме русских, не был в состоянии проникнуть в далекие «неизвестные земли» Северо-Западной Америки. Для русских же освоение этих земель являлось как бы естественным продолжением их давнего продвижения «встречь солнца».

Лейбниц и некоторые другие западноевропейские ученые ратовали за поиск американских берегов со стороны Чукотки, однако Петр I решил в первую очередь искать путь к Америке со стороны южной оконечности Камчатки. Почему? Во-первых, потому, что по глобусам и картам тех лет уже было ясно видно, что южная оконечность Камчатки ближе лежит к той северной части западного берега Северной Америки, которая уже была известна европейцам (испанская Калифорния), во-вторых, кое-кто из иностранных географов склонен был тогда еще думать, что неизвестная крайняя западная часть Северной Америки ближе всего подходит к Камчатке или Курилам. Поэтому Петр I еще в 1719 году послал на Камчатку геодезистов И. Евреинова и Ф. Лужина с заданием «ехать до Камчатки и далее, куда указано, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азией, что надлежит zelo тщательно сделать, не токмо Зюйд и Норд, но и Ост и Вест и все на карте исправно поставить». Евреинов и Лужин побывали на южной оконечности Камчатки, ознакомились с первыми шестью Курильскими островами, но ответа на поставленный вопрос дать не смогли.

В июле 1722 года за поиск пути от Камчатки к берегам Америки высказался известный русский исследователь Ф. И. Соимонов. В беседе с Петром I он сказал: «Сколько Христофору Колумбу, а потом и Америкусу Веспучию в сыскании Америки труда и опасностей было, но не меньше того галанцы и прочие в купеческом их мореплавании, обходя кап Боно Эсперанс (мыс Доброй Надежды. — Б. П.), идучи в Восточную Индию, как труды, так и продолжительное время и доныне претерпевают. А как вашему величеству известно, сибирские восточные места, а особливо Камчатка, от всех тех мест и Апонских, Филиппинских островов до самой Америки на западном берегу *остров Калифорния, уповательно, от Камчатки не в дальном расстоянии найти-*

ся может*, и потому много б способнее и безубыточнее российским мореплавателям до тех богатых мест доходить возможно было против того, сколько ныне европейцы почти целые полкруга обходить приуждены».

Петр I запомнил эти слова Соймонова, а два года спустя, в разговоре с известным русским умельцем А. К. Нартовым, вспомнил о них. Поэтому царь и решил возобновить поиски морского пути от Камчатки к берегам Северной Америки. Так была организована знаменитая экспедиция Витуса Беринга.

«Секретная инструкция» В. Берингу, собственноручно написанная Петром I, гласила:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд, и чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной куст [берег] называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».

Текст этой инструкции десятки раз цитировался в литературе, но еще недавно в ней не все было понятно. И только когда выяснилось, что Петр I писал ее, пользуясь первой печатной картой района «Камчадалии», изданной в 1722 году в Нюрнберге по заказу русского правительства картографом И. Б. Гоманом, смысл инструкции раскрылся полностью. Рядом с Камчаткой на этой карте была изображена несуществующая большая безымянная земля, которая на картах Северной Америки того же И. Б. Гомана называлась то «Землей де Гамы» (по фамилии морехода, будто бы ее открывшего), то *Terra borealis*, т. е. «Северной землей». Потому-то Петр I и назвал ее «землей, которая идет на норд». На картах Гомана эта земля изображалась как соединенной с Северной Америкой, так и отделенной от нее «проливом Аниан». Поэтому Петр I и хотел, чтобы Беринг, во-первых, отправился с Камчатки прямо на восток «возле земли, которая идет на норд», во-вторых, попытался определить — не соединяется ли эта земля с Америкой, и, в-третьих, попытался бы «доехать до какого города европейских владений». Последнее, по замыслу Петра I, важно было для того, чтобы весь мир смог узнать о появлении в этом районе русских первооткрывателей. В дальнейшем это позволило бы России претендовать на боль-

---

* Курсив наш. — Б. П.

шую часть «неизвестных берегов» северо-западного побережья Северной Америки.

Инструкция была вручена Витусу Берингу уже после смерти царя и притом без каких-либо дополнительных пояснений, всего лишь за несколько часов до его выезда из Петербурга. В результате Беринг попал в весьма затруднительное положение. На Камчатке никто не слышал о «Земле де Гамы», и Беринг невольно стал по-своему толковать текст инструкции Петра I: от Камчатки он пошел не на восток, а на север — к берегам Чукотки.

Правительство было крайне недовольно тем, что Беринг не исполнил инструкции Петра I, а потому через несколько лет решено было организовать Вторую Камчатскую экспедицию с той же главной целью — проведать морской путь от южной части Камчатки мимо «Земли де Гамы» (несуществующей!) к берегам Северной Америки. На этот раз задача была исполнена весьма успешно: пакетбот «Св. Павел» (Алексея Чирикова), а затем пакетбот «Св. Петр» (командора Беринга) успешно достигли северо-западного берега Америки. На обратном пути русские моряки смогли открыть ряд островов Алеутской гряды. Но замыслу Петра I о начале быстрой русской колонизации северо-западных берегов Северной Америки тогда не суждено было осуществиться. В сановном Петербурге решили, что Вторая Камчатская экспедиция слишком дорого обходится казне, и потому приостановили ее деятельность.

С этого момента главную роль в освоении промысловых богатств северной части Тихого океана стали играть купцы.

Уже в 1743 году на Командорских островах, где осенью 1741 года трагически погиб от цинги Витус Беринг, начала промысел компания сержанта Емельяна Басова. В 1745 году купцы Афанасий Чебаевский и Никифор Трапезников высадились на Ближних Алеутских островах (о-ва Атту, Агату и Семичи). С 1756 года Петр Башмаков и Максим Лазарев осваивали центральную часть Алеутских островов, а в 1761 году первые русские зверопромышленники появились у полуострова «Алякса». Напомним, что позднее название Аляска было распространено на всю северо-западную оконечность Америки, в том числе на ее самую западную часть в Беринговом проливе, где еще в 1732 году со стороны Чукотки смог побывать мореход Михаил Гвоздев.

Особенно большие «прибытки» от этих смелых морских походов извлекали иркутские купцы: ведь они занимали ключевые позиции в доходном сбыте тихоокеанской пушны. Рассказы о их баснословных барышах быстро распространились по всей России. И в Иркутск устремились многие «торговые люди», все свои надежды возлагавшие на «фарт» (удачу). Среди них был и молодой энергичный Григорий Иванович Шелихов.

До сих пор о раннем периоде жизни Г. И. Шелихова известно очень немногое. Родился он в 1747 году в городе Рыльске Курской губернии. Уже в детские годы ему пришлось стать за прилавок отцовской мелкой лавочки. Здесь он познал элементарные основы коммерции. Но такая жизнь не удовлетворяла Григория. В доме Шелиховых хранилась ценная реликвия — серебряный ковш, поднесенный одному из его предков самим Петром I. Впоследствии Г. И. Шелихов признавался, что именно эта реликвия возбуждала у него желание «быть предкам своим подражателем».

В 1772 году двадцатипятилетний Григорий Шелихов уезжает в Курск. Тут-то он и узнал, что некоторые курские купцы отправились искать счастье в далекую Сибирь. Так ушли Иван и Михаил Голиковы, Семен и Алексей Полевые и некоторые другие курыне. Рассказы об их удаче и побудили молодого Шелихова отправиться в далекий Иркутск. Некоторое время он служил приказчиком у курского купца Ивана Ларионовича Голикова, одного из содержателей питейных сборов в Иркутске. В 1773 году Григорий Шелихов познакомился с якутским купцом Павлом Лебедевым-Ласточкиным, поверенным второго содержателя питейных сборов в Иркутске Ивана Соловьева. Вместе с Лебедевым-Ласточкиным Шелихов и задумал при первой возможности принять участие в организации промысловой экспедиции на Тихий океан. Такой случай им вскоре представился.

В Иркутске при дележе прибытков от успешного промысла на Алеутских островах поссорились «два Ивана» — тобольский и тульский купцы Мухин и Засыпкин. Воспользовавшись этим обстоятельством, Шелихов и Лебедев-Ласточкин скупили основную часть паев их компании и завладели промысловым судном «Николай».

В 1774 году Г. И. Шелихов впервые отправился на Тихий океан. Из Иркутска он добрался до верховьев Лены, затем побывал в Якутске и оттуда по Алдану, Мае и Юдоме и далее через хребет Джугджур попал на Охоту. А уже в феврале 1775 года Г. И. Шелихов и П. С. Лебедев-Ласточкин договорились с правителем Камчатки премьер-майором Бемом о том, что они пошлют на южные Курильские острова морехода Федора Путинцева на судне «Николай» и при случае проедут даже... к японцам!

В том же 1775 году двадцативосьмилетний Г. И. Шелихов, вернувшись в Иркутск, женился на молодой вдове богатого иркутского купца и стал обладателем весьма крупного капитала. Поскольку плаванья по Тихому океану часто кончались трагически, он решил, дабы избежать риска, значительно расширить свое дело. В этом случае неудача одной или даже нескольких промысловых экспедиций не грозила ему разорением.

Уже в 1775 году Г. И. Шелихов присоединился к компании опытных камчатских купцов Луки Алина и Петра Сидорова и вместе с ними в 1776 году отправил на Алеутские острова судно «Петр и Павел». В 1777 году Г. И. Шелихов вступил еще в две компании: одной из них верховодил старый его знакомый Иван Голиков, второй — купцы Пановы из Тотьмы. Вместе с Голиковыми, Лебедевым-Ласточкиным и Ситниковым предприимчивый Григорий снарядил судно «Андрей Первозванный» и отправил его на Алеутские острова. В том же 1777 году на Андреяновские острова (центральные Алеутские острова) отправилось судно «Варфоломей и Варнава», снаряженное Шелиховым, Пановыми и московским купцом Иваном Савельевым. И, наконец, в сентябре того же года Г. И. Шелихов совместно с Лебедевым-Ласточкиным послал из Охотска на южные Курильские острова бригантину «Наталя», названную по имени его жены. В этом плавании был достигнут особо значительный успех. Промышленники смогли побывать даже на острове Хоккайдо в районе порта Аткинс. На следующий год «Наталя» вторично посетила южные Курильские острова. Итоги экспедиции выразились не только в сумме прибыли: ценную географическую информацию сумели собрать унтер-офицер Иван Очередин, переводчик Иван Антипин и иркутский купец Дмитрий Шабалин, передовщик «Натали».

Таким образом, Григорий Шелихов активно способствовал дальнейшему расширению русских знаний о Курильских островах. Однако сам он подошел к этой ценнейшей информации чисто утилитарно: предприниматель убедился, что промысел на Курилах не сулит ему особых выгод, почему и решил переключить свое внимание исключительно на Алеутские острова.

В 1779 году Иван Голиков совместно с Григорием Шелиховым и известным иркутским купцом Сибиряковым купил у разорившегося купца Егора Пелопонисова судно «Иоанн Предтеча», погрузил на него 61 «рабочего человека» и с мореходом Алексеем Сапожниковым направил на Алеутские острова. В том же году к «Иоанну Предтече» присоединилось судно «Иоанн Рыльский», построенное Григорием Шелиховым. Но «Иоанн Рыльский» на обратном пути разбился у берегов Камчатки, и Шелихов со своими компаньонами (Мыльниковым, Сибиряковым, Поповым и другими) понес значительные убытки. Эта неудача, однако, не охладила его энтузиазма. В 1781 году он участвовал в отправке на Алеутские острова сразу трех судов: «Св. Варфоломей и Варнава» (совместно с купцами Пановыми), «Св. Георгий» и «Св. Павел» (совместно с П. С. Лебедевым-Ласточкиным). В этот же период Шелихов начал помышлять об организации большой экспедиции к берегам Северной Америки и о создании у американских берегов первых постоянных русских промысловых поселений. Была и еще

одна важная причина, которая побуждала Шелихова спешить с организацией дела.

В 1778—1779 годах у берегов русских тихоокеанских владений появились два судна знаменитой Третьей Тихоокеанской экспедиции Джеймса Кука. Англичане были поражены пушными богатствами далеких островов и стали горячо ратовать за приобщение соотечественников к добыче «мягкого золота». Такого рода «совместничество в промыслах» сулило русским купцам далеко не блестящее будущее. Кроме того, иностранцы могли завладеть некоторыми богатыми районами Тихого океана, особенно у берегов Северной Америки. В этих условиях, по мнению Г. И. Шелихова, политически было важно резко расширить сферу действий русских промысловых экспедиций и оградить их от происков возможных соперников.

Для осуществления своего замысла Шелихову нужны были большие деньги. Поэтому он решил организовать крупную торгово-промысловую компанию. Ему удалось привлечь в состав учредителей своего старого хозяина — Ивана Голикова и его брата Михаила, неплохого знатока морского дела. Кроме того, паи молодой компании приобрели некоторые купцы Иркутска, Красноярска и других городов Восточной Сибири.

Поскольку экспедиция имела большое государственное значение, Г. И. Шелихов стремился заручиться поддержкой и со стороны правительства. С этой целью он и Иван Голиков в 1781 году предприняли поездку в далекий Петербург.

В столице идея основания у берегов Северной Америки первых постоянных русских промысловых селений вызвала большой интерес. Некоторые питерские сановники даже ссудили Шелихова и Голикова деньгами, твердо веря, что новое предприятие иркутян окажется весьма доходным. Обратившись в Сибирь компаньоны возвращались с твердой верой в успех.

Здесь нет необходимости рассказывать, как проходила эта интереснейшая экспедиция к берегам Северной Америки, ибо именно она подробно описывается в первой части книги Г. И. Шелихова. Вчитайтесь в это повествование — и вам станет ясно, как разительно отличалась морская эпопея Г. И. Шелихова 1783—1786 годов от аналогичных плаваний других русских купцов-промысловиков.

Прежде всего из книги явствует, что Шелихов стремился во что бы то ни стало установить добрые отношения с местным населением. Это была нелегкая задача, потому что его предшественники оставили о себе недобрую память. Особенно поразительно то, что Г. И. Шелихов рискнул заменить старую систему взятия аманатов (заложников) системой создания... детских школ! И это во времена, когда в самой России школьное дело было еще не развито! Как тут не вспомнить слова

Фридриха Энгельса, который указывал, что Россия на Востоке обычно играла прогрессивную роль.

Появление Г. И. Шелихова на острове Кадык знаменовало начало нового этапа во взаимоотношениях между русскими и местными аборигенами — эскимосами и другими тихоокеанскими народностями.

Исключительно большой интерес представляет подробный рассказ Г. И. Шелихова об обычаях и нравах коняг — кадыкских эскимосов. Ранее столь полного этнографического описания образа жизни жителей Кадыка никто не давал, и этот очерк до сих пор довольно широко используется как советскими, так и американскими этнографами и археологами.

Остановимся теперь на истории издания первой части книги Г. И. Шелихова.

Существует мнение, что она была опубликована вопреки желаниям самого «Колумба русского». Эта точка зрения в первый момент может показаться вполне правдоподобной. Действительно, в ее основе лежит составленный в 1787 году подробный отчет Г. И. Шелихова о его трехлетнем плавании — отчет, который тогда считался секретным и потому опубликованию не подлежал. И сам Г. И. Шелихов считал, что он обязан хранить все собранные сведения в тайне. По словам его жены, он рассуждал так: «Ежели взять во уважение одно то, что американская северо-восточная часть еще действительно не упрочена, не исследована и не обработана в совершенную повинность российскому скипетру и что агличане могут из зависти и корысти предполагать иногда затруднения, то, конечно, найдется сей объект только важным, что нужно все операции компанейские до времени скрывать от публики, дабы иностранцы не так скоро узнавать могли о существенных деятельностях в том краю». Наталия Шелихова продолжала: «Держася сей цели, покойный муж мой не дерзнул похвастать изданием публике записок своих об открытиях в Америке, но в необходимости токмо был представить оные иркутскому начальнику, поелику секретно было ему приказано зарывать в приметных местах доски с надписью, что земля та есть владения российского. Однако ж открылись в публике изданные помимо цензуры печатные книжки под названием странствования Шелихова, а потом и о других частных морских обсервациях и открытиях, деланных компанейскими мореходами, вышли печатные же издания. А через то и все открытия наши и политические намерения все-российского двора иностранным сделались известными, а мы вместо того от них о их открытиях имеем сведения недостаточные и сокрытиями многова нужнова и важнова исполненные. Сие произошло, как

я уповаю, от того, что дела компании переходили из правительства в правительство и были ведомы многим особам» (Окунь, 1939, стр. 23).

Губерт Бэнкрафт, интересовавшийся историей издания книги Г. И. Шелихова, утверждал, что в ее публикации был повинен новый иркутский генерал-губернатор И. А. Пиль, который будто бы похитил отчет Г. И. Шелихова из бумаг прежнего иркутского генерал-губернатора И. В. Якоби и переслал в Петербург.

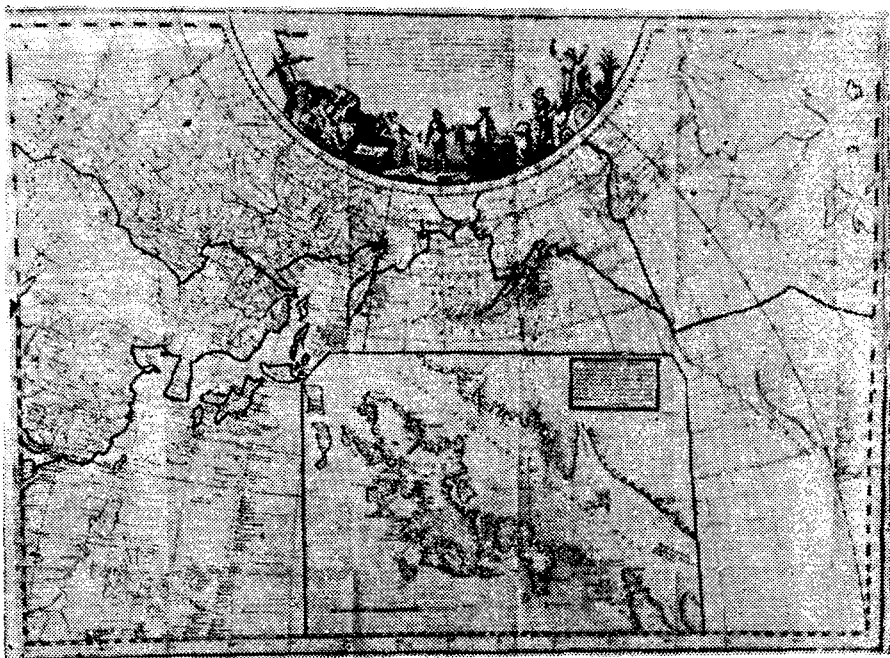
Но можно ли доверять всем этим данным?

Еще в конце 30-х годов С. Б. Окунь справедливо раскритиковал версию о «краже» отчета Г. И. Шелихова И. А. Пилем. Дело в том, что Пилю не требовалось заниматься какими-либо хищениями, поскольку он как преемник иркутского генерал-губернатора И. В. Якоби принял вполне официально все документы о русских тихоокеанских плаваниях, хранившиеся в канцелярии его предшественника. Кроме того, он быстро сблизился с Г. И. Шелиховым, всячески его поддерживал, и достоверно известно, что «Колумб русский» нередко сам передавал ему различные документы. К тому же после обнаружения А. И. Андреевым копии отчета Г. И. Шелихова в архиве Воронцовых стало достоверно известно, что главным виновником опубликования этого отчета был отнюдь не Пиль, а президент Ксмерц-коллегии А. Р. Воронцов, получивший копии многих документов из Иркутска. Воронцов считал, что настала пора подробно рассказать миру о новых замечательных русских открытиях на Востоке. Международное признание этих открытий и обнародование сообщений о создании постоянных русских поселений у берегов Северной Америки позволил бы быстрее закрепить за Россией эти новые территории. Вот почему А. Р. Воронцов и передал эти материалы для опубликования В. С. Сопикову.

Было ли это сделано без ведома самого Г. И. Шелихова?

Судите сами. При сравнении найденного А. И. Андреевым отчета Г. И. Шелихова с текстом, опубликованным Василием Сопиковым, неожиданно выяснилось, что в публикацию дополнительно вставлен абзац, в котором Г. И. Шелихов выражал свою признательность братьям, Шмалевым, капрану Попову и переводчику Суздальеву. Такую вставку мог сделать, безусловно, только автор. Следовательно, в каком-то своем письме к А. Р. Воронцову или к издателю он просил сделать такую вставку. А это означает, что Г. И. Шелихов заранее знал о предстоящей публикации отчета.

Далее. Еще в конце 30-х годов С. Б. Окунь обратил внимание на письмо сосланного в Сибирь Александра Радищева к А. Р. Воронцову: «Здесь (т. е. в Иркутске. — Б. П.) я познакомился с господином Шелиховым, который только что вернулся из Охотска, где он бывает каждую весну для встречи своих судов, возвращающихся из Америки, —

Верхняя часть «Генеральной карты» М. С. Голикова (1787 г.).

писал 14 ноября 1791 года А. Н. Радищев. — Ваше сиятельство его знали и читали журнал его путешествий, который только что отпечатан... которым он не доволен» (см.: Окунь, 1939, стр. 24 или Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 330). И С. Б. Окунь и А. И. Андреев справедливо указывали, что эта фраза из письма Радищева ясно говорила о том, что Г. И. Шелихов сразу же узнал о выходе в свет своей книги и был «не доволен, видимо, не самим фактом издания книги, а ее редакцией, которая, очевидно, кому-то была поручена». В самом деле, если бы Шелихов был «не доволен» самим фактом появления книги, он мог бы опротестовать ее выпуск, а он таких протестов не делал, и потому книга позже смогла выйти несколькими новыми изданиями.

Еще одним подтверждением заинтересованности Г. И. Шелихова и его компаньонов в публикации сведений о их плавании на Кадьяк служит то, что уже в 1787 году в Петербурге была издана подробнейшая карта М. С. Голикова, на которой были изображены все земли, осмотренные экспедицией Г. И. Шелихова в 1783—1786 годах. Эта

ценнейшая карта долгое время считалась утерянной. И только после Великой Отечественной войны ее единственный экземпляр был случайно обнаружен в краеведческом музее города Темникова (см. подробнее об этом: Федорченко, 1950; Боднарский, 1950).

Несомненно, при публикации карты М. С. Голикова компаньоны стремились привлечь внимание сановного Петербурга на весьма обширные результаты их открытий у берегов Северной Америки. Видимо, подобную же цель преследовал и Г. И. Шелихов, публикуя описание своего плавания на Кадьяк в 1783—1786 годах.

Чего же добивался Г. И. Шелихов от сановников Петербурга?

Прежде всего он стремился убедить правительство в необходимости создания большой монопольной компании, которая стала бы разумным хозяином всех промысловых районов на Алеутских островах и у берегов Северной Америки. Эта же компания должна была вести торговлю по всему Тихому океану — «с Япониею, Китаем, Кореею, Индиею, Филиппинскими и прочими островами, по Америке же с гишпанцами и с американцами».

Шелихова тревожило быстрое истощение пушных богатств Алеутских островов. Ведь купцы-зверопромышленники помышляли только о своих барышах. Для этого в ход пускались все приемы — от коварства по отношению к конкурентам до откровенного грабежа местных жителей. И Шелихов считал, что если бы на Востоке действовала одна монопольная компания, созданная по образцу английской и голландской Ост-Индских компаний, то тогда можно было бы положить конец хищническому промыслу и обеспечить доход с Алеутских островов на долгое время. При этом удалось бы более разумно использовать капиталы сибирских купцов, проводить единую политику в отношении местных народов и, что важнее всего, значительно ускорить освоение земель северной части Тихого океана.

Была у этих планов и обратная сторона. На промыслах не хватало рабочих рук. Чтобы нанять себе хорошего работника, приходилось платить повышенное жалование, а иногда даже «принимать в дело» — выделять пай. Шелихов хотел с этим покончить и тем самым повысить доходы купцов. Да, капиталист всегда остается капиталистом!

Иркутские купцы, за исключением Ивана Голикова, который верил в прозорливость Шелихова, не поддержали идею создания объединенной компании: они не доверяли Шелихову и отнюдь не хотели жертвовать своей самостоятельностью.

Ясно сознавая, что организация подобного предприятия имеет большое государственное значение, Шелихов и Голиков решили заручиться поддержкой правительства.

Прибыв в феврале 1788 года в столицу, они обратились с новым

прошением к Екатерине II, в котором испрашивали ссуду в 200 тысяч рублей с обязательством вернуть деньги через 20 лет. Шелихов обещал Екатерине II организовать несколько новых исследовательских экспедиций на Тихом океане и даже в самом ближайшем будущем установить почтовую связь между Аляской и Охотском через Берингов пролив. По замыслам Г. И. Шелихова, почта с Чукотки должны были везти на Акланское зимовье (в верховьях Пенжины), затем в Гижигинск и далее по берегу Охотского моря в Охотск (через район современного Магадана). Но прошения Шелихова не были удовлетворены.

Историки объясняют неудачу Шелихова тем, что в это время шла война России с Турцией и потому Екатерина II вынуждена была ответить ему отказом. Но покойный доктор исторических наук А. И. Андреев обнаружил любопытнейшие отзывы самой Екатерины II о планах Шелихова и Голикова — они-то и раскрывают подлинные причины этой неудачи.

Выясняется, что Екатерина II им попросту не доверяла. «Что оне учредили хорошо, то говорят оне, никто тамо на месте не освидетельствовал их заверение», — писала императрица. Особенно резко она отозвалась о просьбе компаньонов предоставить им ссуду. «Подобной заем, — проницательно писала Екатерина II, — похож на предложение тово, который слона хотел выучить говорить через тридцатилетний срок и, быв вопрошаем, на что такой долгий срок, сказал: либо слон умрет, либо я, либо тот, который мне даст денег на учение слона».

Императрица порекомендовала иркутским купцам искать ссуду у частных лиц: «в казне теперь нет денег никаких», — был ее ответ.

Главная же причина отказа Екатерины II состояла в нежелании предоставить компании исключительные права на торговлю в Северной Америке. «Для тово, что Голиков и Шелихов суть добрые люди, представляют им дать исключительный торг, — писала она, — а тово позабыли, что кроме их на свете быть могут добрые же люди. Для тово, что некоторые промышленники были лихи, надлежит лишить всех торгога — сие несправедливо, понеже порок сей не всеобщий, да хотя и был, то на порок неприлично основать узаконение». И далее: «Чтоб Голиков и Шелихов одне торговали в новооткрытые места, сие прошение есть сущее монополия и исключительная торговля, противная моим правилам» (РО, стр. 281).

Через несколько дней Шелихову и Голикову официально объявили: «Исключительное дозволение им дать на сии плаванья и торговлю ея величество не признает за благо, ибо сие исключительное дозволение не сходствовало бы отнюдь принятым от ея величества правилам об истреблении всякого рода монополий».

Все же Екатерина II признала, что компаньоны за свою деятельность достойны награждения именными шпагами и медалями.

Но Шелихов и Голиков не хотели отказываться от своей главной идеи — идеи создания объединенной промысловой компании. Особенно было задето их самолюбие тем недоверием, с каким отнеслись к ним многие в Петербурге. Поэтому вполне понятна их заинтересованность в издании книги, которая ознакомила бы российских читателей с результатами их деятельности на острове Кадык. В то же время Г. И. Шелихов безусловно боялся усилить интерес иностранцев к русским владениям.

В этом отношении очень показательна ставшая лишь недавно известной (П о л е в о й, 1960, стр. 28—29) любопытнейшая история участия Г. И. Шелихова в срыве самой ранней попытки американцев воспользоваться пушными богатствами северной части Тихого океана.

В 1781 году в Соединенные Штаты возвратился участник Третьей Тихоокеанской экспедиции Кука — Джон Ледиард. Вскоре он предложил виднейшему американскому банкиру Роберту Моррису организовать торгово-промысловую экспедицию в северную часть Тихого океана. Получив весьма крупную сумму денег, Ледиард построил небольшое судно, однако оно оказалось непригодным для плавания. Тогда Ледиард решил попасть туда на одном из европейских судов.

Сперва он пытался примкнуть к экспедиции Лаперуза, но французы предпочли отказаться от услуг подозрительного иностранца. И вот Ледиард обратился к русскому правительству с просьбой разрешить ему проехать на северо-западный берег Северной Америки на одном из русских кораблей. Екатерина II дала отрицательный ответ. Но Ледиард проник в Россию самовольно: он отправился в Швецию, а оттуда по льду пешком прошел Ботнический залив и затем через Финляндию добрался до Петербурга.

В это время Екатерина II находилась на юге России. Воспользовавшись ее отсутствием, Ледиард уверил петербургских сановников в том, что царица дала свое согласие на его путешествие через Сибирь. Ему поверили, и в конце лета 1787 года он появился в Иркутске. Здесь 18 августа он встретился с Г. И. Шелиховым и буквально засыпал его вопросами. «С жарким любопытством спрашивал он у меня, — доносил «Колумб русский», — где и в каких местах я был, далеко ли с российской стороны промыслы и торги по Северо-Восточному океану и по матерой Американской земле распространены, в каких местах и под которыми градусами северной широты есть наши заведения и поставлены знаки государственные...» Особенно Ледиарда, по словам Г. И. Шелихова, интересовало, «много ли наших российских всех судов ныне в промысле... а патче опрашивал о тех на матерой земле Американской мною оставляемых». На встречные же вопросы он отвечал «темными отводами».

Все это показалось Г. И. Шелихову подозрительным, и он сообщил

о своих сомнениях иркутскому генерал-губернатору И. В. Якоби. Последний решил лично побеседовать с Ледиардом. Беседа подтвердила обоснованность подозрений Г. И. Шелихова. Якоби обратил внимание на «жадное любопытство» американца ко всем русским сведениям. «Употребляя замысловатые свои выпрашивания», Ледиард, по словам И. Якоби, желал «узнать о времени занятия их Российскою державою, о числе народов здешних, за промыслами тамо пребывающих, и о заведениях, по островам имеющихся». Якоби поразило то, что Ледиард вопреки фактам пытался доказать, что русские действовали в местах, которые будто бы уже были освоены англичанами, и притом не стеснялся явно фантазировать: «...американец сей, — писал И. В. Якоби, — изворотясь проворно в своем разговоре, продолжал, что берега от Калифорнии на север лежащие до 50-го градуса к мысу Святого Ильи, давно уже занимаются со стороны аглинской державы и что тамо разных европейских народов около десяти тысяч находится» (Болховитинов, 1966, стр. 291).

Выдумка Ледиарда, разумеется, имела своей целью дезинформировать русских и заодно «доказать права» англосаксов на занятие этого богатого района. «Весьма нетрудно стать на может, — заключал И. В. Якоби, — что он послан сюда для разведования о положении здешних мест со стороны аглинской державы». Поэтому иркутский генерал-губернатор решил помешать проникновению Ледиарда на Тихий океан. С этой целью И. В. Якоби в момент выезда Ледиарда на Лену отправил два секретных письма: одно — в Петербург, в котором запрашивал, действительно ли Екатерина II дала согласие на поездку Ледиарда в Русскую Америку, второе — в Якутск местному коменданту с повелением, во-первых, «замечать о самонаименьших оборотливых его предприятиях» и, во-вторых, «удержать иностранца в Якутске, «однако же неприметно до тех пор, покуда осведомлюсь обстоятельнее о его состоянии». Комендант Якутска в точности исполнил поручение Якоби, но далось ему это нелегко: Ледиард устраивал шумные скандалы.

В это время с Чукотки и Колымы вернулся в Якутск исследователь И. Биллингс, с которым Ледиард был знаком по экспедиции Кука. Ледиард быстро договорился с Биллингсом, что тот возьмет его в свою новую экспедицию на Тихий океан, и вместе с ним выехал в Иркутск. Между тем запрос Якоби дошел до Петербурга. Екатерина II была крайне возмущена тем, что американцу дали возможность проникнуть в Сибирь. В ноябре 1787 года она распорядилась арестовать американца Ледиарда и выслать его за пределы России. Как видим, опасения Г. И. Шелихова, о которых мы говорили выше, имели под собой почву. И все же он решился на публикацию своего отчета 1787 года, но, естественно, в таком виде, чтобы в нем не было ничего, чем бы с вы-

годой для себя могли воспользоваться иностранные соперники. Видимо, Г. И. Шелихов рассчитывал, что в Петербурге при подготовке рукописи к набору будут опущены некоторые подробности, оглашение которых в создавшейся обстановке представлялось не вполне разумным. Но отчет был напечатан почти без всяких сокращений. И, возможно, это послужило еще одной причиной недовольства Г. И. Шелихова изданием 1791 года.

Вторую часть книги Г. И. Шелихова составляет особое «Историческое и географическое описание Курильских, Алеутских, Андреяновских и Лисьевских островов, простирающихся от Камчатки к Америке на Восточном океане». В этом сочинении дается достаточно подробное систематическое описание всех Курильских и весьма многих Алеутских островов, содержащее сведения по их флоре и фауне. Особенно интересны наиболее ранние русские данные о вулканах и их извержениях.

Вокруг второй части книги Г. И. Шелихова в научной литературе уже давно ведутся горячие споры.

Еще в середине XIX века известный русский ученый академик Карл Бэр несколько неосторожно объявил, что именно эта часть сочинения Г. И. Шелихова была опубликована академиком П. С. Палласом в 1783 году в журнале «*Neue Nordische Beyträge*» (т. 4, стр. 112—141). Это утверждение К. Бэра вызвало возражения у крупного русского этнографа академика Леопольда Шренка. Он указал на то, что описание Курильских островов было опубликовано Палласом еще до выхода в свет книги Г. И. Шелихова, и на этом основании обвинил Г. И. Шелихова в совершении весьма неблаговидного поступка. Раз Шелихов, писал Шренк, не делает «никаких оговорок и не указывает на источники своих заимствований, а все выдает за свои личные опыты и наблюдения, то эта половина его труда вполне заслуживает название плагиат» (Шренк, 1889, т. II, стр. 33).

По мнению Шренка, рассказ о Курильских островах в книгах Г. И. Шелихова был «или составлен по тому же русскому подлиннику, который лежит в основе статьи Палласа, или же является простым переводом ее, с некоторыми пропусками. В настоящее время едва ли можно сомневаться, что эта половина труда Шелихова возникла именно этим путем, так как и относящаяся к алеутам часть его сочинения есть не иное что, как перевод разных мест из донесений русских мореплавателей (Лазарева, Соловьева, Креницына, Левашова и др.), которые впервые были изданы Виль. Коксом». Шренк продолжал: «Пользовался ли притом Шелихов английским подлинником (*Coxe. Account of the Russian Discoveries between Asia and America. London, 1780*),

или немецким переводом его (*Die neuen Entdeckungen der Russen zwischen Asien und America. Frankf. und Leipz... 1783*) — это безразлично. Плагиат в данном случае тем непростительнее, что сообщения вышеупомянутых русских мореплавателей о жителях на Алеутских островах, особенно на Уналашке (самом большом из них), Шелихов не задумываясь распространяет и на кадьяхских конягов, хотя последние принадлежат к эскимосскому племени и существенно отличаются от первых» (там же).

Это последнее обвинение Л. И. Шренка создало легенду о том, что Г. И. Шелихов якобы принимал эскимосов-«коняг» за алеутов. Но читатель этой книги сможет убедиться в неосновательности подобных домыслов. Г. И. Шелихов лишь находил большое сходство между материальной культурой жителей Кадьяка и алеутов, а это признают все современные этнографы.

Высказывания Л. И. Шренка и его единомышленников дали повод американскому историку Аврааму Ярмолинскому (*Yarmolinsky*, 1932, стр. 141—142) выступить с утверждением, что Г. И. Шелихов при составлении своего описания Курильских и Алеутских островов пользовался иностранными сочинениями. Против этого утверждения решительно возразил доктор исторических наук С. Б. Окунь (1940, стр. 23) и правильно указал на наличие общего русского первоисточника, лежащего в основе сочинения Г. И. Шелихова и описаний островов, опубликованных П. С. Палласом и В. Коксом. Эта мысль была полнее развита доктором исторических наук А. И. Андреевым, который совершенно справедливо указал на прямую связь между описанием Курильских островов у Г. И. Шелихова и аналогичным описанием, публиковавшимся сперва в 1785 году в «Историческом и географическом месяцеслове на 1785 год» (стр. 73—114), а затем в 1790 году в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы» (часть 4, стр. 63—103). Публикация эта была сделана по представлению иркутского генерал-губернатора Ф. Н. Клички, автором же сочинения был назван иркутский секунд-майор Татаринов.

Так в литературе утвердилось мнение о «первичности» труда Татаринова и «вторичности» книги Шелихова. Однако сторонники этой точки зрения не заметили указания, имевшегося в тексте статьи Татаринова, на то, что статья составлена на основании, во-первых, описания Курильских островов, сделанного еще в 70-х годах казачьим сотником Иваном Черным, во-вторых, донесений Ивана Очередины и Ивана Антипина. Описание Курильских островов сотника Черного нам давно уже было известно по сочинению А. С. Полонского «Курилы» (1871). Сравнение двух этих описаний не оставляет никаких сомнений в том, что Татаринов попросту переписал с некоторыми сокращениями сочинение Ивана Черного. Видимо, так же он поступил и с недошедшим

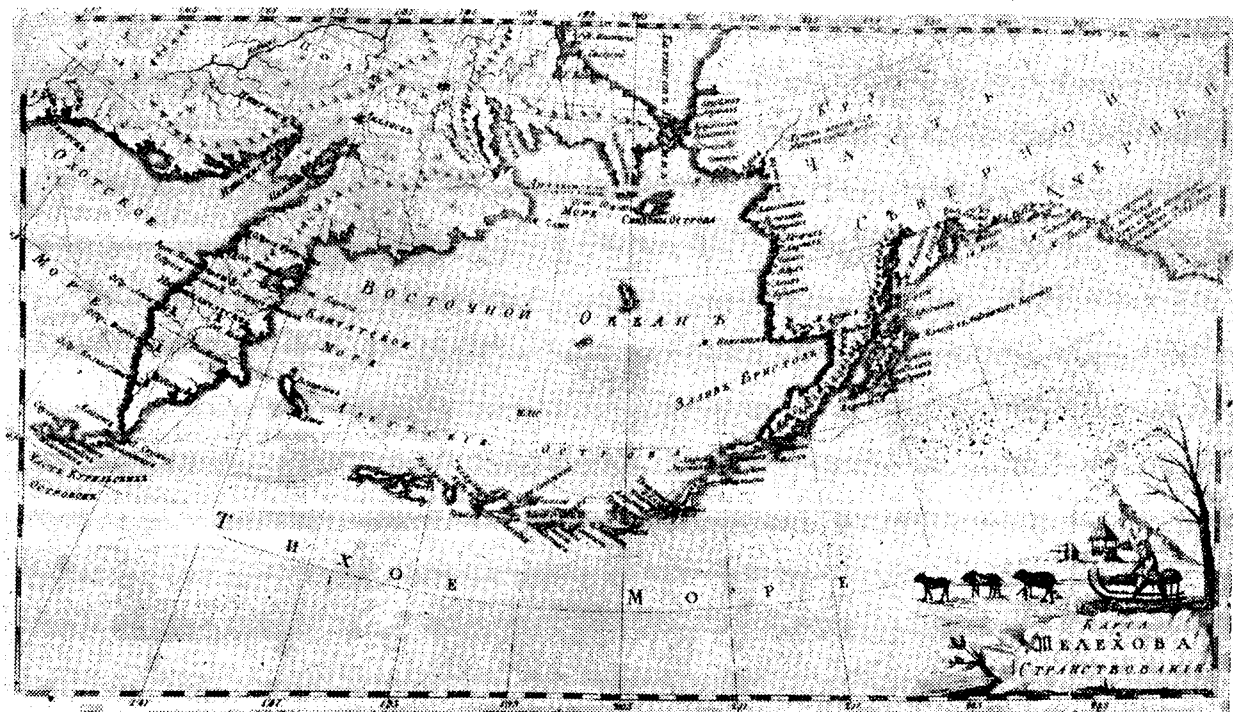
до нас описанием южной группы Курильских островов Ивана Очереди-на и Ивана Антипина.

При сличении публикации Клички — Татаринова с текстом книги Г. И. Шелихова нетрудно заметить некоторые характерные различия. Так, если в тексте, опубликованном в книге Г. И. Шелихова, говорится об острове «Матмае, или Аткисе», то в публикации Клички — Татаринова указывается, что «остров сей Очередин и Антипин называли Аткис» (Татаринов, 1790, стр. 95) и справедливо отнесли название Аткис только к городу и его окрестностям. Там, где в книге Г. И. Шелихова было сказано: «на известном нам берегу Матмая», в публикации местоимение «нам» было заменено фамилиями Очередина и Антипина, а это ясно показывает, что в книге Г. И. Шелихова использовано отнюдь не сочинение Татаринова, а какое-то не дошедшее до нас подлинное сочинение Очередина и Антипина.

Итак, очевидно, что в основу описания Курильских островов Г. И. Шелихова было положено сокращенное описание Курильских островов, сделанное главным образом казачьим сотником Иваном Черным, Иваном Очерединым и Иваном Антипиным. Но отчеты этих лиц также включали некоторые сведения, полученные от других лиц. Так, при описании острова Парамушир некоторые данные были ясно заимствованы из сочинения Степана Крашенинникова (см. прим. 137). Кое-что было получено и из очерка Курильских островов Тимофея Шмалева. Такова уж была практика тех лет: новые сочинения составлялись на основании старых, часто с дословным повторением больших отрывков из ранних сочинений, и делалось это без всяких ссылок на предшественников. И никто тогда ничего зазорного в этом не видел.

Поэтому напрасно академик Л. И. Шренк обвинял Г. И. Шелихова в плагиате, тем более что до сих пор остается не известным, был ли сам Г. И. Шелихов причастен к включению этого описания в книгу. Скорее всего это сделал сам издатель книг Г. И. Шелихова Василий Сопиков. Но если в дальнейшем и будет установлено непосредственное отношение Г. И. Шелихова к публикации, то и в этом случае «Колумба русского» нельзя будет упрекать в плагиате. К сожалению, все исследователи этого частного вопроса забывали главное: *ведь не кто иной, как Г. И. Шелихов был одним из организаторов плавания, в котором участвовали Иван Очередин, Иван Антипин и даже Иван Черный* (последний погиб именно во время этого плавания: на его байдару обрушился поток раскаленных камней из кратера вулкана на острове Райкоке). Естественно, Г. И. Шелихов имел полное право использовать описание Курильских островов, составленное его подчиненными.

То же самое можно сказать и об описании Алеутских островов. Издавна практически интересуясь промыслами в этом районе, Г. И. Шелихов, бесспорно, нуждался в правдивой географической информа-

Карта «странствования» Г. И. Шелихова в 1783—1786 гг., приложенная к первому изданию его книги (1791 г.).

ции. Он несомненно делал выписки из различных описаний островов, которые ранее представляли купцы-промысловики, бывавшие на Алеутских островах. Вот почему в описании Алеутских островов, включенном в книгу Г. И. Шелихова, имеется ряд отрывков, явно позаимствованных из сообщений Андреяна Толстых, Ивана Соловьева, Максима Лазарева, Петра Васютинского и других русских зверопромышленников и из отчетов П. К. Креницына и М. Д. Левашова. Но характерно, что в публикации Г. И. Шелихова дана совершенно новая информация о численности населения на отдельных Алеутских островах. Очевидно, эти сведения все-таки были исправлены по самым последним данным, собранным уже во время плавания Г. И. Шелихова в середине 80-х годов XVIII века.

Третья часть книги представляет собой описание плавания галиота «Три святителя» к северо-западному берегу Северной Америки, совершенного в 1788 году под руководством штурманов Герасима Измайлова и Дмитрия Бочарова. Очевидно, что этот отчет был написан не Шелиховым, но само это интереснейшее исследование было осуществлено по его поручению.

В отчете подробно описывается посещение русскими целого ряда бухт и заливов северо-западного побережья Северной Америки — от залива Чугачкого до залива Льюта. Участники этого плавания побывали также в районе, где в 1741 году высадились группа русских моряков во главе с А. М. Дементьевым. Однако Измайлов и Бочаров произвести высадку здесь не решились, хотя сам Г. И. Шелихов надеялся раскрыть тайну исчезновения группы Дементьева. Именно во время этого плавания русские смогли впервые подробно ознакомиться с образом жизни североамериканских индейцев «колошей» (тлинкитов).

В отличие от первой части книги, третья явно содержала сведения, которые не следовало публиковать. Каждому очевидно, что нельзя было печатать сведения о том, где были тайно зарыты доски с гербами России. Видимо, эту часть напечатали или без цензуры, или же цензор был малоопытным и малосведущим.

Нетрудно понять, что именно к этой части и относились слова Наталии Шелиховой об издании книжки «под названием странствования Шелихова», в которой оказались сведения об исполнении секретного приказа «зарывать в приметных местах доски с надписью «земля та есть владения Российского». Конечно, Г. И. Шелихов понимал недопустимость публикации такого рода сведений. И он поспешил «отмежеваться» от подобной публикации. А уж позднее Наталия Шелихова пошла дальше и объявила, будто бы все «Странствования» были напечатаны без ведома Г. И. Шелихова. С. Б. Окунь (1939, стр. 24) так

объясняет появление этого более чем неточного заявления Наталии Шелиховой: «Оно было сделано в момент ожесточенной борьбы наследников Шелихова за привилегии на монопольную эксплуатацию американских колоний. Заявление это могло быть сделано, чтобы отвести возражения против выдачи привилегий частной компании, которые заключались в том, что это может привести, как уже однажды было, к разглашению государственной тайны».

Следует отметить, что в 1796 году наследники Г. И. Шелихова сами допустили разглашение государственных тайн: ими была широко распространена большая итоговая карта открытий, сделанных Г. И. Шелиховым и его сподвижниками (Измайловым, Бочаровым, Прибыловым и др.). На некоторых экземплярах этой карты в ее нижней части были даны подробнейшие изображения ряда бухт и заливов северо-западного побережья Северной Америки с точным указанием всех мест, где были секретно зарыты металлические доски с надписью «Земля Российского владения» (см. Атлас, 1964, № 184).

Теперь все эти материалы имеют большое историческое значение: они наглядно показывают, какую огромную исследовательскую работу смогли проделать у берегов Северной Америки русские мореходы еще в конце XVIII века.

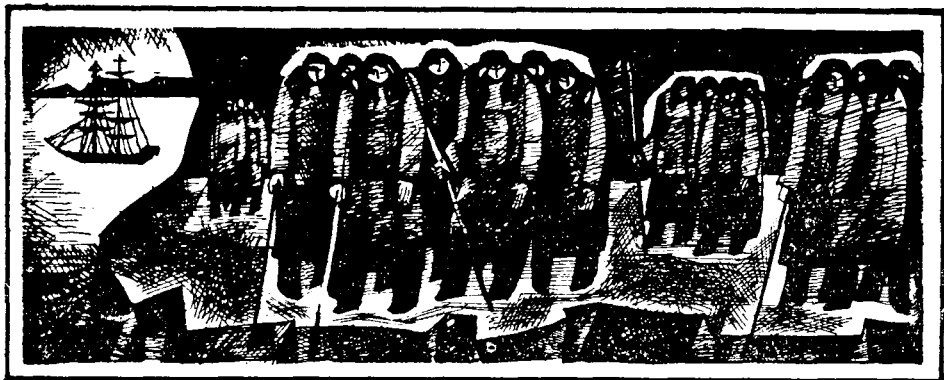
Труды, вошедшие в книгу Г. И. Шелихова, поражают обилием самой разнообразной информации о северо-западном побережье Северной Америки, об Алеутских и Курильских островах. Многие эти сведения до сих пор представляют большой интерес для ученых. В книге Г. И. Шелихова встречаются различные старинные, порою чисто местные названия отдельных растений, рыб, птиц и т. д., а также ссылки на давно забытые дела далекого прошлого. Чтобы читатели, в том числе и специалисты, могли легко разобраться во всех сообщениях книги, она снабжена подробными комментариями.

Итак, дорогие читатели, отправимся в путь к Алеутским островам и далее к северо-западным берегам Северной Америки — вместе с «Колумбом русским» Григорием Шелиховым и его сподвижниками Герасимом Измайловым, Дмитрием Бочаровым и другими славными русскими мореходами, чьи имена увековечены на картах северной части Тихого океана!

Помните, что к стилю книги необходимо привыкнуть — тогда вы сами почувствуете своеобразный колорит ее языка, проникнетесь особым духом той далекой эпохи, когда русские люди смогли от берегов Дальнего Востока дойти до Северо-Западной Америки и положить там начало так называемой Русской Америке.

Б. П. Полевой.

ПУТЕШЕСТВИЕ Г. И. ШЕЛИХОВА ИЗ ОХОТСКА К АМЕРИКАНСКИМ БЕРЕГАМ

ПОСТРОИВ при Охотском порте¹ в 1783 году от компании² три галиота³ и наименовав оные: первый — «Трех Святителей», второй — «Св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы», третий — «Св. Михаила», отправился в Восточный океан⁴ 1783 года августа 16-го дня из устья реки Урака⁵, впадающей в Охотское море, с 192 человеками работных людей; и будучи сам на первом галиоте с женою моею, которая везде за мною следовала и все трудности терпеть не отеклась⁶, назначил, на случай разлучения судов противными ветрами, сборным местом остров Берингов⁷. Преодолев разные затруднения, препятствовавшие моему плаванью, 31-го числа августа же месяца приплыли к первому Курильскому острову⁸, но противный ветер не допустил пристать к оному даже до 2-го сентября. Сего числа, став на якорь, сходили на остров и запаслись пресною водою; 3-го сентября пустились в назначенный путь, на котором 12-го числа сделавшийся шторм⁹, продолжаясь двои сутки, разлучил все галиоты один от другого. Буря сия столь была велика, что лишились было и надежды в спасении своей жизни; но однако ж 14-го числа два первые галиоты сошлись и пристали на Берингов остров 24-го сентября, расположась прозимовать на оном сколько в ожидании третьего галиота, на коем

было людей 62 человека, столько же и в рассуждении противных ветров; но галиота оного во все время бытности на Беринговом острове дожидаться не могли. 25-го сентября с обоих судов несколько человек на байдарках, с собою привезенных, посылал обойти остров, любопытствуя, не встретят ли чего достойного примечания. Посланные возвратились 27-го числа того же месяца, не найдя ничего такого.

Всю зиму никакова промысла на сем острове не имели, кроме малого количества песцов, потому что других зверей и не было. Пища, каковую на сем острове употреблять можно, состоит из морской рыбы, коей много разных родов, также [из] мяса морских зверей, как-то: сивучей¹⁰, котов¹¹ и нерп¹²; из птиц находятся: гуси, утки, лебеди, урилы¹³, чайки, ары¹⁴, куропатки, а сверх того употребляют и коренья ку-тагарное¹⁵ и сарану¹⁶, кои причисляются также к роду употребляемой пищи. Зима продолжалась с сильными и более северными и восточными ветрами, снег и метель были почти ежедневно.

Поелику мореплаватели цинготной не могли избежать болезни, то нужно было искать и средств к освобождению от оной: и для того во время метели ходили возле моря, а в ясные дни по горам на лыжах в дальнее расстояние¹⁷.

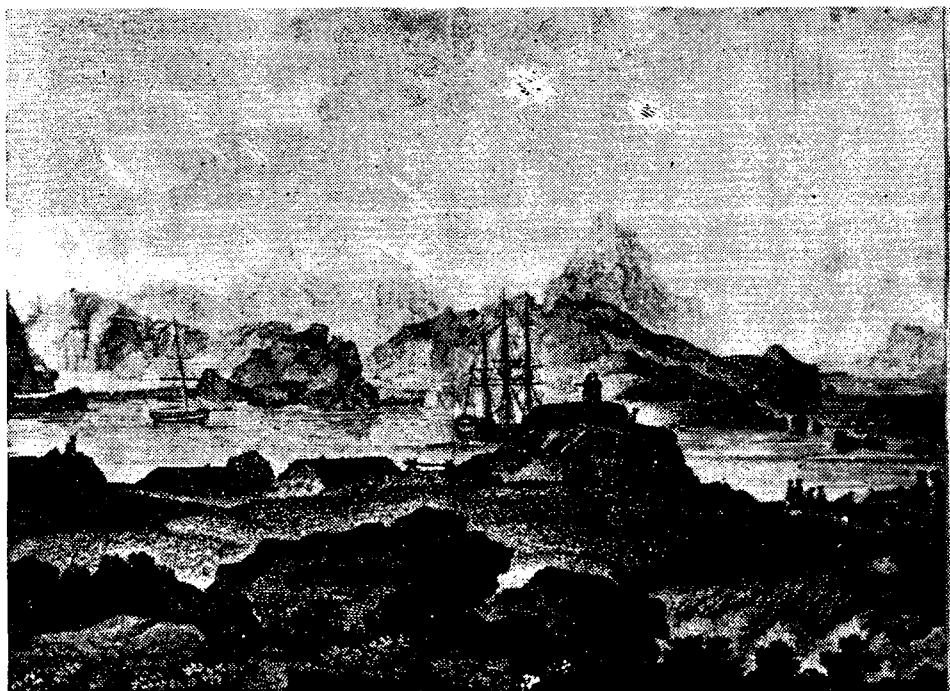
На линии деланной нашли там склонение магнитной иглы к востоку один румб с четвертью¹⁸.

Оставили сей остров 1784 года июня 16-го числа¹⁹, назначив на случай разлучения сборным местом Уналашку*, один из островов, считающихся под именем Лисьей гряды²⁰. А чтоб и третье судно, от первых двух отставшее, известно [извещено] было о сем нашем условии и туда же бы следовало, то писал я из Берингова острова на оное письма²¹. По 19-е число удерживаемы будучи иногда недостатком ветра, а иногда противным, плыли весьма тихо; а 19-го числа по причине густого тумана галиот «Св. Симеона» потеряли из вида. 20-го числа пристали к Медному острову²² одним судном; там запаслись свежою водою и, взяв мяса котов морских, 23-го числа отправились. 6-го июля прошли остров Атху²³ из числа Андреяновских²⁴, а 7-го миновали остров Амлю, 8-го и 9-го были в виду острова Сиугам, Амухта, а после и Четырех Сопочных²⁵; 10-го числа шли проливом между Четырех Сопочных, склоняясь с полуденной стороны в северную, 12-го июля в отдалении от островов в северную сторону сошлись с отставшим галиотом «Св. Симеона» и, продолжая путь, 13-го числа пришли на остров Уналашку и в Натыкинскую бухту²⁶, 14-го завели галиоты в гавань, Капитанскую называемую, где, расформировав²⁷ оные, стояли по 22-е число, запасаясь нужным.

Проходя мимо вышеописанных островов, приметить могли только

---

* Описание сего острова см. ниже.

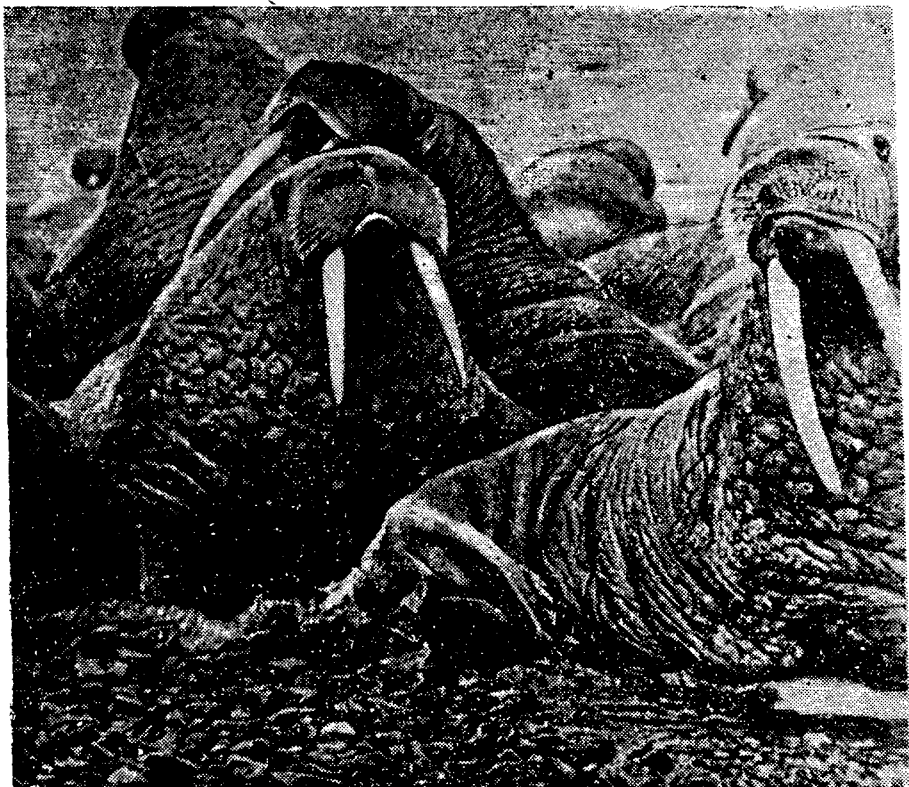
Вход в Капитанскую гавань на острове Уналашка.

то, что цепь всех тех Алеутских* островов, начиная от Берингова острова²⁸ до острова Кыктака²⁹, о котором ниже сего означено будет, состоит из каменных высоких гор, в числе коих много есть огнедышащих. Лесов стоячих совсем нет, а растут только расстилающиеся по камням, как-то: тальник, ольха и рябинник, да и они не во всех местах; жители же на дрова и на строение разного рода лес собирают, выбрасываемый на берега моря.

Исправя на острове Уналашка все нужное и взяв с собою двух толмачей и десять человек алеут, кои добровольно служить согласились, и не ожидая отставшего третьего галиота, 22-го числа июля отправились в сей путь, оставя однако ж наставления для галиота «Св. Михаила», чтоб пристал к острову Кыктаку, он же называется Кадьяк, который назначен всеобщим сборным местом. Проходили с северной на полуденную сторону гряды Лисьих островов проливом между ост-

---

* Описание сих островов см. ниже (примечание подлинника).

Сивучи на лежбище.

ровов Унимака и Акуна³⁰. Сей пролив ничего, судовому ходу препятствующего, не имеет, потому что чист и пространен, только во время прилива и отлива быстрота в нем наисильнейшая.

Августа 3-го числа пришли к острову Кыктаку и с полуденной стороны ввели галиоты в гавань, поставя там на якоря. 4-го числа отправлены были работные люди на байдарках, содиненных по две, чтоб осведомиться, есть ли на сем острове жители. Две байдары того же дня с одной стороны возвратились, которые никого из островитян не видали; а вслед за сими из последних двух байдар одна прислана в гавань с таким уведомлением, что виделись с некоторым числом жителей; после и отставшая байдара возвратилась, доставив с собой одного из жителей острова, которого я, сколько было нужно, старался угостить и, одарив, по некоторым разговорах на другой день отпустил его

Вид селения Г. И. Шелихова в гавани Трех Святителей на о. Кытак (Кадьяк).

обратно, который после опять приехал и жил у нас до самого моего возвращения, сопровождая во всех наших разъездах, и не только малейшей не учинил измены, но еще и остерегал от некоторых злобных жителей острова сего, покушавшихся на нашу жизнь. Сие злодейское их умысление видно было из самого их действия, о чем ниже сего изъяснено будет. На третий день по прибытии нашем к сему острову, из числа в первый раз виденных нами людей, которых конягами называют³¹, приехали к нам три человека в трех байдарках; мы приняли их к себе на судно со всеми знаками дружбы и приязни и выменяли у них на вещи, надобные им, немного зверей. Во время их бытности у нас 5-го августа пополудни во 2-м часу началось затмение солнца и продолжалось полтора часа. Сие в конягах, как в людях, ни малейшего о причине явления сего понятия не имеющих, произвело величайшее удивление; но, однако ж, ничего особенного при том не произошло.

7-го августа, вторично посланы от меня были в четырех байдарках

работные люди сколько для осмотра звериных мест, а не меньше и для примечания самого острова, коим приказано как возможно далее около одного проехать. 9-го августа расстоянием от гавани в верстах в 40 усмотрели они множество диких, собравшихся на отделенном и с моря неприступном утесистом преобширном камне, который имеет вышины с одной стороны пять, а с другой более семи сажень. Посланные от меня уговаривали сих диких, чтоб они приняли нас дружески; но они, не внимая тому, с угрозением приказывали, чтоб мы отдалились от берегов их, ежели желаем остаться живыми, и не отваживались впредь никогда мимо них разъезжать³².

Я, уведомлен будучи о сем, тотчас с бывшими со мною работниками отправился туда и начал было уговаривать оных, чтоб они оставили таковое упорство и склонились бы к дружественному обхождению, обнадеживая их, что мы с нашей стороны не для каковых-либо ссор и обид к ним пришли, но чтоб дружеским с ними обхождением приобрести их благосклонность, и в доказательство того обещал я по возможности своей одарить их из вещей, весьма ими любимых. Их тут было превеликое множество, и по крайней мере до 4000 человек. Они, несмотря на таковые убеждения, начали стрелять из своих луков; почему и принужден я был от них удалиться, крайне беспокоясь о неизвестности, чем кончится таковое затруднение. Однако, приметя из упорного их наступления на нас и видя притом желания оных, чтобы я удалился от берегов их, или все будем перебиты, я старался все принять предосторожности от нечаянного на нас нападения.

12-го августа в самую полночь, во время производимой работными людьми на карауле перемены, сии дикие, в превеликой толпе сошед с камня, на нас напали с такою жестокостью, что можно было помыслить, что совершенно достигнут они своего намерения, что и действительно бы им учинить то было нетрудно, ежели бы мы меньше были осторожны и больше боязливы. Очевидная смерть подала нам бодрость, и мы со оною, защищаясь нашими ружьями, насилу могли обратить их в бегство; сражение продолжалось с четверть часа. С восхождением солнца не увидели уже мы никого из них близ себя, да и убитых ни одного человека, ибо они таковых уносили с собою. Мы же, напротив того, были столько счастливы, что никто из наших ни убит, ни ранен не был, что одному я особому божию промыслу прописываю. И вскоре потом от явившегося к нам переметчика, бывшего у коняг в плену, из жителей таягу³³, кои от россиян именуется лисьевскими алеутами, узнали мы, что на камень в следующий день коняги уже несколько дней ожидают из жилищ от Илюды, Угашика, Угаатака, Чиннигака³⁴ и многих других мест на помощь к себе людей великое множество и намерены соединенными силами со всех сторон как на том месте на нас, так и в гавани на суда наши сделать сильное нападение

и истребить всех до единого, что худой их в прежнее нападение успех не только не устрашает, но к сильнейшему еще возбуждает защищение, и что положили они, если останется сколько из нас живых, то тех разделить, а имение наше по рукам разобрать и нас сделать рабами своими, равно как и досками наших судов, почитаемых ими за драгоценные вещи, думали также завладеть.

Приметя вскоре сию угрожаемую от лютости диких опасность, расположились мы предупредить оных предприятие и, прежде нежели получат они подкрепление, овладеть вышеописанным камнем, на котором они там, как в крепости, засели. Между тем коняги не упустили делать на нас разные покушения. Сие самое, так как и силы наши, не ответствующие нимало оных множеству, принудили меня приступить со всеми моими людьми к крепости их с тем намерением, чтобы выжить их оттуда, и для того, подступивши к оной, произвели из ружей пальбу; но как она ничего им не вредила, то они против нас престояли, делали стрелами своими отпор, почему принужденным себя находил действовать выстрелами из пяти взятых с собою двухфунтовых пушек³⁵. Я велел метить ими более на острые каменья и хижины их, там бывшие, чтобы некоторым оных разрушением привести в большой страх сих людей, яко не знающих еще действия таковых орудий.

Сие и в самом деле столь новое и необычайное для них явление, более нежели чувствуемый оттого ими вред, скоро произвело в них робость и ужас и притом заставило делать об нас нелепые заключения. Потом они побежали из крепости своей, кою оставили уже нам без потери и единого человека, выключая 5, хотя и жестоко, но не смертельно раненных. Сколько я ни избегал пролития крови, нельзя однако ж думать, чтобы не было при сем несколько из них убито. Я старался узнать о том, но тщетно, потому что с одной стороны уносили они мертвых с собою, а с другой бросали их в море. Из коняг взято в плен более тысячи человек, а прочие, коих, конечно, не меньше трех тысяч было, разбежались. В плен привели мы в гавань более 400 человек, распустив прочих на волю, и из пленных выбрал я одного начальника, который по-коняжски называется хаскак³⁶, и отдал наконец оному всех пленных в полную команду, снабдя их байдарой, байдарками, сетями и всем нужным к их жизни; взял однако ж в залог верности из детей до 20 человек аманатов³⁷.

Пленные сии похотели жить в 15 верстах от гавани, что я им и позволил. Продолжение времени показало их верными союзниками, и через них узнали мы, что в самом деле не избежать бы нам всекрайнейшей опасности или и совершенного истребления от ожидаемой конягами из других жилищ помощи, состоящей из великого множества диких, кои уже приближались к крепости; бегущие из оной встретя и на сказав им страху больше, нежели сколько оного в самом деле было,

и уверяя, что мы все сделались огненными и своими стрелами камень и жилища их разбивали, привели в такую робость, что они в тот же час разбежались; несмотря однако ж и на сие, скоро после того сделали они, выключая пленных, мною поселенных, еще покушение и ночью, в ветреное и дождливое время собравшись в превеликом множестве, с великою яростию атаковав стоящие в Угатацкой бухте³⁸ байдары, со всех сторон действовали копьями и стрелами, но оружейные выстрелы и сих отбили; было ли сколько из них убито, также неизвестно; с нашей же стороны хотя шесть человек и ранено, но сии в короткое время выпользованы. Не можно сказать, чтоб и байдары наши не были повреждены, ибо копьями коняги пробивали оные насквозь; таких ударов столь было много, что иные до ста сквозных пробоин имели, и приступ их был так же жесток.

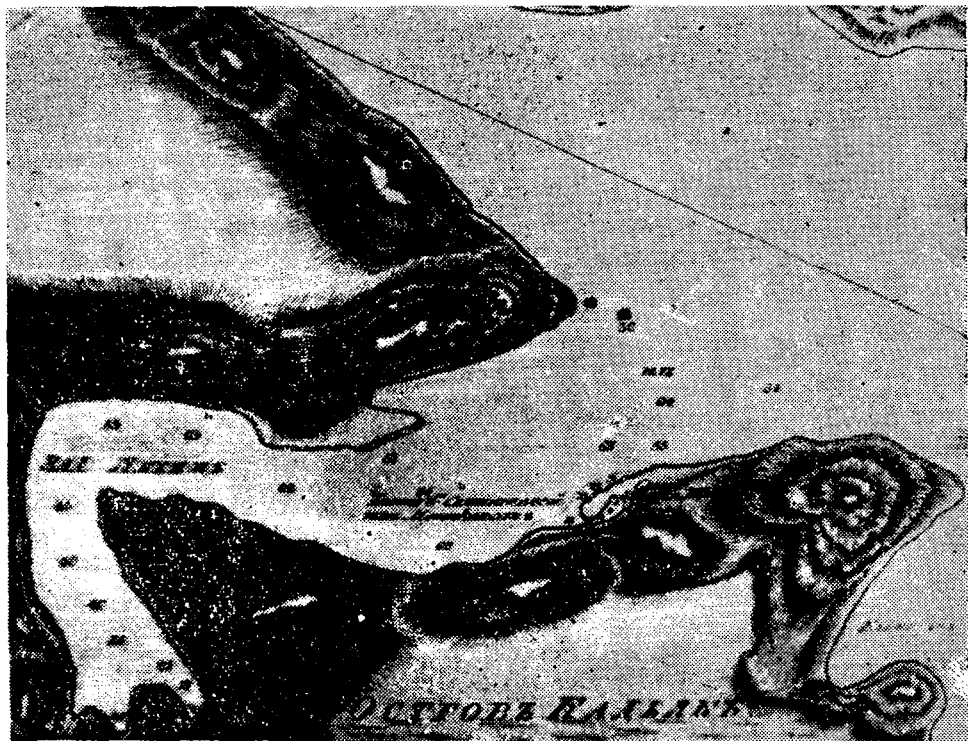
Я уже был предупрежден о немирности коняжского народа и о тех причинах, по коим имели они успех в изгнании³⁹ всех посещающих их промышленников, притом удобно могли от себя таковых прогонять; то усердие мое к пользам отечества ободряло меня при всех вселяемых в меня страхах от стороны прежних о том известий от бывших на мысе, при острове сем находящемся, Агаехталик называемом⁴⁰, некоторых известных по делам промышленников, и самих испытавших жестокость их. Я побеждал всякие об оных предубеждения, и так как в договоре общем с товарищами моими капитаном Михайлом Сергеевым* и курским купцом Иваном Ларионовым, детьми Голиковыми, положено первою обязанностью на примирении диких соблюдение польз казенных, то и уговаривал я работных моих на мое предприятие.

Коняги легко почитали не только выгнать всех нас из острова Кыктака, но и ни одного человека не оставить, ежели мы упорно будем противу их нападений стоять, или разделить нас по рукам в рабы, так как они, обыкновенно ведя непрестанную между поколений своих брань, пленных употребляют во всякие работы, почитая их вечно себе принадлежащими, и в достижение сего поставляли: 1) малое наше людство: потому что было только всех 130 человек⁴²; 2) успехи, какие они имели в 1761 году над одним, нечаянно приставшим к мысу Агаех-

---

* Капитан Михаила Сергеев сын Голиков умре в Санкт-Петербурге 27 генваря 1788 года на 41 году от рождения. На могиле его в Большеохтенском кладбище поставлено мраморное надгробие, на коем между прочим изображено в стихах: что он...

Для польз сообщества достаток истощая,
Землеисканием честь Россов умножая,
Соорудил суда, с Охотских кои вод
Нашли в полночную Америку проход:
На медной доске чертеж им оных мест оставлен⁴¹,
Чем Голикова труд и общников прославлен.

Карта гавани Трех Святителей на о. Кытак (Кадьяк) с изображением селения купца Шелихова.

талицкому разных компаний, чтобы там перезимовать, промышленным судном; ибо дикие сии народы не только далее 5 верст от судна людей, на оном бывших; не отпускали, но, лишая их всяких промыслов, вытеснили оное прежде времени⁴³; 3) в 1776 году Холодиловской компании судно⁴⁴, приставшее было к тому острову, успели они прогнать через 11 дней; 4) в 1780. году к тому же Агахталицкому мысу компании Пановых судно под начальством штурмана Очередина⁴⁵ приходило и хотя расположилось было там прозимовать, но, наконец, после великих изнеможений и потерь много людей, бегством оттоль спаслось; 5) в 1785 году с Лисьих островов бывших там разных компаний промышленные, снарядя три судна, пустились к североамериканским берегам, составляя свое людство в 300 человек. Сии суда были под предводительством штурмана Потапа Зайкова⁴⁶, они прибыли к берегам Се-

верной Америки августа в последних числах в залив Чугатской*, названный Куком Зандвич Саун⁴⁷, и, остановясь, расположились зимовать. По множеству своему думали они, что в состоянии всякой противиться диким силе, как, наконец, узнали совершенно свою ошибку; они жителями тамошними к промыслам не допущены и не могли ни на одну версту в малом числе и невооруженные отходить. Едва только прозимовали, оставляя все прежние свои намерения, бежали, потеряв тут немало от голоду людей. Сии-то, узнав о намерении моем идти на остров Кадьяк, всеми мерами старались от того меня отговорить, представляя жителей одного кровожадными и непримиримыми, выводя сие как из прежних вышеописанных случаев, так и собственного своего испытания на мысе Чугатском⁴⁸ от однородных кадиякским обитателям. Но я мало уважал все сие и пренебрегал все опасности, дабы достиг цели, намерений общества и собственного моего.

Изъясненные выше сего на меня нападения не обнадеживали нас и впредь быть безопасными, но тем более, что они никогда не пропускали нападать на наши байдары, посылаемые для разведываний; и хотя всякий раз после покушений давали они и на байдары своих аманатов, почему, будучи намерены мы прозимовать на острове, ими обитаемом, и довести их ласковостью, щедростью, угощением и подарками до миролюбного познания, что они чрез дикость свою собственного лишаются покоя, убивая друг друга, и дабы показать им жизнь неведомую, я все старание свое употребил к тому, чтобы построить домики и сделать крепость, на первый раз хотя бы плетневую. Мы в том и успели, хотя с великим трудом; но как, и со всем тем, не представляли они делать покушения как на байдары, посылаемые мною для обозрения и описания мест, так и на нас самих, то я, избегая сколько можно пролития крови, и чтобы лучше себя обеспечить, представлял силу и действие нашего пороха и, пробуравив в превеликом камне дыру, наклал туда одного, при котором, утвердя замок от ружья, а к сему предолгую веревку под другой камень для безопасности того, кто должен действовать, оную разорвал вместе с ружейным выстрелом при множестве мирных коняг, отчего рассеян везде слух об удивительной силе так ими называемых наших «стрелок».

После чего и других непонятных, чудных и вместе ужасных для них явлений все коняги острова оставили свои усильства к вытеснению нас: ибо я им представлял, что я желал с ними жить в дружбе, а не вести войну, а впрочем, ежели бы другое мое было намерение, то не избегли б они силы моего оружия, притом же и все милостивейшая наша государыня желает им покровительствовать и доставить им жизнь безопасную и спокойную. Сие и многие примеры ласкового обхождения

---

* Чугацкий. — Б. П.

и малые подарки совершенно их усмирили. Тут и через толмачей всячески внушал им о спокойствии, великости, силе и красоте всего находящегося во внутренности России, равно как и о милосердии нашей императрицы. Приметив же рассеивающийся о всем том слух и любопытство, и более еще старался удостоверить их, иногда рассказывая, а иногда показывая вещи, которые бы они без предупреждения готовы бы были обоготворять, доводя их постепенно до познания того невежества, в коем они находились. Таким образом приобрел и к себе от них столь великое благорасположение, что они, наконец, все называли меня своим отцом. При таковых знаках их ко мне доверенности отдавали себя охотно в мои повеления; почитали они чудом скоропоспешное строение наших домов, потому что они над одною своею хижиною трудятся, отесывая доски заостренными железцами, несколько лет, и для того почитают они оные великой цены стоящими. Невежество их так велико, что они, когда мы во время темных ночей выставляли бывший у меня кулибинский фонарь⁴⁹, думали, что то было солнце, которое мы похищали, приписывая и мрачность дней причине оного.

Мне прискорбно было видеть таковую умов их темность. Почему и не оставлял их более пребывать в сем заблуждении, но старался, сколько можно, изъяснить им, что сие есть дело такого же человека, как и они, с тою только разницею, что они ничего не будут знать до тех пор, пока не будут мирны и [не станут] заимствовать от нас обычаи и род жизни. Я показывал им способность и выгоды российских домов, платья и употребления пищи, они видели труды моих работных, когда они [работные] копали землю в огороде, сеяли и сажали семена; по созрению плодов я велел им оные раздавать, но они, употребляя их, ничего кроме удивления не изъясляли, многих я велел кормить изготовленную работными моими для себя пищею, к чему они крайнюю чувствуют охоту.

Такое мое с ними поведение час от часу более их ко мне привязывало, и они, не зная чем угодить мне, приводили в великом множестве детей своих в аманаты тогда, когда я и не требовал их и когда они не нужны мне были; но я, чтобы не оставлять их в неудовольствии, многих принимал, а других, одарив приличными для них вещами, отпускал. После таковой их ко мне привязанности старался я познать их богослужение. Я не нашел сердца их зараженными идолопоклонством; они только признают два в мире существа, одно доброе и другое злое, присовокупляя об оных нелепости, свойственные их невежеству и дикости. Видя сие, сделал я опыт рассказать им сколько можно проще и внятнее о христианском законе, а как увидел величайшее их в том любопытство, то и захотел я воспользоваться сим случаем. И потому начал я любопытствующим в часы свободные преподавать точное понятие о нашем законе и до истинного доводить пу-

Байдары на берегу Чугачского залива.

ти, чем и зажег их сердца; словом, до выезда еще моего сделал я христианами из них сорок человек, кои и крещены были с такими обрядами, какие позволяются без священника⁵⁰.

Я заметил, что они начинали уже пренебрегать своих собратий, а что всего чуднее, то они, принимая обыкновения и поступки россиян, делают насмешки над другими дикими, почитая их совершенными пред собою невеждами. Поелику я многих из них принимал в построенной тут комнате, то они видели ее величества всемилоштивейшей нашей государыни живописное лицеподобие и некоторые книги, кои я употреблял, и, приметив желание их знать, что им казалось удивительным, изыскал им со всем подобающим благоговением о ее величестве⁵¹, сказывал им о милосердии ее, власти и силе и сколь себя почитают те счастливыми, кои ее повелениям следуют и находятся под ее законами; напротив того, те несчастливейшие, кои от того бегают или делают противное ее повелениям. Возможно старался я внушать

им о спокойствии и безопасности каждого, и что всякий может везде ходить и ездить один, не опасаясь, чтобы кто сделал на него нападение или отнял его имение. Сии слова или маловажнейший сей пример выбрал я для того, чтобы понятнее им оное казалось. И в самом деле такое я сделал в них о том впечатление, что они захотели и просили меня, чтобы всех тех, которые будут приходить на их остров, я отгонял, поручая притом себя в мою защиту, обещаясь слушать меня и во всем мне повиноваться.

Бедные сии люди, приходя к моему селению и видя иногда послушность ко мне моих работных, исполняющих мои приказания, думали, что более меня не может уже никто быть. Но я вывел их из сего несчастного заблуждения и дал им разуметь, что я самый последний подданный моей государыни, что от нее есть еще постановленные власти, которые смотрят, чтобы обид и притеснения никому нигде не было. Я всеми возможными средствами объяснял им, сколько они будут благополучны, если возлюбят и верными учинятся ее величеству все милостивейшей нашей государыне, которая в противном случае их за непокорность наказать может.

Разговаривая часто о порядке в России живущих и о строении, возбудил в некоторых такое любопытство, что сорок человек обоего полу захотели видеть селения российские: в показанном числе были и дети, коих при выезде моем оттуда дали мне дикие, чтобы хотя оные посмотрели все здесь находящееся, ежели они сами того сделать не могут; и все оные выехали со мною в Охотск, из коих 15 приехали в Иркутск, а последние с возвратным отправлением судна моего, быв одеты и одарены, возвратились.

Что принадлежит до книг, то я не мог никакого об оных сделать им понятия. Но, посылая иногда из них с записками моими к артелям, оставленным в других местах сего же острова, в такое приводил их удивление, что когда по записке моей давалось то, о чем предсказывал прежде еще их отходу, то они поставляли оное выше силы человеческого; так, например, посылал я одного из них с запискою взять у приказчика моего черносливу и других древесных сухих плодов. Посланный, дорогою оные отведывая, половину съел, что я, по записке узнав, ему сказал, чему он крайне удивился и сказал: «Это подлинно, что сия бумажка востро на меня глядела, когда я их ел, но впредь я знаю, как от сего избавиться». Я, желая испытать его простодушие, послал за тем же в другой раз, но, как и тогда, по записке и весу узнал, что целой половины нет, а потому и получил от него опять в лакомстве признание, и что для него чудно, что он, евши те плоды, зарывал ту бумажку в песок, но видно, что и сквозь песок она видела.

Второй пример. В построенной мною комнате стояло большое зеркала, к которому те дикие, подходя, несказанно дивились, что видят

в нем во всем подобных себе людей, и, недоумевая, что то за люди, почитали все сие волшебством, им непонятным. Чрез сие начал я вводить их в познание о книгах, обещая выучить и детей их, ежели кто из них на то согласится, таковой же, по их мыслям, премудрости. Нашел некоторых охотников, кои приводили и вручали мне оных. Должно отдать народу сему справедливость в остроте ума, ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки, и некоторые до отъезду моего столько выучились по-русски говорить, что без нужды можно было их разуместь. Я оставил таковых учащихся грамоте 25 мальчиков, которые гораздо охотнее желают быть с россиянами, нежели с дикими их отцами.

Таковыми я путями старался доводить их до того, чтобы они увидели свое невежество. Всегда боролся я с работными моими, рвавшимися к ссоре, и, наконец, им же самим показал из того пользу. Дикие, узнавши о силе даваемых им мною записок, отлучаясь на дальние промыслы, брали у меня, так сказать, билеты, дабы оные показывать в случае встречи с разосланными от меня в дальние места артелями в доказательство, что они принадлежат к мирным и нам доброжелательствующим. Защищая же их людьми моими от набегов на них из других мест диких, дал им чувствовать, сколько приятно жить в покое, ибо после сего не отваживались неприятели их делать на них нападения. Видевшие же притом, что услуги их, мне показываемые, не оставались без награды, желали, чтобы я вечно с ними остался. Я могу сказать и хвалиться тем, что когда узнали они о моем отъезде, то столько о том печалились, как будто все уже теряли; но при сем случае я поручил все дела мои оставленному там мною правителю енисейскому купцу Самойлову⁵² — такому человеку, на которого надеялся я, что будет следовать всему тому, что я показал; сверх же того снабдил я его и довольным на бумаге наставлением.

До отбытия моего, по известиям от диких, которые хотя и не могут ни малой верности дать о числе мирных коняг, совершенно доброжелательствовавших мне, но из рассказов их и моих замечаний можно почти верно считать преданных ее величеству обоего пола с лишком 5000 душ. Я никогда не упоминал им о платеже ясака, дабы не подать какого подозрения или не было бы иметь сие претыканием, а старался только преклонять их к хорошим мыслям о россиянах и вводить исподволь в наши обычаи так, чтобы не только не противны они им были, но и понимали бы оные, оставляя, впрочем, рассмотрению высокого правительства, как поступить в рассуждении ясака⁵³.

В 1785 году между работными моими людьми примечена цинготная болезнь, которая наконец так усилилась, что с половины зимы оные умирать начали, а оставшиеся сильно ослабевали. Слух о сем везде разнесся, и некоторые между отдаленными дикими примечены

сборища. О сём уведомили нас совершенно доброжелательствующие нам коняги, прибавя к тому, что оные идут против нас; и для того, не ожидая дальнейших моих наставлений, поспешили сами рассеять оные, приведя ко мне главных заговорщиков, по признанию которых в их намерении нашел я нужным задержать их у себя под стражею, 9-го числа апреля отправил я из российских одного Расетного⁵⁴ с тысячью человек мирных коняг, кои все из усердия ко мне сами вызвались для безопасности одного человека провожать на Унгинские острова, наименованные от Беринга Шумагины⁵⁵, к находящимся там компаниям с письмами, уведомляя оными о всех случившихся с нами цинготной болезни несчастных приключениях, просил от них возможной помощи; но по отбытии сих посланных цинготная болезнь стала уменьшаться.

Мая 2-го отправил я в четырех байдарках 52 человека российских рабочих, 11 лисьевских алеут и 110 человек коняг в байдарках в восточную сторону с намерением, чтобы познакомиться с людьми, населяющими острова, лежащие по Американской земле до Кенайских и Чугачких бухт⁵⁶, узнать выгоды и описать все нужное, назначив продолжать сие плавание дотоле, покуда лето дозволит. Партия оная возвратилась августа в последних числах, плавая на северной стороне пролива между Американской землей и островом Кыктаком, не выдав во все лето ни от коняг, ни от чюгач и ни от кенайцев никаких нападений, но еще оные народы дали до 20 человек в аманаты.

В рассуждении тамошнего торгу, оный был в сие время почти ничего не значущий, потому что жители тамошние, будучи незнакомы, боялись вступить в такое сообщение, несмотря на то что аманатов дали. Прибывши оная партия на остров Кытак, расположилась зимовать, избрав для того Карлутское многолюдное место⁵⁷. В продолжении зимы разъезжая на байдарках в северной и западной стороны острова, а по американскому берегу от Катмака⁵⁸ до Камышатской губы⁵⁹, чрез тихое с обитателями обхождение и всегдашнее приласкивание, сопровождаемое угощениями и подарками, привели их в союз, взяли аманатов и торговали с ними так, что ни малейших раздоров не случилось.

Из гавани я во всю зиму рассылал объезды около острова Кыктака с южной и восточной стороны и по островам, около тех берегов лежащим. Многое число коняг ласкою и торгом в дружбу склонили, аманатов также взяли и совершенное их к Российской державе подданство утвердили. Декабря в последних числах отправил я из гавани при одном толмаче двух рабочих в Кенайские губы под видом торговых людей для примечаний, дав им и товару несколько для промены, а острова Шуеха⁶⁰ аманатному хаскаку⁶¹ поручил их в сохранение.

1786 года генваря 10-го из гавани отправил одиннадцать человек

работных людей в восточную сторону по Кыктаку-острову в еловый лес, находящийся в 160 верстах от гавани, близ Чинигатского селения⁶², для делания шлюпок⁶³. Сии посланные, построив прежде зимовье, после и порученное дело исполнили; купив притом несколько пушного товару, а 1-го числа мая в гавань возвратились.

Февраля 25-го, от 19-го числа с Катмацкого жила⁶⁴, от грека Евстрата Деларова⁶⁵ получил я письмо, которым он уведомил, что галиот нашей компании «Св. Михаила» 1785 года мая 12-го числа по предписанию моему из гавани острова Уналашки вышел в море, противными ветрами задерживаем был около Уналашки шесть недель. Наконец, во время штурма [шторма], потеряв мачту, которую ниже салингов⁶⁶ сломило, принужден был возвратиться на Уналашку и, по исправлении мачты в августе месяце, при самом выходе в море вторичному несчастью был подвержен; ибо ошибка подштурмана сделала то, что галиот о камень повредило и принудило остаться на Уналашке и там зимовать, отправив между тем, по дошедшим известиям, на помощь к нам в байдарках 30 человек; но сии, на дороге удержаны будучи штурмами [штормами], пробыли шесть недель на американском берегу, лишись шести человек от холоду и от недостатка пищи. Оставшие спасены, по уведомлению вышеписанного же грека Деларова, людьми, посланными из нашей компании, но и из тех по приезде в гавань пять человек померло,

Собираясь уже к выезду из Америки, отправил я марта 7-го числа для учинения дальнейших описаний, не оконченных в прошедшем году, к мысу Св. Илии⁶⁷ пять человек из российских и для построения на том мысе крепости, которым будут спомоществовать во всем оном, разумея и соглашение к миру тамошних жителей — до 47 градусов простирающимся тысячу человек коняг Кадиака и других островов и 70 лисьевских алеут, добровольно из платы служащих, коим я велел по берегам ставить кресты и закапывать в землю обломки горшечные, кору березовую и уголья.

Оные посланные марта в последних числах прислали ко мне двух человек из Чингацкого жила⁶⁸, уведомляя, что трён Шуеха⁶⁹, оставя меня, изменил, а прежде того порученных в его сохранение работных и толмача, кои от меня посланы были для обозрения Кенайских губ, убил.

Для сего случая требовал от меня людей к отражению кенайцев, выехавших близ Шуеха с американских берегов, коих количество простиралось до тысячи человек. Получа сие уведомление, отправил я туда из гавани две партии: первую в 30 человеках из работных российских людей с одним предводителем, а вторую с особливым правителем, состоящую из коняг и лисьевских алеут, добровольно служащих, приказав занять на Афагнаке⁷⁰ против Шуеха-острова способное для гаван

ни место и построить крепость по данному плану и между тем в гавани исправлять галиот «Трех Святителей» для походу. Майя 19-го числа получено с островов Афагнака и Шуеха от посланного туда известие, что по соединении наших сил предприятие кенайцев уничтожено. После заложена на Афагнаке крепость, а, наконец, по данному от меня приказанию, заложив такую же и при Кенайской губе, отправились по американскому берегу к мысу Св. Илии. Для окончания сих строений оставлена там особливая партия. Остров Афагнак и противу лежащий Америки берег, так как и остров Кадияк, имеют наилучшие гавани; земля плодородна, рыбы, птиц разных родов великое множество, луга покрыты травою и пажитями, лесов, годных для строения судов и других зданий, на Шуехе и американском берегу находится в великом изобилии.

В сей год американских и островских жителей в гавани во все наши артели, с разными церемониями и просто, ежедневно приезжало несравненно более первой зимы. Не упущено при сем случае ничего, чем бы только знаки дружества и тихости нашей изъяснить. Сильнейшие ветры нынешний год дули более от севера и запада; от востока же очень малые, а от полудня⁷¹ во всю зиму никаких почти не было. Дождя зимою очень редко было видно, но большею частию перепадал снег, который на таких местах, где ветры не могли действовать, лежал толще аршина; где же ветры сносить оный могли, там и не мог оный долго пролежать.

Майя 22-го числа на галиоте «Трех Святителей» я вышел в море, провожаем будучи кытакских, американских и других островов тоёнами и лучшими людьми из коняг; и того ж часа увидели на море с распушенными парусами нашей компании третий галиот «Св. Михаил», идущий в гавань. Я, подъехавши к оному и переменяв находящегося на нем мореходца, отправил его в гавань, предписав назначенному там правителю из бывших на острове Шуеха и Афагнаке, чтоб он по приезде с оных островов отвел тот галиот в назначенную на Афагнаке при крепости гавань⁷².

Должен я еще здесь упомянуть и о галиотах, на каком им там основании надлежало оставаться. Одному предписал я наставлением, данным мною поверенному Самойлову, плавать по длине от 40 до 73 градусов, считая от Охотского меридиана, который я первым поставлял в своем исчислении, а по широте от 60 до 40 градусов в открытом море; другому же — к северу при сближении там двух частей света, для сыскания неизвестных мест и островов⁷³. Третий, на котором выехал я из Кадияка, обращен в транспортное судно, на коем каждый год приятным долгом почитаю я уведомлять правительство о делах тамошнего края. После пустились мы от Америки с таким намерением, чтоб прошед 45 градусов широты и по той линии плыть.

прямо к западу, а поравнявшись с Камчатским мысом⁷⁴, подняться к оному и, прошед Курильский пролив⁷⁵, склониться к Охотску. Намерение сие имел я для того, что не увижу ли по сей линии между 40 и 50 градусами неизвестные какие-либо острова, но, по несчастию, ветры беспрерывно все лето дули между западом, которые и не допустили исполнить сего намерения, и потому принужден был идти как только можно прямо в Охотск, но и в том противные ветры препятствовали.

Во время сего пути из числа гряды островов видели Четыре Сопочные и Амухту⁷⁶. Сей последний остров от огнедышащих гор казался весь в пламени. Лавируя же, видели Сиугам, Амлю, Ахту и другие Андреяновские острова. До первого Курильского острова дошли и при оном на первый якорь стали 30-го числа июля. Поелику бывших со мною российских работных людей 12 человек цинготная болезнь привела в крайнюю слабость, то всю на судне матросскую должность исправляли ехавшие со мною из любопытства в Охотск американцы, которые на 31-е число и свежей воды с первого Курильского острова на галиот 40 бочек навозили. В рассуждении моря достойного примечания сказать можно только то, что около Камчатской земли течение оного наисильнейшее и волнение не только во время ветра, но и в тихую погоду столь велико, что от оного судно, весьма качаясь, бортами почти воды касается.

Августа 1-го числа галиот завели в первый Курильский пролив. Великий ветер задержал тут до 5-го числа, а в сей день провели оный во второй Курильский⁷⁷ пролив к гавани; 7-го числа отправясь, склонились к Большерецкому устью; а 8-го числа против оного устья стали на якорь, и я на байдаре вышел на берег и, возвратя оную к судну, сам остался для покупки свежей рыбы. Исполнив сию надобность, хотя желал было возвратиться на судно, но разные препятствия не допустили. Между тем галиот сильным ветром с якоря сорвало, и поелику слабость здоровья людей, на оном находящихся, лавировать не позволила, то сие тем далее разлучило меня от судна. Наконец я, наняв бот, пустился к Большерецкому селению⁷⁸, куда прибыл 15-го числа, и решился отправиться в Охотск вокруг землею на трех верховых лошадях, купленных мною тут за 200 рублей. Но в самое то время из Петропавловской гавани в Большерецк дошло сведение, что прибыл в оную 9-го числа аглинский корабль и что оный намерен тут простоять не более 20 дней. Имея желание узнать о месте, из коего сей корабль пришел, о причине его путешествия, да и не откроется ли чрез то какого-либо для нас полезного сведения, принудило на время отменить поездку в Охотск, чтоб между тем побывать в Петропавловской гавани.

20-го числа, отправившись на верховых лошадях, 23-го туда приехал. Агличане, приметив с корабля мой с людьми приезд, поспешили

из них несколько на шлюпке сойти на берег. Начальник корабля — капитан с двумя офицерами обошлись с нами ласково и из казенного дома склонили меня идти с ними на корабль, где показали образцы своих товаров и сказывали, что они привезли с собою от Индийской компании⁷⁹ к камчатскому начальнику письма, изъявляющие желание оной в Камчатке завести торг, и что она требует на то от России позволения. Я, между прочим, не давая о себе знать, старался разведывать, отколе они пришли и где плавание имели, потому что не скрывали они от меня своей карты. Узнал я, что они по нашему числению 20-го марта вышли из Бингала⁸⁰, лежащего под 23 градусом северной широты, из Малакки — 16-го апреля, в Кантон [прибыли] 29-го мая, из Кантона [вышли] 28-го июля, в Петропавловскую гавань [приплыли] августа 9-го. Офицеров на корабле: агличан три, португальский один, матросы — агличане, индейцы, арапы⁸¹ и китайцы. Всех людей 70 человек; корабль весь красного дерева, обит латунью до бархвотов⁸², о двух мачтах и 28 парусах, по килю 65 груз 3¹/₂ фута, с двенадцатью по деке⁸³ пушками.

В бытность мою на сем корабле во весь день до ужина угощаем был разными питьями; после ужина в 10 часу начальник корабля капитан Вилиам Питерс проводил меня со своими офицерами до казенного дому на шлюпке, отложив притом торг до прибытия камчатского начальника. 25-го числа прибыл туда камчатский исправник барон Штунгель⁸⁴, а 26-го и 27-го чрез него на французском языке условились о пошлине с тем, что какая вышним правительством положена будет, таковую обязались они безоговорочно заплатить, и тогда начали производить торг. 28-го числа соглашались, какие на будущее время товары привозить в Камчатку, а напротив того и от нас получать, и по каким ценам⁸⁵. 29-го, 30-го и 31-го принимал я от агличан сторгованные мною товары, а 1-го сентября прием и счет окончили. Всего товару принято мною на 6611 рублей; в то число я им заплатил тысячу рублей, а в достальных дал вексель по объявлении в два месяца заплатить в Москве с шестью процентами на год. 3-го числа, простясь с агличанами, отправился из гавани в ботах; агличане же намерены были выходить непременно 4-го числа. В Большерецк прибыл я 8-го числа сентября, и все покупные мною у агличан товары продал тотемским купцам, Пановым приказчицам⁸⁶ и другим. Барыша от их товаров получил по 50 копеек на рубль.

Из Большерецка отправился я по тигильскому берегу сентября 12-го, а в Тигильскую крепость прибыл октября 2-го числа, оттуда отправился на собаках ноября 18-го; в Охотск приехал 1787 года генваря 27-го числа⁸⁷, и, следовательно, после, нежели пришел к сему месту галиот, на котором я в море был. Из Охотска с женою своею также на собаках выехал февраля 8-го дня, продолжая далее путь, инде⁸⁸

Вид Петропавловска-на-Камчатке в конце XVIII в. Рисунок из альбома Г. А. Сарычева.

на оленях, а в других местах на лошадях и на быках, претерпев неслезанные трудности и опасности⁸⁹. В Якутск приехал 11-го числа марта. 12-го числа марта из Якутской области отправился саньми и, со отбытия с Камчатки в проезде, в рассуждении собачьей и оленьей езды, во многих пустых местах претерпевал крайнюю и несносную трудность, от коей многократно с угрозением мучительного страха подвержена была жизнь моя совершенной опасности. Первое, оттого что между Тигилем и Инжигою⁹⁰ корякские орды казались нам весьма сумнительны. Второе, зима чрезвычайно без перемены почти, при самых жестоких северных ветрах, была до чрезмерности холодная; третье, пурги* такие нередко на пустых местах захватывали, что ехать способу никакого, по ремню нарта за нартой связавши, не было, а

---

* Пурга — по-русски вьюга или метелица.

только спасались в такие времена лежанием в снегу по два, по три и по пяти дней, не сходя с места, без воды и не варя пищи. Для утоления жажды, за невозможностию развести огня, употребляли снег, а вместо пищи сухари или юколу⁹¹, лежавши в снегу, грызли.

При таких трудах, за присталью собак и оленей последний путь от Алдану до Иркутска, за усталостию лошадей* по убородам часто до упаду, для поспешности шел пешком и, по всем трудностям, достиг наконец в Иркутск, областной город, апреля 6-го числа в половине дня благополучно. Но за долг почитаю благодарность мою пред всеми изъявить двум достопочтенным мужам, государству и отечеству несколько уже лет беспорочно служащим, капитанам родным братьям Тимофею и Василию Шмалевым⁹² за охранение меня от всяких опасностей в рассуждении тамошних диких жителей, которые тогда один в Тигильской крепости, а другой между Тигилем и Инжигинским городом у коряк — для усмирения в Каменском селении корякских и чукотских орд — пребывание имели⁹³. Вдобавок, в проезд мой также довольно способствовали сему моему успеху тигильской команды капитан Николай Попов да корякский толмач⁹⁴ казак Иван Суздалев, который провожал для толмачества меня от Тигильской крепости до города Инжиги, коим Попову и Суздалеву есть из коряк родственники, а потому я и ехал по сим способам безопасно, за что обязан я господам капитанам двум братьям Шмалевым и притом капитану Попову и толмачу Ивану Суздалеву при случае свидетельствовать мою благодарность, ибо они сохранили жизнь мою.

Сколько в бытность мою в Иркутске, по краткости времени, дозволило о пребывании моем в морском путешествии и о учиненных к пользе распоряжений исправить, оное значит выше сего. А теперь уже осталось неминуемо показать о всех виденных мною местах, обитающих там народах и их обрядах, находящихся там зверях и птицах, чему следует описание.

Теперь долженствую описать землю американских островов, людей, оную населяющих, нравы их, обряды, одежды и сказать о зверях и птицах, там находящихся.

Острова, лежащие около американских берегов и простирающиеся от Кыктака к восточной стороне, а также и в Северо-Западной Америке, более каменные и преисполненные гор, но притом есть хорошие и годные к хлебопашеству земли, в чем я и самими опытами удостоверился, сеяв ячмень, просу, горох, бобы, тыквы, морковь, горчицу, свеклу, картофель, репу и ревень. Все родилось наилучшим образом, кроме что проса; горох, бобы и тыквы не принесли семян, и то оттого только, что упущено было время, в которое бы сеять должно было.

---

* Т. е. целиком и сугробами.

Для сенокосов удобных луговых мест и трав годных довольно, а по местам скоту и всю зиму можно жить без сена. Больших лесов не видал, а малых весьма много. Обыкновенные тамошние растения, кои обитатели употребляют в пищу, суть корни, а именно: сарана, макарша⁹⁵, папоротное желтое⁹⁶ и кутагарное. Сие последнее заслуживает особое внимание потому, что где по островам нет мышей, там оно родится очень хорошего вкуса, а где водятся сии животные, там корни сей так горек, что и в пищу не годится. Есть там ягоды: малина, голубица, черница, морошка, брусника, калина, клюква и княженика — в довольном изобилии. Что принадлежит до лесов⁹⁷, оных с половины острова Кыктака и по Америке к весту находил я пять родов, а именно: ольху, тальник, березник и рябину, а к востоку по островам, по берегу американскому при губах — ельник, листвяк и тот, о котором я выше сказал.

Птицы там водятся: гуси, утки разных родов, вороны, галки, канарейки черные, называемые напойки⁹⁸, сороки, сии криком своим мало походят на известных в России сего рода птиц, а вместо того очень нехудо поют, но весьма тихо и почти так, как снегири. Есть чайки, журавли, цапли, кулики, глупыши⁹⁹, топорки¹⁰⁰, ары, урилы, гагары. Морские звери: бобры, сивучи, киты, нерпы. Речные: выдры, бобры; земные разных родов: лисицы, волки, медведи, горностаи, олени, соболы, зайцы, росوماхи, рыси, тарбаганы¹⁰¹, евражки¹⁰², дикие бараны и ежи отменного рода¹⁰³. Рыбы ловятся из морских: палтусы, треска, сельди; проходящие в реки: чавыча¹⁰⁴, кета¹⁰⁵, нярки¹⁰⁶, гольцы¹⁰⁷, хайко¹⁰⁸, каракатица и странного рода раки¹⁰⁹.

Коняги — люди рослые, здоровы, дородны, больше круглолицы, [но] есть имеющие и продолговатые лица; смуглы, волосы черные, а редко темно-русые, которые мужеской и женской пол стригут в кружок. Знатных же мужей жены отличают себя от прочих тем, что, зачесывая несколько волосов наперед, подстригают до бровей и имеют косы; у иных бороды, а у некоторых грудь и плечи вместо косынок шитые¹¹⁰. Мужчины, женщины и девки средний хрящ в носу прокалывают, также искалывают все уши и нижнюю губу; шитые шеи имеют и мужчины, но немногие, а у каждого мужчины нижняя губа прорезана, и чрез то с первого взгляда показываются так, как с двумя ртами. В сделанную в среднем хрящу носа дыру вкладывают длинную кость; а у кого есть бисер и корольки¹¹¹, те привешивают оные к ушам, к губе и к носу, почитая то за самую лучшую вещь и украшение. Бороды не стригут, рубах все не имеют, ходят босые, а дома и совсем нагие, только что спереди опоясываются каким ни есть звериным лоскутом или цветами и травою. Парки¹¹² носят бобровые, лисьи, медвежьи, птичьи, евражечьи, тарбаганьи, выдренные, соболы, заячьи, оленьи, росомашьи и рысьи. Камлей¹¹³, род парок, — из кишок сивучих, нерпичь-

Типы жителей острова Кытак (Кадьяк).

их и китовых. На головах носят шляпы, плетенные из елового коренья и травы, шапки, сделанные гнутые и выдолбленные из дерева. При ловле морских зверей употребляют стрелы, кои бросают из досок, а для войны есть у них луки и копья железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого манера, состоящие в маленьком железце; трубки, ножи железные и костяные, иглы железные... До прибытия же нашего иглы делали сами женщины; нитки жилые, посуда деревянная, роговая — диких баранов, глиняная, камнем выдолбленная.

Байдары и байдарки, обшитые сверх решетки вместо досок кожей наглухо, кроме люку, употребляют они тогда, когда удят рыбу и промышляют морского зверя¹¹⁴. При исправлении всяких домашних надобностей и разъездов рыбу удят на море удами костяными, поводки при удах длинные из засушенной морской капусты¹¹⁵, ибо одна стебель капустная бывает сажен по сорок и более. По рекам рыбу ловят каменными запорами, а колют носками¹¹⁶, похожими на копья, в коих в тупом конце бывает гнездо, во оное вкладывается слабо в зазубрины костяная, каменная или железная спица, привязанная жилкою к деревцу. В заливах и бухтах морских красную рыбу стрелками убивают тогда, когда она из воды мечется. Огонь добывают трением из дерева; освещаются зажженным в каменных посудах жиром тюленьим, медвежьим, сивучьим, китовым и котовым, полагая туда травяные фитили.

О свадьбах их я ничего не знаю, не могу также и о новорожденных ничего сказать, кроме что таковым даются имена по первой с кем встрече, хотя бы какого зверя, птицы и другого тому подобного¹¹⁷.

Похороны у разных поколений коняг бывают разные. Обрядов я сам не видел и потому ничего об оных и сказать не могу; но то весьма верно, что иные мертвых кладут в байдарку с лучшим именем его и осыпают землею¹¹⁸, а другие вместе с умершим и живого полоненника, бывшего рабом у оного, зарывают в землю¹¹⁹. Кенайцы же умерших тела жгут с приносимыми родственниками его звериными кожами.

При печальных обрядах по умерших стригут на голове волосы и лицо марают черной краской. Сие употребляют по родственниках, как-то: по отце, матери, брате, сестре и других ближних и любимых им свойственниках, а часто и по постороннем человеке, с коим жили в дружбе. Впрочем, если умерший кому неприятен или и вовсе не имел с ним дружества, хотя бы и родственник был, по таковом печальных знаков на себе не носят.

Общих болезней у них нет, кроме примеченной венерической, а осы совсем не знают, и никогда там оной не бывало; люди сложения весьма крепкого и живут до ста лет.

Приезжающих гостей встречают, вымаравшись красною краскою,

и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные оружия; а гости подъезжают точно так, как на сражение. Как скоро они приблизятся к берегу, хозяева бросаются в море по самые груди. Байдары и байдарки со всем возможным проворством выносят на берег; потом спешат поскорее вынести гостей из байдар и относят их поодиночке к первому учрежденному для игры месту на своих спинах; там, посадя всех по местам, все молчат до тех пор, пока напьются и наедятся. Первая и лучшая почесть состоит в том, что подают холодную воду, а потом мальчики разносят кушанье, жир, толкуши, состоящие из смешения жиров тюленьего, китового и сивучего, иначе морских львов называющегося. Также ягоды, как-то: бруснику, клюкву, чернику, княженику и другие, присовокупляя к тому и разные коренья; ягоды без смешения. Сушеную рыбу, называемую юкола; звериные и птичьи мяса, у кого что случится лучшее. Соль им не известна. Каждое кушанье прежде всех должен хозяин начать сам есть и пить, а без того гости ничего не вкушают; по сему надобно думать, что они иногда мешают и отравы. Хозяин, начав каждое кушанье, подает первейшему гостю; который, взяв несколько для себя, посылает прочее по порядку другому; и так до самого последнего доходит. Остатки от кушаньев все обращаются к первому, а сей кладет в одно место; при отбытии же все то гости увозят с собой.

По окончании кушанья продолжают разговоры, а затем начинается игра с бубнами и побрякушками. Некоторые надевают разного и странного вида маски, деланные из дерева и выкрашенные разными красками, а потом выносят гостей в сделанную особо большую казиму¹²⁰, в которую людей вмещается множество. Казима оная подобна небольшому храму, коего архитектура представляет нечто беспорядочное, грубое и варварское. Тут происходит игра со всеми по обыкновению их церемониями; покуда гости во оной пробудут, играют день и ночь непрестанно; усталые спят тут же, а проспавшись, опять за игру принимаются. Когда же вздумают разъезжаться, тогда кончится и игра; расставаясь же, с обеих сторон имеющимися у них вещами дарятся и торгуются. В сих казимах советы, договоры и разделы бывают, и когда занимаются важными советами, в то время женский пол в казиму не впускают¹²¹.

Коняги и чюгачи разговор имеют одинакой, кенайцев же разговор и жизнь совсем особые.

Живут в землянках, имеющих стены, обитые досками; окна наверху; оконницы делаются из кишок и пузырей разных животных, сшивая маленькие или узкие части жильными нитками, а вход с испода. Печей во оных нет, и огня не разводят, потому что довольно они теплы и без того; из таких же землянок и бани их состоят, в коих парятся

Мужчины в камлейках со стрелами, «кон бросают с досок».

травую и березовыми вениками. Жар в них производят камнями, нажигаемыми в поварне и в баню приносимыми; жар от них делается весьма великий и никогда угару не бывает; париться они отменные охотники¹²². Кухня у них общая, в кою двери, или лазеи, вокруг нее. Впрочем, жизнь их есть разбойническая: кто чаще, больше и удачнее украсть что успеет, тот чрез сие большую похвалу заслуживает.

Жен помногу не имеют, у редкого есть две; напротив того, хорошие и проворные женщины держат по два и по три мужа, и в том никакой ревности между мужьями нет, но еще живут дружески.

Все они сухопутной езды не имеют, да и животных, способных на таковое употребление, там не находится, а хотя и много есть собак, но их не употребляют. Жители американских берегов и других островов ездят реками, речками и озерами в своих байдарках; о живущих же внутри Америки я ничего не знаю.

О божестве ни малейшего понятия не имеют и хотя говорят, что в мире есть два существа, или два духа, один добрый, а другой злой, но им никаких изображений не имеют и не поклоняются; словом, никаких идолов у них нет. О показанных существах не могут иначе изобразить, как что доброе выучило делать байдары, а худое оные пор-

тить и ломать. Посему можно заключить, сколь в тесных пределах содержится их разум; кроме того, в немалом у них употреблении колдовство и шаманство, суда и расправы не только порядочного, но и никакого почти нет. Из сего всяк ясно видеть может, что жизнь свою ведут они мало различную от скотской. В крови имеют удивительную горячность, что можно ощущать, подойдя ко всякому из тамошних жителей, а особливо женщины кажутся пылающими. От природы хитры и предприимчивы; в обидах мстительны и злобны, хотя с виду кажутся и тихи. О верности и справедливости их вообще, по причине моего там маловременного пребывания, сказать не могу, ибо я видел от многих великие доказательства верности и постоянства, видел же тому и противное. Когда представляется им о каком деле, что выйдет из оного польза, то охотно принимают труд, хотя и мало им известен¹²³, но не щадят оного, если в прибыли бывают уверены. Народ вообще веселого и беспечного свойства; доказательством сему служат вседневные их игрыща; и поелику они в неограниченной и всегдашней живут распутности, так что домашнее их хозяйство в крайнем небрежении, да и понятия о том не имеют, и оттого часто голод и наготу терпеть принуждены бывают.

Касательно же обстоятельного описания морских и воздушных явлений в продолжении нашего плаванья и на местах, где останавливались жителями, то особые ведены были тому каждодневные записки, и по прибытии моем в Охотск удержаны тамошним областным начальником господином Козловым-Угрениным, которые, думаю, он от себя не оставит представить куда следует, ежели что они содержат достойного примечания¹²⁴.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КУРИЛЬСКИХ, АЛЕУТСКИХ, АНДРЕЯНОВСКИХ И ЛИСЬЕВСКИХ ОСТРОВОВ, ПРОСТИРАЮЩИХСЯ ОТ КАМЧАТКИ К АМЕРИКЕ НА ВОСТОЧНОМ ОКЕАНЕ

ОСТРОВА КУРИЛЬСКИЕ

ШОУМШЧУ¹²⁵. Остров сей в длину от северо-восточной к юго-восточной стороне простирается верст на 50, а в ширину на 30, низмен. В середине острова на восточном берегу около моря высокий яр и каменные утесы, а близ берега множество кекуров*. На острову усмотрены разные металлы, в том числе и серебряная руда, которая прежде сего бывала разрабатывана¹²⁶. По ту же сторону выпала в море речка. По северную сторону к западу берег песчаный и местами каменист. На середине острова озеро окружностью около пяти верст, из которого выходит небольшая в море речка. Кроме сей главной речки, много есть и других мелких как озер, [так] и болот¹²⁷; во

---

* Кекур называется близ берегов или на берегах стоящий высокий камень наподобие стены или столба.

впадающие в море речки в мае и сентябре месяцах входит с моря рыба разных родов: лососи, горбуша, гольцы, курижи¹²⁸; на море в тихую погоду промышляют удами терпути¹²⁹, треону¹³⁰ и рямжу¹³¹. Лесу круглого нет, кроме мелкого ольховника, тальника, стланца кедрового, на котором растут мелкие орехи. Волнением на берег выкидывает китов и разных родов раков. На острове растет трава сладкая¹³², из которой курят вино, купрень¹³³, кутагарник¹³⁴, морковник¹³⁵, кои жителям служат в пищу. Из крапивы женщины делают веревки и сети. Мышей на острове разных родов множество, коих по-тамошнему называют наушьичи¹³⁶.

На сем острове ясачных 44 души.

ПОРОМУСИР, или **ПОРОМУШИР**¹³⁷. Второй остров от первого отделяется проливом около двух верст, где во время нужды можно иметь отстой одному судну, однако не без опасности, ибо дно в проливе состоит из каменистых гор. Ежели по несчастью судно на якорю не удержится, то бывает подвержено крайней опасности, потому что берега там крутые и каменистые, а по узкости пролива отбежать от них невозможно. Пример несчастного приключения в сём проливе случился в 1741 году, когда погибло там морское казенное судно. Остров сей простирается от северо-востока в южно-западную сторону; величиною вдвое больше первого, горист, речками и озерами весьма изобилен; лесу на нем нет никакого, кроме стланца и ельника, который жители на дрова употребляют, а на строение юрт собирают выкидываемые из моря разных родов дерева, в коих бывают и канфарного дерева¹³⁸ немалые куски. Растет на острове сладкая трава, крапива, кислица¹³⁹, шеломайник¹⁴⁰, чакича¹⁴¹, лютик¹⁴², которого корень замаривают и, столча, мажут стрелы для отравы зверей. На острове водятся красные лисицы, волки и множество мышей разных родов. Ясачных на сём острове 76 человек.

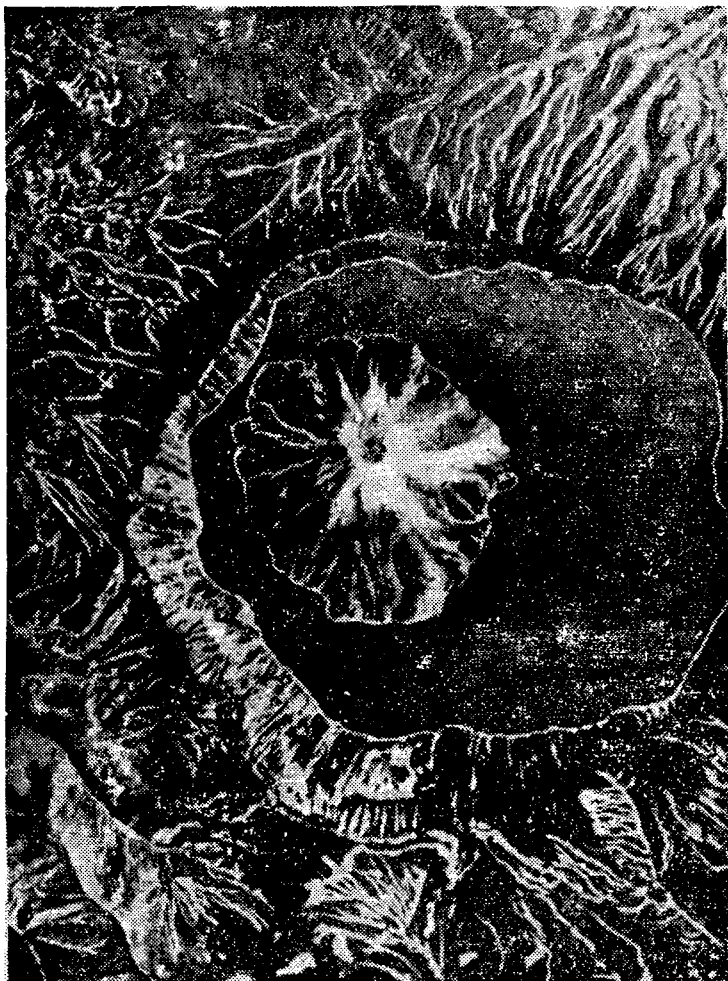
ШИРИНКИ¹⁴³. Отстоит от второго чрез пролив около 20 верст, который в тихий день по течению прогребают в 4 часа. Вокруг всего острова утес и камень сыпучий, почему для судов пристаней не находится; пристают же к нему в тихое время, когда волнения с моря не бывает, на байдарах для промыслу на пищу зверей и на платье птиц, ара называемых¹⁴⁴. Остров в окружности имеет около 40 верст и как в длину, так и в ширину равен. На нем есть круглая сопка¹⁴⁵, водятся сивучи и нерпа, а красные лисицы заносимы бывают только на льду с других островов. Растет корень сараңа¹⁴⁶, упява, усут, кутат и сладкая трава; ягод, кроме шикши¹⁴⁷, не рѣдится, лес растет кедровый небольшой стланец и ольховник. Нет на нем текущих рек, ни ключей, ни источников, а только ямы и рытвины наполняются дождевою водою, которою приезжающие для промыслу курильцы довольствуются и бывают подвержены опасности, потому что кругом острова с утесов всегда

сыплются немалые камни, которыми не только людей, но птиц иногда убивает, почему на нем и жителей нет.

МАКАН РУР АСЫ¹⁴⁸. Сей остров от третьего расстоянием около 60 верст, в длину простирается верст на 20, а в ширину на 10. Берег окружен горами наподобие хребтов, а между ними есть луговые места; морошки и шикши родится на нем немалое число. Лесу, кроме кедрового, ольхового, малого стланца и рябинника, никакого не растет. Коренья растут: сарана, уява, миту¹⁴⁹, куташ, черемша¹⁵⁰ и сладкая трава. Около острова в малом количестве водятся бобры, нерпы и красные лисицы. Озер и речек нет, а изобилует по берегу ключами. Гаваней не только для больших судов, но и для лодок не имеет.

АНАКУТАН, или **АНЕКОТАН**¹⁵¹. Расстоянием от четвертого около 35 верст, в длину простирается около ста верст, а в ширину 15 верст. На сём острове две сопки: первая, окруженная небольшими сопками и хребтами, по-курильски называется Асырминтар¹⁵², что значит, что она наперед сего горела. Она стоит на лопатке ко второму острову, окруженной утесами и высокими горами; тут водятся птицы глупыши и ары. При лопатке и восточной стороне на самом проливе отрядной камень — кекур, на котором также плодятся глупыши и топорки. Вторая сопка стоит посредине острова, называемая Амкаусар¹⁵³, которая также наперед сего горела; возле сей сопки есть озеро в длину на 4, а в ширину на 2 версты; но рыбы в оном никакой не находится. Третья сопка близ лопатки к шестому острову, называемая Тоорусыр¹⁵⁴, стоит посреди озера, в окружности имеющего до 15 верст, в котором рыбы, так же как и в первом, никакой не водится. Лесу стоячего годового, кроме кедрового стланца и мелкого ольховника, нет никакого; а для пищи растут коренья миту, усут; ягоды шикша, голубица, жимолость, рябина и морошка, трава шеломайник, кутагарник и малое количество травы сладкой. Красных лисиц иногда бывает на сём острове довольно, а бобров и нерп мало. На северной стороне бухт песчаных шесть; на восточной посредине острова — одна; а по другим сторонам есть бухты и пристани каменистые, в которые байдары входить не могут. Из гор и из падей острова текут каменистые речки, в кои во время прибылой воды заходят гольцы и горбуша.

АР АМАКУТАН, т. е. **САРАННОЙ**, или **ХАРАМОКАТАН**¹⁵⁵, есть шестой остров и от вышеописанного острова отстоит верст на шесть. Посредине его находится сопка, которая прежде горела¹⁵⁶, на сопке к северной стороне есть озеро безрыбное, в длину на 5, а в ширину на 2 версты; при озере два каменистые острова, на которых водятся чайки и гуси; на восточной стороне сопки два озерка, по-курильски Тонтоу и Руи называемые¹⁵⁷. На острове растут коренья: сарана, миту, уява, куташ, трава сладкая, шеломайник и черемша; ягоды: шикша, морошка, рябина; лес — стланец кедровый, ольховник и рябинник не-

Аэроснимок, иллюстрирующий слова: «Третья сопка... называемая Тоорусыр, стоит посреди озера». Вершина сопки называется теперь пиком Креницына. Название Тао-Русыр сохранено за кальдерой. Фото Г. С. Горшкова.

большой. На острове две реки, из коих одна к северу впадала в песчаную бухту, а другая к западу; обе безрыбные; берега на острове каменистые. К проливу пятого острова в восточной стороне сопка, подно-

жие и верх ее составляет белый песок. На сём острове водятся в небольшом количестве красные лисицы, бобры, нерпы. Для промыслу их приезжают курильцы с других островов, ловят сетями, сделанными из крапивы, и бьют из лука стрелою. В утесах сего острова есть металл наподобие железа, а другой с искрами в белом камне.

СЫАСКУТАН, или **ШИЯШКОТАН**-остров¹⁵⁸, отстоит от предыдущего на 50 верст; течение, между ними, от прилива и отлива случающееся, бывает весьма быстро. Он имеет в длину около 80, а в ширину около 5 верст. На нем две каменные сопки; одна стоит на северо-восточном краю и по-курильски называется Синнарка; она прежде сего горела и вышла наподобие хребта, куда ходят пещие. Подле той сопки есть небольшие каменные горы и каменистые места. Другая сопка большая стоит близ лопатки на северо-западном берегу; по обеим ее сторонам каменистые места, и от самого верху до берега гориста¹⁵⁹. Посредине острова по обеим сторонам есть бухты песчаные, а кроме них других способных к приставанию и промеж гор низменных мест нет. С сего острова, минуя два следующие, перегребают прямо на остров Муссыр; а отстоят они около 35 верст.

ИКАРМА, или **ЕГАРМА**¹⁶⁰. От сего острова до предыдущего расстояния около 12 верст; в длину имеет он около 8 верст. На нем есть сопка, которая горит временно¹⁶¹; берега его инде каменисты, а в другом месте песчаны; на каменистых видны серные источники, а к песчаным можно приставать лодками. Ни озер, ни речек на сём острове не находится, кроме одних источин; растет корень: урег, сарана, кутагарник, сладкая трава, шеломайник; лес мелкий: кедровый, ольховник, тальник и рябинник; птицы водятся: гуси, чайки, а по утесам глупыши, топорки; звери — нерпы только и бобры, и то в малом количестве.

ЧИРИНКУТАН, или **ЧИКУРКОТАН**¹⁶², расстоянием от ИКАРМА на 30 верст; в длину и ширину имеет около 15 верст; на нем с краю моря есть курящаяся сопка, на которой всегда сыплется камень, отчего сделалась на ней падь¹⁶³. Вокруг всего острова горы и утесы каменные, и потому для байдар нет способных пристаней. Трава на нем растет всякая; местами небольшой ольховник; птицы плодятся ары, топорки, глупыши и небольшие черненькие птички с красным носом и высоким на голове пером, называемые курикуры¹⁶⁴, а другие еще меньше сих, черные ж, с белыми глазами, красным носом и тремя перышками на голове наподобие рожков, называются турутуры, поют звонко и живут в норах, когда высиживают цыплят; обе сии птички водятся по утесам и в щелях. Для промыслу сих птиц курильцы с острова Сыаскутана приезжают в летнее время и из кож их шьют себе платье, а особенно для того предпочитают кожи глупышей. Когда сии птицы бывают еще молоды и от гнезд удаляться не могут, то их хватая, вываривают из них жир и запасают оный для зимы, потому что они так

жирны, что кроме одного и тела почти не находят. Во время высиживания глупышами детей в гнездах человеку подходить к ним опасно, ибо они из рота рыгают и брызгают жиром, подобно как водою, и им своих детей кормят, собирая оный с моря. Гнезда у глупышей по косогорам в густых травах. Топорки же птицы выют гнезда в утесах, щелях и земляных норах; во время ловли жестоко кусаются; детей кормят морскою рыбою, подобною сельдям, таская оную из моря.

МУССЫР, или ЕГАКТО-остров¹⁶⁵, от предыдущего разделяется проливом около 35 верст; в длину и ширину на 3 версты. Подле него находятся два отпрядные камня, или кекуры, из которых на одном плодятся чайки и урилы, по-курильски «чуромыссыр», а на другом сивучи, по-курильски «сыяго» называемые. Сей остров каменист и не имеет ни ручьев, ни ключей, а воду, остающуюся после дождей, достают из ям; пристань на нем весьма худа. Около сего острова много морских зверей сивучей, кои на нем и плодятся. В июне месяце телят бывает довольно, для промысла которых приезжают курильцы с разных островов; больших стреляют из лука и ружья, а малых бьют палками; мясо их употребляют в пищу, а кожа молодых идет на обувь и одежду. В сём острове лесу нет никакого, и курильцы для варения пищи воду и дрова привозят с собою.

РАХКОКЕ, или РАХКОТИ¹⁶⁶, одиннадцатый Курильский остров, разделяется от предыдущего проливом на 120 верст; в длину и ширину имеет около 20 верст. Он ныне сделался необитаемым и состоит из одной горы, или сопки; из прежних же о нем описаний видно, что на нем росли травы, в которых водились птицы, что весь его утес осыпался камнем и землею и сопки почти третью часть сорвало и разметало вокруг острова. А ныне, объявляют некоторые, что в 1777 году он горел и сопка оттого рассыпалась¹⁶⁷; где же прежде была глубина 13 сажень, там ныне песчаные мели, на коих ложатся и телятся сивучи в великом множестве, а птицы, не имея притонных мест, удалились.

МУТОВА, или МАТОУСА-остров¹⁶⁸, отстоит от вышеописанного на 45 верст; длины и ширины имеет на 30 верст. На полуденной его стороне есть превысокая дымящаяся сопка, которая часто выметает горячие каменья; а к северному концу увалы и ровные места, на которых, равно как и в полях, растут травы: сладкая, шеломайник, кутарник, кислица, щавельная и других родов, и как на других островах, разные сараны. Сверх сего на сём острове растет трава выше человека, дудка у нее толстая, наверху лист круглый и широкий наподобие шляпы, так что человека, в оной находящегося, никакой дождь промочить не может¹⁶⁹. Лес на сём острове мелкий ольховник, кедровник и рябинник; из зверей водятся одни лисицы; песчаные берега сего острова изобилуют бухтами и байдарными пристанями. Около острова водятся бобры и нерпы, и для промыслу их приезжают те же курильцы, кото-

рые промысляют на описанных островах. По утесам сего острова плодится довольно всяких птиц. Рек рыбных совсем нет. Возле острова сего лежит другой, низменный, без хребтов, на котором растет всякая трава и птиц морских немалое число, а гуси линяют на месте сём, курильцы их промысляют и сушат. На сём острове ясачных 3 человека, жен 85, детей мужеска полу 14, женска 28.

РАСАГУ, или РАШАУА¹⁷⁰, третий на десять остров, отстоит от предыдущего на 40 верст; в длину и ширину простирается по 30 верст. На нем есть высокие хребты, а кругом утесы; берег морской каменист, песчаных мест мало. По косогорам и хребтам растет хороший березник, ольховник и кедровник, а под горою по полям и ровным местам всякая трава, и между прочим весьма высокая, с большим листом. Зверей, кроме лисиц, на сём острове нет, и те в малом количестве; по утесам и камням водятся всякие морские птицы; около острова водятся бобры и нерпы. Малое число жителей острова сего нравами и образом жизни подобны курильцам, живущим на первых островах, и говорят одинаким языком.

УСАСЫР, или УШИШИР-остров¹⁷¹, отделяется от третьего на десять проливом около 17 верст; длины и ширины имеет по 25 верст и состоит из двух небольших островков¹⁷²; берега первого состоят из утесов наподобие яру, а поверхность одного ровное место с увалами, где местами растет всякая трава; посредине одного растет довольно морощки; зверей не водится никаких. Другого острова за проливом прилегший к проливу конец низок и травянист, а потом начинаются высокие хребты, с восточной и северной стороны утесы, а местами кекуры, с полуденной стороны в остров прошел залив наподобие круглого озера; посредине залива два небольшие острова с сопками, а в самом устье залива стоит большой кекур. На сём острове между прочими травами есть и высокая трава с большим листом, сладкая, шеломайник, кутагарник, кислица и разные сараны. Берег вокруг залива песчаный, и как близ одного, так и близ морского берега бьют горячие и кипящие ключи друг возле друга; близ больших ключей яр высокий, где сера горячая и селитра, накапливаясь, отламывается большими глыбами и по берегу валяется в великом количестве. Остров сей безлесен, а вокруг гор и хребтов по низким местам разных морских птиц плодится великое множество, как-то: ары, глупыши, топорки, урилы, курукуры, турутуры, разные чайки, серые гуси и величиною с косяточку птичка с сероватыми на крыльях и спине перьями, белым брюхом и кривым носом, называемая кагарка¹⁷³. Курильцы с разных островов для промыслу их приезжают в летнее время и живут до осени; напромышлявши же их, сушат, а из глупышей вываривают жир.

КЕТОЙ¹⁷⁴ есть пятый на десять остров и от вышеописанного отстоит на 36 верст; в длину 30, а в ширину с 10 верст. На нем хребты и

горы с белыми утесами; под хребтами и увалами растет березник, ольховник, рябинник, кедровник, стланец, а особенно же толстый камышник с коленцами¹⁷⁵ и крепкое дерево, похожее на ельник, на котором растут красные с косточками ягоды, подобные вересу: оно по-курильски называется «райма»¹⁷⁶. Под увалами в падах и по берегам растут разные травы, между прочими и высокая на толстой дудке с большим и круглым листом, шеломайник, сладкая, кутагарник, и сараны довольно. Водятся на сём острове белые лисицы, сиводушки¹⁷⁷ и красные; около острова бобры и нерпы, но в малом количестве.

СЕМУСЫР, или ШИМУШИР-остров¹⁷⁸, от пятого на десять острова отстоит на 30 верст, в длину имеет 130, а в ширину 10 верст. На нем 4 сопки, из коих одна стоит близ лопатки к пятнадцатому острову, по-курильски То ето-Кусыр называемая¹⁷⁹; у подножия ее растет весьма густой камышник и березник; в лопатку вошла бухта в длину верст на 10, а в ширину на 3, с устьем шириною в 200 сажен¹⁸⁰; в ней водятся одни нерпы. Вторая сопка, называемая по-курильски Итанкой¹⁸¹, верх имеет плоский; она прежде сего горела, отчего стоящий у подножия ее стланцевый лес и коренья выжжены. Третья сопка, называемая Иканмикот¹⁸², вышла к восточной стороне гребнем, у подножия ее камня. Четвёртая сопка Анеиусы¹⁸³; на ней находят камни, кои употребляются к стрелам вместо железцов; при подножии ее стоят горы и высокие каменные утесы. Вокруг всего острова и по берегу камни и утесы; с восточной стороны песчаные небольшие три губы, но, по причине мелкости и бываемого великого волнения, для байдарной пристани неспособные; на северной стороне посредине есть удобная для пристани бухта. Озер и рыбных речек, кроме малых источников, нет; коренья, трава, стланец, березник и камыш мелкий — таковы же, каковы на прежних островах; звери водятся лисицы бурые, сиводущие и красные, весьма недобротные; бобры, нерпы и сивучи, но в малом количестве; ягоды — рябина, шикша и кедровые орехи бывают годом. От сего острова проливом до следующего около 20 верст.

ЧИРПОИ¹⁸⁴, седьмой на десять остров, в длину и ширину простирается на 25 верст и разделяется проливом в 4 версты; в проливе на кекурах плодятся ары и топorkи. Первый остров по-тамошнему называется РЕПУНКИ ЧИРПОИ¹⁸⁵, на нем горелая сопка, из которой по всему острову наметало камни. Мыс сего острова, вытянувшийся к проливу шестнадцатого, называется Тонукарасы, что значит, что с него смотрят чрез пролив. Тут есть песчаная губа, но, по всегдашнему волнению, отстой и для байдар опасен. Лисиц красных на острове, а бобров и нерпы кругом острова, весьма мало. Для пищи растет коренья и черемши довольно, так как и на прочих островах. Лесу, кроме прутнику рябинного, не растет никакого. На сём острове речек нет ни-

каких; в одном только месте бежит из утесу ключ кислого вкуса, как квас, а когда согрется, то в воде кислота пропадает.

От сего острова отделившийся островок в длину имеет около 10 верст, на нем есть горелая сопка, вытянувшаяся гребнем, гладкая; при подножии сопки горы и утесы каменные. По причине каменистого берега и всегдашнего волнения около всего острова нет ни единой байдарной пристани. К проливу осьмнадцатого острова стоит на самой лопатке камень и залив небольшой, в котором в летнее время сивучей бывает довольно. Ни лесу, ни озер, ни рек, кроме малых источин, нет; коренья растут те же и в таком же количестве, как на прочих островах. От сего острова до следующего — пролив с 25 верст¹⁸⁶.

В расстоянии 30 верст от сего острова между севером и западом есть еще островок круглый, называемый СИВУЧИЙ¹⁸⁷, длиною около 12 верст; на нем сопка, у которой подножия горы, хребты и утесы пре-высокие; лес — стланец кедровый, ольховой, тальник и рябинник; годом бывает ягод и орехов кедровых довольно; коренья же растут те же, какие на прочих островах; вокруг острова берег каменистый и утес высокий; около острова сивучей довольно, бобров и нерп мало; по утесам водятся ары, топорки, глупыши, чайки и гуси в довольном количестве.

УРУП¹⁸⁸, осьмый на десять Курильский остров, отстоит от предыдущего на 25 верст; длиною около 200, а шириною 20 верст. По сему острову рассеяны хребты и горы высокие; на поверхности их гонец щебень и утесы; а между ними пади и речки глубокие. На северном конце острова верст на пять низменное место, на котором родятся разные коренья; близ сего острова лежат четыре маленькие островка неподалеку друг от друга. На нем как около хребтов в падах и над речками, так и по всему острову на северном и восточном берегах растет хороший березник, ольховник, рябинник и тальник стоячий высокий, между ними растет райма и еще лес, подобный березнику; лист на нем такой же, а разнится крепостию и цветом, подобным цветцу черемухи¹⁸⁹. По всем гористым местам растет стланцевый кедровник и прегустой камышник местами в обыкновенную трость. Из хребтов выпадают хорошие речки, в которые во время лета идут из моря гольцы, кунжи и горбуши. На северной стороне посреди острова озеро большое¹⁹⁰, из коего течет в море речка, в которую из моря идет рыба разных родов. Подле моря на ярах, в падах и близ речек растут большие травы, высокие с толстою трубкою, сладкие, из коих сидят вино¹⁹¹, кутагарник, морковник, шеломайник, черемша, разная кислица, приморский пырей и другие болотные травы; на сухих местах растут разные цветы, зверобой, разных родов сарана и коренье, миту и чакича называемое¹⁹², в довольном количестве. На северной стороне по многим

местам родится довольно полевого гороху, земля местами черная и влажная, ягоды родятся рябина, крупный сладкий шипишник; лисицы водятся красные и беловатые и великое множество крыс¹⁹³. Около острова по многим местам — бухты, которые байдарам вместо пристаней служат, а на полуденной стороне острова есть и такая, где всякие суда приставать могут. Около острова как на полуденном, так и на северном конце и в утесах видны жилы наподобие серебряной руды, а по другим местам разного вида беловатые и красные, из которых три камня дворянином Антипиным¹⁹⁴, бывшим на сём острове, привезены были в Иркутск, и по исследованию г. Карамышева¹⁹⁵ нашлось, что в одном из них медная колчеданная руда со вмешанным кварцем может дать из 100 от 10 до 15; в другом стальноплотный чистый колчедан, содержащий большую часть серы горючей и несколько железа, к тому примешан кремнистый кварц; из сего колчедана можно делать серу горючую, зеленый купорос и красную краску. В третьем — серный колчедан, содержащий весьма малую часть меди, сидящей в горноскольной, с малою частию смешанной породе. Около острова водятся бобры и нерпы, для промыслу оных приезжают мохнатые курильцы с островов Еторту, Кунасыра, Чикота и других и живут до августа, а некоторые остаются тут и зимовать.

ЕТОРТУ-остров¹⁹⁶ от вышеописанного отстоит на 30 верст и как в длину, так и в ширину простирается на триста верст. По сему острову рассеяны хребты, горы и сопки высокие¹⁹⁷, из коих одна на северном конце беспрестанно курится, иногда выбрасывает и пламень. На поверхности хребтов — голец, щебень и утесы, между коими пади и речки глубокие. Около рек и по всему острову растет толстый березник, ольховник, рябинник и тальник высокий, между ними растет райма и другой лес, подобный березнику; по сему острову камышник толщиною в трость; а по ровным местам растут травы и цветы, земля влажная и черная, на которой вероятно, что всякий хлеб мог бы родиться. По полям и подле моря на ярах растут разные травы: сладкая, шеломайник, кутагарник, черемша, кислица и высокая трава на одной дудке с большим листом. К полуденной стороне почти с половины острова по горам и ровным местам начался лес лиственничный, который близ моря не толст, а подале гонится на строение. Черных медведей, соболей, лисиц, крыс и другого гнуса в лесах довольно. Берег около всего острова состоит из широких губ и бухт и песчаных с утесами мысов; из хребтов в бухты и губы впадают речки, в коих в летнее время бывает такая же рыба, какая на предопisanном острове; в речки, вышедшие на северную сторону, летом входит всякая рыба, а в сентябре и ноябре месяце кета и белая рыба. На той же стороне близ северного конца большое рыбное озеро¹⁹⁸, из которого в море течет речка. Около острова в тихие дни на байдарках ловят уда-

ми треску, палтусы, ряжму и другие рыбы. По разным бухтам на сём острове живут мохнатые курильцы¹⁹⁹ большими семьями, мужеского полу 92, женского 117, малолетних мужеска 38, женска 72. Около острова водится только нерпа и сивучи небольшого рода; недостаток других морских зверей награждается выкидываемыми на берег китами и большими косатками.

КУНАСЫР, или КУНАШИР-остров²⁰⁰, отстоит от вышеописанного на 40 верст и простирается в длину на 150, а в ширину на 50 верст. Вдоль острова протянулись сопки и хребты высокие²⁰¹; но посредине есть ровные и низменные места. Подле хребтов по падам растёт ельник, листвяк, березник, ольховник, рябинник, тальник и местами стланцевый кедровник, а по ровным местам еловый и лиственничный лес годный. По низким местам посредине острова лес редкий кустарник, трава растёт всякая, поля хорошие, где всякому хлебу родиться можно. Около берега местами растут те же травы, какие и на других островах; сладкая трава весьма толста и высока. Звери водятся черные медведи, соболи и лисицы, а в реках выдры.

На полуденном конце сего острова от хребтов верст на пять — низкое место, где вымывает из моря жемчужных раковин, которых довольно число по песку валяется и употребляется [курильцами] вместо тарелок. За мысом из бухты с моря залив большой, подобный озеру²⁰²; в него из хребтов пала речка, в которую в летнее время из моря входит рыба всяких родов. Повыше лопатки²⁰³ и низкого места большое озеро, из которого в море бежит речка, и по ней из моря осенью в озеро накапливается довольно число кеты и белой рыбы. На северной стороне подле моря есть также озера, около берегов промышляют сетью треску, палтусину и других родов рыбы довольно; и между ними род рыбы, подобной стерлядь. На острове живут местами мохнатые курильцы, мужчин 41, женщин 93; детей мужеска полу 27, женска 33. На сём острове построена крепость и обведена рвом.

ЧИКОТА, или ШИГОДАН²⁰⁴, двадцать первый Курильский остров, отстоит от вышеописанного на 70 верст; в длину имеет 120, а в ширину 40 верст. На нем, так как и на прочих, есть горы и сопки, речки и озера, лес растёт такой же, как на предыдущем. По речкам и озерам живут мохнатые курильцы, промышляющие в море и озерах рыбу. Звери водятся лисицы и соболи.

МАТМАЙ, или АТКИС-остров²⁰⁵, от острова ЧИКОТА отстоит на 20, а от КУНАСЫРА на 25 верст. Величина сего острова неизвестна, а некоторые японцы думают, что он есть часть матерой земли²⁰⁶; но мы того за верное принять не можем и точно не знаем, островом ли его считать или матерой землею.

На южном конце МАТМАЯ есть городок того же имени²⁰⁷, где живет начальник. Величина земли владения японцев и китайцев не из-

вестна. Собственно же МАТМАЕМ владеют мохнатые курильцы, неподвластные ни китайцам, ни японцам, и имеют свои законы²⁰⁸. Каждая их часть имеет начальников — старших в роду, которые правят как хозяева, главные повелители; но есть ли у них главная особа — не известно.

Японцы и китайцы для торгу с курильцами приезжают на МАТ-МАЙ судами, привозят им платье из бумажных и шелковых материй, лаковую посуду, сорочинское пшено, важу²⁰⁹, табак, сабли, ножи, котлы, топоры и прочее; а от них в меню получают бобров, нерпу, меха разных зверей, китовый и других морских зверей жир, рыбу, орлиные перья и прочее.

На известном нам берегу МАТМАЯ²¹⁰, то есть на мысе, протянувшемся к северу, везде высокие горы, лежащие хребтом к восточной стороне. В середине острова между хребтами есть пади или увалы широкие, множество рек, текущих в море, морских заливов и губ для гаваней довольно. На МАТМАЕ растет дуб, бук, вяз, липа, березник, тальник и много другого лесу, в России неизвестного. В хребтах растут большие орехи, в полях травы неизвестные, ягоды: земляника, шикша, морощка, шиповник. В лесах водятся черные медведи, лоси, олени, дикие козы, мелкие соболи, лисицы, зайцы, а по речкам выдры. Диких коз жители стреляют из луков и ловят облавою. Птиц по озерам всякого рода довольно.

Курильцы о божестве никакого понятия не имеют, а объявляют, что в старину кто-то в тумане сходил с неба на землю; обожают птицу филина и имеют множество болванчиков, как мунгалы и тунгусы. Мертвых зарывают в землю и верят, что они живут под землею.

Курильцы все отращивают бороды, которые от самых глаз все лицо закрывают; по всему телу имеют мелкие волосы, а на грудях густые и черные, отчего и получили название мохнатых.

Начальники и зажиточные люди их носят японские и китайские азия²¹¹, а прочие — шитое из кож медвежьих и диких коз, так же и тканное из лыка платье. В шитье оного упражняются женщины. На последних трех островах жители говорят на одном языке²¹² и, разговаривая, часто гладят бороды и брюхо и, глядя ладонь о ладонь, гогочут: «га, гое, га». Письмян же никаких не имеют. Во время кушанья всякий хозяин или старшина разрезывает поставленное, как-то рыбу и прочее: первый кусок кладет себе, а потом делит по старшинству. Во время их кушанья все сидят кротко и молчат; старший же при разделе гогочет.

Курильцы мохнатые в последних четырех островах живут на балаганах, устроенных на столбах, окладенных и покрытых травой. Ежели в балагане кто умрет, то на другом месте делают новый.

ОСТРОВА АЛЕУТСКИЕ

БЕРИНГОВ, или КОМАНДОРСКИЙ, остров безлюден, имеет низкое положение и каменист, а особливо в южно-западной стороне, и лежит в 250 верстах прямо на восток от реки Камчатки, под 185 градусом долготы. Сей остров содержит, в длину от 70 до 80 верст, а простирается от северо-запада к юго-востоку в таком же направлении, как и МЕДНЫЙ остров, получивший сие название оттого, что море выбрасывает на берега большие и малые куски самородной меди, которой там такое множество, что можно бы оною производить весьма выгодный торг с китайцами, у коих сей металл весьма дорог. Некоторые из сих медных кусков имеют такой вид, как будто бы прежде были растоплены. Хотя местоположение сего острова и невысокое, однако он имеет много холмов. Море выбрасывает иногда на сей остров настоящее конфорное [камфорное] и еще другое дерево, которое имеет белый цвет, мягко и благовонно. МЕДНЫЙ остров лежит в 60 или 70 верстах от южно-восточного носу БЕРИНГОВА острова и в длину содержит около 50 верст.

АЛЕУТСКИХ островов число неизвестно. Сии острова лежат почти в 50 верстах от МЕДНОГО острова и простираются от востока к югу. АТТАК есть ближайший. Он кажется обширнее БЕРИНГОВА и лежит от запада к юго-востоку в 20 верстах, от одного к востоку находится САМИЯ²¹³, неподалеку же от восточного края лежит еще другой небольшой остров. В южной стороне от морского пролива, отделяющего оба сии острова, находится АГАТТУ²¹⁴ почти в том же самом положении и в длину имеет не более 25 верст. Все сии острова лежат между 54 и 55 градусом северной широты. Жители сих островов по большей части питаются сушеною рыбою и другими зверями.

За АЛЕУТСКИМИ островами следуют АНДРЕЯНОВСКИЕ острова, кои простираются даже до ЛИСЬИХ и дополняют ряд островов от Камчатки до Америки. Сии острова АНДРЕЯНОВСКИМИ называются по той причине, что Андреян Толстых во время своего путешествия в 1760 году был почти на всех сих островах²¹⁵.

Остров АЯГА²¹⁶ содержит в окружности около 150 верст, и на нем есть многие высокие и каменистые горы, промеж которых лежат болота и тундра; но высокие деревья совсем не растут. Растения тамошние суть почти те же самые, какие находятся и в Камчатке. Из ягод есть: водяница, или шикша, но голубица изредка попадает. Числа жителей определить не можно, потому что они беспрестанно переезжают на байдарках с одного острова на другой.

КАНАГА лежит в западной стороне от АЯГИ и имеет в окружности 200 верст. На сём острове есть высокая огнедышащая гора, около которой жители собирают летом серу²¹⁷. У подошвы сей горы нахо-

Типы жителей острова Уналашка. Слева — мужчина, справа — женщина.

дятся горячие ключи, в коих жители варят себе пищу. В прочем же остров сей не имеет никаких текущих вод, и число жителей простирается только до 200 человек.

ЧЕТХИНА лежит в 40 верстах от КАНАГИ в восточную сторону²¹⁸ и в окружности имеет около 80 верст. На нем есть многие каменные горы, из коих примечания достойною почитается так называемая Белая сопка²¹⁹. На низменных местах находятся также горячие ключи; однако изобильных рыбою текущих вод совсем нет. На сём острове живут только четыре семьи.

ТАГАЛАК²²⁰ имеет в окружности 40 верст и лежит в 10 верстах к востоку от ЧЕТХИНА. На сём острове каменных гор мало, а изобилующих рыбою текущих вод вовсе нет. Притом не растут на нем и такие травы, которые бы можно было в пищу употреблять. Берега его сплошь каменисты, почему опасно приставать к оным на байдарках. Жителей же токмо четыре семьи.

АГХУ²²¹ лежит от ТАГАЛАКА к востоку же в 40 верстах, а окружность его простирается до 360 верст. Неподалеку отсюда есть пристань, где суда безопасно на якорю стоять могут. На сём острове много гор,

из коих вытекают разные речки, в море впадающие, и в одной из них, текущей к востоку, водится весьма много рыбы. Жителей на сём острове около 60 человек.

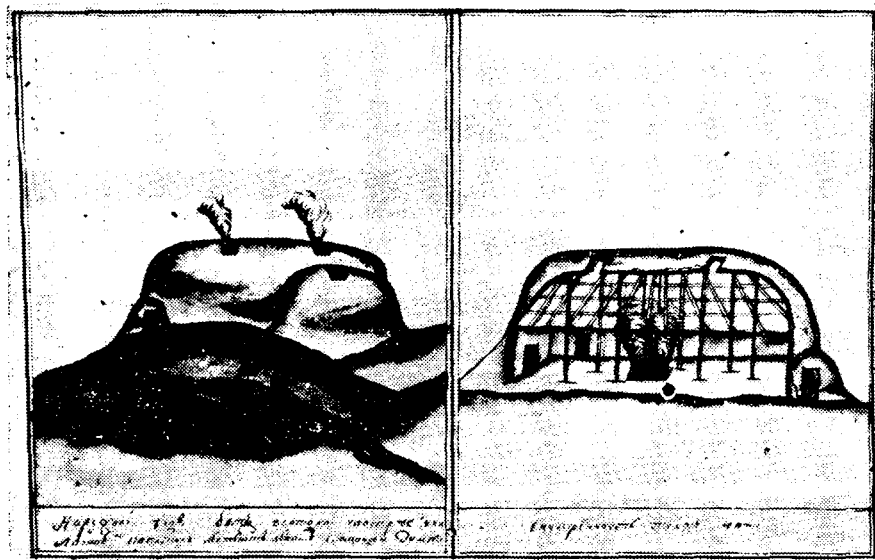
АМЛАГ²²² — гористый остров, лежит к востоку в семи верстах от острова АХТУ и содержит в окружности своей 300 верст. На нем жителей также 60 человек; но он имеет изрядную пристань и отменно изобилен годными в пищу кореньями. Малых рек на сём острове много, но рыба водится токмо в одной, текущей к северу.

Жители сих островов живут в подземельных пещерах, в коих и зимою огня не разводят. Рубахи или парки свои делают из кож птицы ару и топорка, коих ловят силками. Во время дождливой погоды носят они еще и другое платье, сшитое из тюленьих и сивучьих кишок. Рыбу камбалу ловят они деревянными удами и едят сырую. Они никогда и ничем впрок не запасаются; почему, ежели во время бурной погоды не могут выезжать на рыбную ловлю, принуждены бывают питаться морскою травой и улитками, коих собирают около берега и едят также сырыми. Морских бобров²²³ ловят они в мае и июне месяцах следующим образом: во время тихой погоды выезжают они на нескольких байдарках в море и, увидя бобра, стреляют по нем из гарпунов, а потом подъезжают к нему так близко, что он никак уйти не может. Равным образом ловят они и тюленей. Они и во время самой жестокой стужи обыкновенно своего платья не переменяют, в чрезвычайные же морозы жгут только сухую траву и греют около огня свое одеяние. Женское и детское платье шьется у них из бобров, и точно так же, как и мужское. Если случится им ночевать вне своего жилища, то вырывают они в земле яму и ложатся в онаю спать; причем одеваются токмо платьем и рогожами, из травы сплетенными. О будущем совсем не помышляют и думают единственно о настоящем; о законе не имеют ни малейшего понятия и не полагают никакого различия в рассуждении благопристойного и неблагопристойного²²⁴.

ЛИСЬЕВСКИЕ ОСТРОВА

Следуют за АЛЕУТСКИМИ и АНДРЕЯНОВСКИМИ и лежат между 53 и 55 градусами северной широты и между 210 и 218 градусов долготы, а потому и примыкаются к Америке.

УНАЛАШКА, или АГУНАЛЯСКА²²⁵, — знатнейший ЛИСЬЕВСКИЙ остров, по свидетельству одних имеет в длину 120, а по другим — 200 верст, в ширину от 10 до 18 верст, а лежит под 53 градусом 29 мин. северной широты и от 213 до 215 градуса долготы. С северной стороны сего острова есть три залива, из которых один, называемый

Внешний и внутренний вид алеутских юрт-землянок на острове Уналашка. Рисунок сделан во время пребывания на Уналашке капитана М. Д. Левашова (ЦГАВМФ СССР, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 26). Под рисунком надпись: «Наружный вид юрты, в которой на острове Уналашке капитан-лейтенант Левашов зимовал», «внутренность той же юрты».

Удага, простирается по северо-восточной и юго-западной стороне почти до самой половины острова. Лесу на нем никакого, кроме стланцу талового, не находится; ясачных и неясачных жителей до 200. Мужчины платье носят птичье и кишечное, камлей и шапки деревянные, а женщины котиковые, в губах и носу носят кости, в ушах бисер и корольки разного цвета, но преимущественно белого, волосы спереди стригут, а сзади вяжут пучком и выпускают виски; юрты строят из наносного лесу, вкапываясь в землю на сажень; по разным речкам промышляют рыбу красную, белую, кижич²²⁶, гольца и горбушу; и к пище служащие ягоды: малину, шикшу, чернику, сарану, сладкую траву, корень макарша и другой желтый, подобный осолодке²²⁷. На сём острове водятся лисицы черно-бурые, сиводушки и красные; морские нерпы, сивучи и малое число бобров. Обыватели УНАЛАШКИ на промысел зверей и китов выезжают на байдарках в мае месяце человек по 100; стреляют из луков и мечут с доски стрелой, которая длиною около двух аршин и у которой в конце вставляется острая кость или ка-

мень, служащий вместо железца, к стрелам привязывают пузырьки, чтоб они потонуть не могли.

УМНАК-остров отстоит от УНАЛАШКИ на 5 верст, длиною от 100 до 150, а шириною от 7 до 15 верст. На западном краю северного берега находится довольно пространная гавань и залив, в котором лежит небольшой каменный островок АДУТАК, а на южной стороне есть другой, называемый ШЕМИЛГА²²⁸. Лесу на нем, кроме стланцу, нет никакого, посредине острова есть горящая сопка, от которой по низменным местам исходят горячие ключи; жители в них варят мясо, рыбу и коренья; звери водятся: лисицы черно-бурые, сиводушки и красные, нерпы, бобры в малом количестве; жителей до 30 человек, обходительны все.

КИГАЛГА-остров²²⁹ лежит от УНАЛАШКИ к востоку в 5 верстах; в длину имеет не больше 10, а в ширину 1 верста. Лесу и речек на нем нет, а для пищи растет сарана, коренья, сладкая трава, ягоды — шикша; на нем водятся лисицы тех же родов, и нерпы, а бобров нет.

АКУТАН-остров²³⁰, отделенный от вышеописанного проливом верст на 20, в длину имеет 40, а в ширину от 5 до 10 верст, утесист и гавани способной не имеющий; лесу на нем, кроме стланцу, не растет, звери, кроме бобров, те же, что и на прочих островах, то ж разуместь должно и о травах и ягодах. В речках рыбы не бывает. Жителей сорок человек.

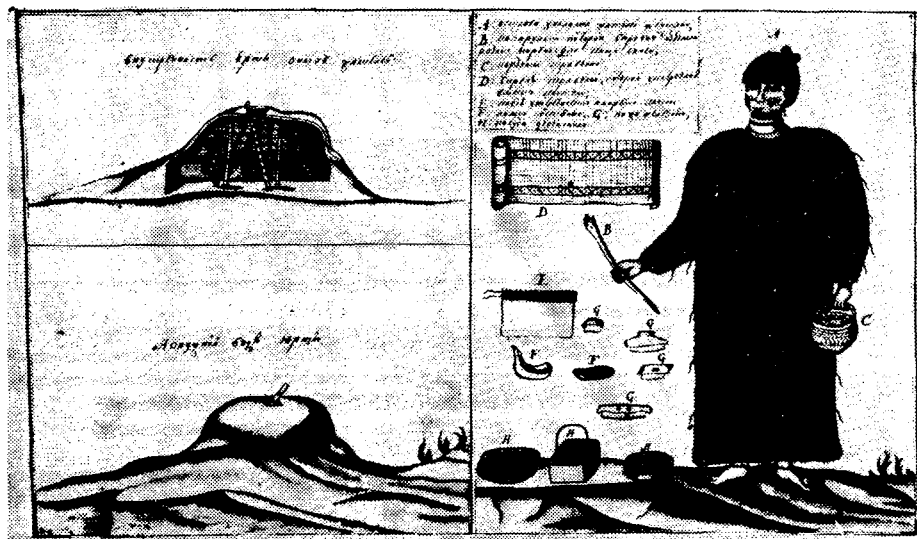
АКУН-остров от АКУТАНА отстоит на 1 версту; в длину имеет 35, а в ширину от 10 до 15 верст; не имеет никакой гавани, кроме бухты на северной стороне; лес растет стланец; речки хотя на нем и есть, но рыбы в них бывает мало. Сверх коренья растут обыкновенные ягоды; звери водятся: лисицы бурые, сиводушки и красные, нерпы, бобров же не бывает. Жителей ясных и неясных 50 человек.

АВАТАНОК-остров от вышеописанного отделяется на восток проливом на 30 верст, в длину имеет 20, а в ширину — от 3 до 5 верст; гавани не имеет; жители, коих числом до 20, в пищу употребляют траву, коренья, сарану, ягоды; речки хотя и есть, но безрыбны; звери водятся те же, как и на прочих островах; бобров не бывает; от сего острова на юго-восток лежит остров КИГАЛКА чрез пролив на 20 верст. Остров сей имеет в длину 20, а в ширину от 5 до 7 верст; гавани, кроме морской бухты, к судовому отстою способной, никакой не имеется; речки безрыбны; жителей 40 человек. Род их жизни такой же, как и на прочих островах. Звери и травы те же, что и на других.

УГАМОК-остров от КИГАЛКИ отстоит на 5 верст; жителей на нем 7 человек, кои образ жизни имеют тот же, что и на прочих островах, звери водятся только красные лисицы и нерпы.

КАДЬЯК-остров лежит к северо-востоку и от УНАЛАШКИ от-

стоит на 800 верст. Величина сего острова, за опасностью от нападения островитян, точно не известна, но полагают в длину 200, а в ширину от 20 до 30 верст. На восточном оного носу есть бухта, в которую впали многие речки, изобильные рыбою, и в сей бухте находится залив, глубиною в $2\frac{1}{2}$ сажени, который может служить гаванью для судов²³¹. Лес на сем острове растет ольховник, рябинник, тальник и небольшой березник, а в хребтах есть немалой величины топольник, из которого делают боты наподобие камчадалских, в коих можно сидеть пяти человекам. Растет на нем также довольно сладкой травы, ягод: шикши, малины, брусницы, морошки, черники, голубицы и коренья, изобилует он разною рыбою; звери водятся: лисицы бурые, сиводушки и красные, евращки, выдры, горностаи и соболи; из водяных зверей примечены только нерпы. Жители сего острова живут в юртах, поставленных на столбах, с боков обиты лесом и покрыты травой. В них поделаны многие казенки²³². Юрты внутри обиты деревянными цырелками²³³, рогожам подобными. Для входу в них сделано окно, ко-

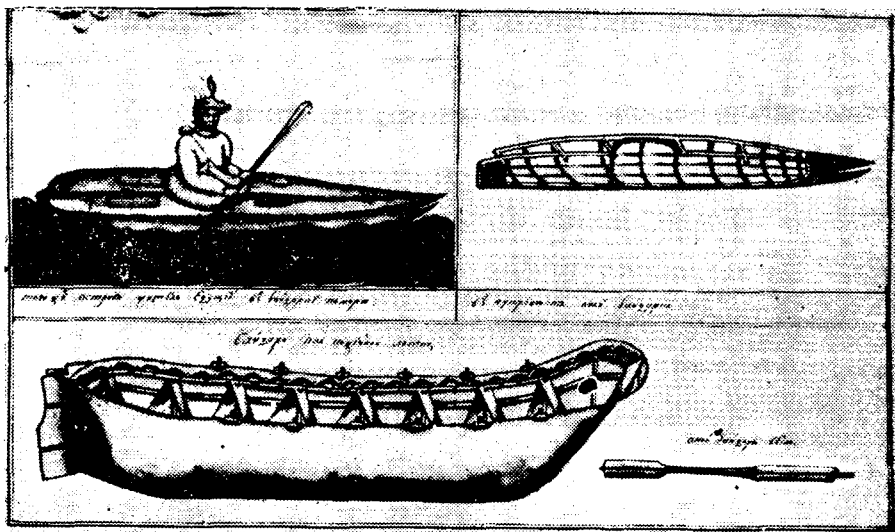

Внешний и внутренний вид малой юрты. Женщина с Уналашки и бытовые предметы, которыми она пользовалась: «В: копарулька, которой вырывают из земли разные коренья, для пищи своей; С: корзинка травяная; D: чирел травяной, которой употребляют вместо постели (в книге Г. И. Шелихова названа «цырелкой». — Б. II.); Е: пояс, употребляют во время пляски; F: ложки костяные; ножи железные; Н: посуда деревянная» (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 24).

торое прикрывается кишечною окончиною. В зимнее время нагревают они казенки горячими камнями, и живут в них тоёны и лучшие мужики; посуду имеют глиняную и деревянную; число жителей не известно. Все островские жители живут общестрами, в коих бывает человек по 50, а иногда по 200 и по 300, в больших подземельных юртах или пещерах, которые имеют в длину от 60 до 80, в ширию от 6 до 8, а в высоту от 4 до 5 аршин. Кровли у жилищ их решетённые и покрываются сперва травою, а потом землею. На кровле бывает от двух до трех отверстий, а на иной от пяти до шести; и в сии отверстия входят и выходят они по лестнице. Каждая семья имеет в пещере особенное отделение, которое означено столбами. Мужчины и женщины сидят одни от других особо, а дети лежат на земле, и им связывают ноги, дабы они научились сидеть на гокке²³⁴.

В жилищах их гораздо больше чистоты, нежели у камчадалов; и хотя они не держат в них огня, однако при всем том бывает там столь жарко, что мужчины и женщины сидят обыкновенно нагие. Если же они зимою, будучи в отлучке, пересябнут, то, пришедши домой, зажигают сухую траву, которой запасаются летом, а потом становятся над огнем и таким образом надевают кожаные свои рубахи. Внутри жилищ их темно, почему держат они в больших лампадах огонь, а особливо зимою. Лампады же выделяют из камня и кладут в них светильню из травы ситника²³⁵. Такой выточенный камень называется «чадук».

Островские жители росту среднего, телом желты, лицом плоски и черноволосы. Мужчины бреют у себя обостренным камнем, или ножом, всю голову вокруг; однако на верхушке оной оставляют небольшой кружок волос, кои висят со всех сторон. Иные мужчины отращивают бороды, а иные их бреют или выщипывают волосы с корнем. Женщины подрезывают спереди волосы наравне со лбом, назади же связывают в пучок. На лице, на спине, на руках и под мышками выводят они разные узоры, которые сперва накалывают иглою, а потом натирают некоторою черною глиною. В нижней губе прорезывают они по три скважины и в среднюю продевают плоскую кость или небольшой цветной камень, а в посторонние вставляют длинные обостренные кости, которые достают до самых ушей. Такие же скважины делают они и в носовом хрящу и продевают сквозь оные небольшие кости, отчего ноздри их всегда бывают приподняты кверху. Они делают и в ушах скважины, в коих носят разные украшения, а наипаче пронизки, также янтарные куски, которые жители разных островов выменивают у обывателей острова Аляксы²³⁶ на стрелы и камни. Мужчины носят рубахи из птичьих кож длиною по колена и надевают их через голову. Сии рубахи спереди и сзади как будто облипают около тела. В дождливое же время надевают они верхнее платье или камлей,

Байдара и байдарка алеутов острова Уналашка (ЦГАВМ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 27).

делаемое из пузырей и других внутренних частей сивучей и китов, которые они надувают и сушат.

Женское платье покроем такое же, как и мужское, и отличается только тем, что делается из кож морских бобров и медведей. Сии кожи подкрашивают некоторою красною землею и изрядно сшивают жилами. Сверх того украшают они платье свое бобровою опушкою и кожанною бахромою; на шее же носят пронизки. Они шьют костяными иглами, а вместо ниток употребляют жилы.

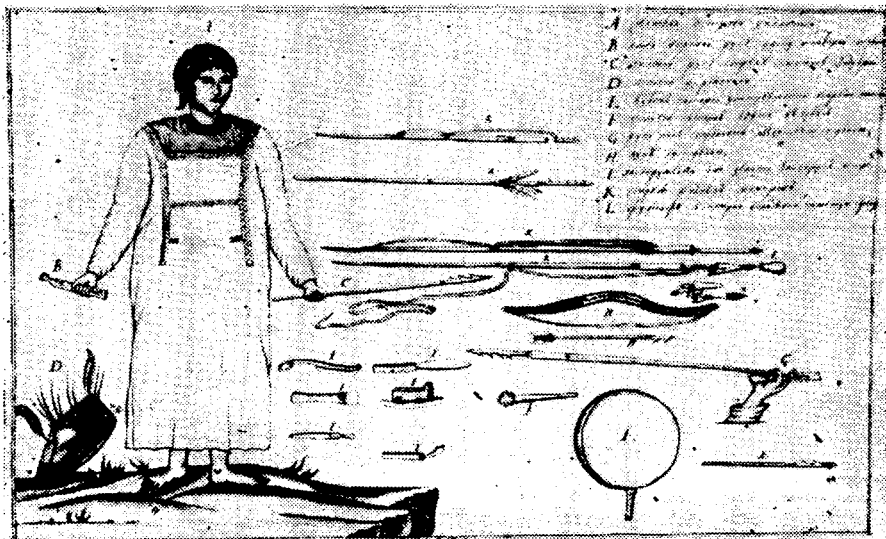
Некоторые носят шапки из пестрых птичьих кож, у которых оставляют отчасти крылья и хвост. У обыкновенных их шапок, в которых ходят на рыбную ловлю и звериный промысел, торчит впереди небольшая дощечка, украшенная коренными зубами сивучей или пронизками, у россиян вымененными. Во время же праздников своих носят они еще лучшие шапки.

Обменные торги производят они между собою морскими бобрами, платьем из птичьих кож, рубахами из кишок, большими кожами сивучей, к покрыванию байдар употребляемыми, деревянными шапками, стрелами и нитками из жил и из оленьего волосу, который они получают с полуострова Аляска. Домашние их вещи состоят из четвероугольных ведер и больших корыт, кои делают из лесу, морем на берег

выбрасываемого. Вместо топоров употребляют кривые каменные или костяные ножи. Однако они имеют и железные ножи, кои без сомнения получили от россиян. Огонь высекают они иногда из двух кремней, ударяя один об другой над бобровым духом, с серою перемешанным, или над сухими листьями. Обыкновенный же их способ доставать огонь состоит в том, что они по примеру камчадалов делают в доске дыры и, просунув палку, вертят с великою скоростью до тех пор, пока дерево не начнет загораться; после чего ловят искру на трут. Суда имеют они двойные, большие и малые. К первым принадлежат байдары, кожною обшитые и имеющие по обеим сторонам весла; в них могут поместиться от 30 до 40 человек. Малые же суда, подобные гренландским ботам, делаются из весьма тонких решетин и обыкновенно обшиваются кожною, которая покрывает судно как по бокам, так и сверху и плотно обтягивается около тела того, кто, сидя в нем, гребет. В некоторые из сих последних судов садятся и по два человека, и один гребет, а другой ловит рыбу. Однако сей род судов представлен, кажется, для преимущества одним только тоёнам, и их правят двулопастным веслом; весом никогда не бывают они более 30 фунтов. На сих судах переплывают они с одного острова на другой и в тихую погоду проходят далеко в море, где ловят треску и камбалу. Костяными удами, для коих шнуры делают из жил или из морской травы.

В ручьях бьют они рыбу стрелами. Море выбрасывает иногда на берег китов и других морских зверей, коих они также употребляют себе в пищу. Они никогда не промышляют ни зверей, ни рыб столько, сколько им надобно, и потому питаются больше улитками, морскою травою и всем тем, что море выбрасывает. Наибольше же любят они сарану и другие коренья, также и разные ягоды. Пищу употребляют обыкновенно сырую, если же вздумают поесть чего-нибудь вареного, то кладут рыбу или мясо в выдолбленный камень и, накрыв другим, замазывают глиной и разводят под ним огонь. Съестные запасы сушат всегда без соли на вольном воздухе. Российское масло, постное и коровье, едят они весьма охотно, но хлеба не любят. Когда им в первый раз показали сахар, то они не смели его отведать, пока не увидели, что россияне и сами оный едят. Узнав же, что оный сладок, спрятали себе, дабы им попотчевать своих жен. Нюхательный табак, который они также от россиян впервые получили, употребляют теперь с великою охотою. Они кормят и самых малых детей грубою пищею и обыкновенно сырым мясом. Ежели младенец раскричится, то мать, вынеся его на морской берег, окунывает в воду, хотя бы то было летом или зимою, и держит его во оной до тех пор, пока он кричать не перестанет. Но сие не причиняет детям ни малейшего вреда, а напротив того, укрепляет и предуготовляет их к стуже; почему они во всю зиму, не чувствуя ни малейшей боли, ходят босые. Они принуждены также ча-

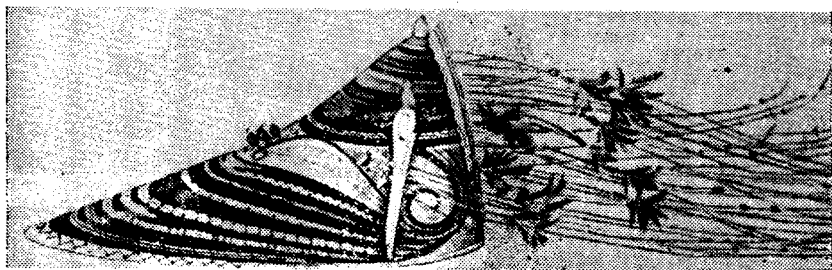

Мужчина-алеут с острова Уналашка и его орудия. Рисунок из альбома М. Д. Левашова (там же, л. 23). Пояснительная надпись: «А: житель острова Уналашки; В: имел в правой руке доску, из которой стреляет; С: а в левой руке стрелу с костеною зазуброй; D: шапка деревянная; Е: бубен, которой употребляет во время пляски; F: палочка, которой бьет в бубен; G: рука как стреляет из дощечки стрелою; H: лук со стрелою; I: инструмент для делания байдарок и стрел; K: стрелы разных манеров; L: футляр, в который вкладывают каменную стрелу».

сто купаться в воде, ибо островские жители вообще думают, что они бывают оттого смелее, предприимчивее и впредь счастливее в рыбной ловле. Ежели островские жители имеют у себя что в запасе, то едят не разбирая времени; если же ничего не имеют, то могут и несколько дней сряду сносить голод. Они нимало не брезгливы и глотают не только насекомых, кои беспрестанно по ним ползают, но и мокроту, из носу вытекающую. Моются же они сперва мочою, а потом водою. Оружие их есть: лук, стрелы, рогаины и дротики. Сии последние бросают они с небольшой доски, по примеру гренландцев, аршин на 50. Дротики бывают длиною в полтора аршина, и ратовище²³⁷, которое, судя по тому, чем они его обделывают, довольно хорошее, составляется нередко из двух кусков. Копья [наконечники] были прежде как у стрел, так и [у] рогатин их каменные и костяные, но ныне обыкновенно делают из железа, которое получают от россиян. Железо точат они между двумя

камнями, поливая оное часто морскою водою, и делают из него также ножи и топоры, которыми строят свои байдары.

По словам престарелых людей на островах Умнак и Уналашке, жители сии не вели никогда ни между собою, ни с соседями своими войны, выключая один только случай, по которому имели они брань с жителями Аляски. Поводом же к сей брани служило следующее обстоятельство. Сын уналашского тоёна имел вывихнутую руку, к коей жители Аляски, приехавшие гостить на Уналашку, вздумали привязать бубен, и на смех заставили его плясать. Сродники сего мальчика, почитая себя обиженными, завели с ними ссору, и с того времени жители сих островов живут всегда во вражде, чинят одни на других нападения и стараются друг друга разорять. Жители Уналашки нравами не столь суровы, как другие островские обыватели, и они гораздо вежливее и ласковее их к чужим людям, но притом ведут непрестанные войны, во время которых больше хитростию стараются одержать побе-

Головной убор алеутов.

ду. Жители Унимака почитаются сильнейшими всех прочих; и они нападают в великом множестве на обывателей других островов и похищают у них жен, что бывает главным к войне поводом. Остров Аляску наиболее они нападениями своими беспокоят потому, конечно, что он многолюднее и обширнее других. Они ненавидят всех россиян, почитая их общими своими неприятелями, нападающими везде, где токмо надеются получить себе корысть, и потому побивают их везде, где бы они им ни попались. Каждое селение имеет особенного начальника, которого они называют «туку» [тойон] и который пред прочими ни сном, ни почестию не отмечен. Он решает споры с общего согласия соседей; и ежели выезжает на судне в море, то имеет при себе служителя, который называется «хате» и гребет вместо него. В сём заключается все его приметное преимущество; в прочем же работает он так, как и другие. Сие звание не наследственное, но дается тем, которые

отличают себя отличными качествами или имеют у себя много друзей. И потому весьма часто бывает избираем в тоёны тот, кто самое большое имеет семейство. Ежели они бывают ранены, то прикладывают к ране некоторый желтый корень и постятся несколько времени. Если же чувствуют боль в голове, то каменным ланцетом пускают кровь из какой-нибудь головной жилы. Когда они насаживают копыца на свои стрелы, то бьют себя в нос до тех пор, пока не пойдет кровь; и сею кровью приклеивают они свои копыя.

За убийство нет у них никакого наказания, потому что они не имеют судей. Если у островских жителей во время разъездов издержатся все собственные их припасы, то они, переходя из одного селения в другое, просят милостыню или требуют вспоможения от друзей своих и сродников.

Свадебных обрядов не имеют они никаких, и всяк берет столько жен, сколько он содержит в состоянии, однако ж никто более четырех не имеет. Иные удовлетворяют также похоти свои и противным природе образом по примеру камчадалов; и такие мужчины носят женское платье. Жены живут не все вместе, но в разных юртах, как у камчадалов. Мужья часто жен своих променивают на какие-нибудь надобности, а во время голоду отдают их и за пузырь с жиром. Некоторые из таковых мужей стараются также получить жен своих обратно; если же не могут выручить, а особливо таких, коих больше других любили, то нередко сами себя убивают. Ежели чужестранцы придут в какое ни есть селение, то женщины, по общему их обыкновению, выходят навстречу, а мужчины остаются дома; и сие почитается знаком дружества и доказательством того, что приезжие могут быть безопасны. Ежели хозяин имеет многих жен, то он одною ссужает своего гостя, если же и у самого его только одна, то отдает ему служанку. Если муж умрет в юрте своей жены, то она удаляется в темную пещеру и живет там сорок дней. То же самое делает и муж после смерти любезнейшей из жен своих. Когда же умрут отец и мать, то дети должны сами себе промышлять пропитание. Россияне нашли многих в таком горестном состоянии, и некоторые приводимы были к ним для продажи.

Празднества бывают у островских жителей весьма часто, а особливо когда обыватели одного острова приезжают гостить на другой, мужчины выходят гостям навстречу и бьют в небольшие бубны; пред ними же идут жены, коя поют песни и пляшут. По окончании пляски хозяин просит гостей принять в празднестве участие и потом возвращается в свое жилище, укладывает порядочно рогожи и ставит для гостей наилучшее свое кушанье. Гости же, пришедши, садятся и, наевшись досыта, начинают веселиться. Сперва пляшут ребята и, прыгая, бьют в свои маленькие бубны, а старшие обоего пола поют в сие

Алеут, бросающий стрелу с помощью
доски.

время песни. Потом пляшут мужчины почти совсем нагие и занавешиваются только спереди. Они идут малыми шагами один за другим и бьют в большие бубны. А когда они устанут, то сменяют их женщины, кои пляшут [во] всем своем платье иногда поодиночке, а иногда парно; причем имеют они всегда с собою довольно надутые пузыри, коими они, пляшучи, размахивают. Между тем мужчины беспрестанно бьют в бубны и поют; по окончании же пляски гасят огонь, разведенный в юрте нарочно для сего праздника, и ежели случится тут волшебник, то начинает в темноте колдовать, если же его нет, то гости отходят в свой шалаш, который делают обыкновенно из байдар и рожек.

Зверей промышляют они наибольшее, начиная с последних чисел октября до начала декабря месяца, и в сне время бьют они много мо-

лодых морских медведей или китов, коих кожи употребляются на одевание. Во весь же декабрь месяц они веселятся; и сии забавы разнятся от вышеупомянутых тем токмо, что мужчины пляшут в деревянных личинах, изображающих разных морских зверей и подкрашенных красною, зеленою и черною землею, которую на сих островах находят²³⁸. Во время праздника жители посещают один других не только из разных селений, но и с ближайших островов. По окончании игрищ ломают они свои личины и бубны или кладут их в пещеры гор, откуда никогда их более не берут. Весною промышляют они старых морских бобров, сивучей и китов, а летом ловят на море рыбу.

Иные из российских мореплавателей утверждают, что островские жители не имеют о божии никакого понятия; но мнение сие несправедливо, ибо и между ними действительно видны следы хотя непорядочного, однако ж такого богопочитания, какого от непросвещенного народа ожидать можно. Выше сего упомянуто уже нами, что они при празднествах своих употребляют волшебников, которые объявляют, что они внушаемы бывают куганами, или демонами²³⁹. Если они что-нибудь предсказывают, то надевают деревянные личины, изображаю-

щие тех самих куганов, которые, по их сказкам, им являлись; а потом они пляшут, ломаясь чрезвычайно, и бьют в бубны, покрытые рыбьею кожею.

Островские жители носят также на шапках своих некоторые изображения и ставят их [изображения], сверх того, около юрт для отвращения дияволов и злых духов. Все сие довольно доказывает, что и они имеют некоторую веру. Скудных покойников завертывают они в их платье или в рогожу, а потом кладут во гроб и засыпают землею; богатых же укладывают в платье и с оружием в небольшие байдары, которые делают из наносного лесу, и вешают их на столбах, поставленных крестообразно; после чего мертвое тело истлевает на вольном воздухе.

Нравы и обычаи жителей Алеутских островов весьма много сходствуют со нравами и обычаями жителей Лисьих островов. Алеуты платят ныне ясак или совсем подвластны России. Некоторые из них научились уже несколько от российских промышленников и по-русски. Да и все вообще жители островов, в Восточном океане лежащих, отменно склонны к учению и весьма скоро российский язык понимают

**ПРОДОЛЖЕНИЕ СТРАНСТВОВАНИЯ К АМЕРИКАНСКИМ БЕРЕГАМ
В 1788 г. ОТРЯЖЕННОГО ГАЛИОТА, НАЗЫВАЕМОГО
„ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ“, ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ДВУХ
ШТУРМАНОВ, ИЗМАЙЛОВА И БОЧАРОВА**

В СЛЕДСТВИЕ предписаний бывшего в Иркутске в должности генерал-губернатора господина генерал-поручика и кавалера Якобия²⁴⁰, уполномоченный от Шелихова главный поверенный над Американскою компаниею грек Деларов²⁴¹, прибыв из Охотска на остров Кадьяк, где сия компания находится, 28-го числа апреля 1788 года дал от себя штурманам Измайлову²⁴² и Бочарову²⁴³ наставление такое, по которому должны они следовать из того острова на одном галиоте, именуемом «Трех Святителей», в море близ берегов твердой Американской земли как для открытия новых морских островов и приведения под власть Российской империи разных островных народов, так равно и для утверждения всей новообретенной американской части знаками, величеству и названию российскому свойственными. Сии штурманы, руководствуясь тем наставлением, взяв с собою сорок человек из российских компанейских работных, двух толмачей из жителей островов Лисьевских и четырех человек коняг, сооружили тот галиот

нужными к мореплаванию припасами и такелажам²⁴⁴ и снабдили оный потребными для коммерции товарами; а потом, взяв с собою по предписанию грека Деларова от штурмана Самойлова, тут в компании находящегося, пять досок и пять гербов медных, порученных Деларову от упомянутого генерал-поручика Якобия, самые те, кои выше сего под названием российских знаков наименованы²⁴⁵, 30-го апреля пустились в море из так называемой Трех Святителей гавани.

Взяв сию гавань для счисления своего за первый меридиан, обошли полуденною стороною остров, именуемый Шелидак²⁴⁶; потом, приблизясь к восточному мысу Кыктака, в виду коего находится островок Угак²⁴⁷, 2-го числа мая пополудни в два часа взяли сей последний в пленг²⁴⁸ и от него плыли куршем [курсом] по пристойности ветров к губе Чюгацкой*, вытерпев тут же с 3-го по 4-е число один от востока весьма жестокий шторм [шторм].

5-го числа увидели остров Суклю²⁴⁹ — один из губы Чюгацкой, вытянувшийся к зюйду [югу], тот самый, который Беринговую экспедицию назван мысом Св. Илии²⁵⁰, и за противным северо-восточным ветром, пробыв в виду того острова и матерой земли по 8-е число в лавировке, приближались к тутошнему берегу по сокращении ветра на шпилью, пополудни означенного 8-го числа в девятом часу. В тот самый час приплыли к галиоту в двоелюшной байдарке²⁵¹ двое чюгач и звали к себе торговаться, но управляющие галиотом, выспрося наперед у них к отстою оногo удобное место и спустя на воду свои две байдары, пошли буксиром в небольшой пролив, который лежит по компасу север и юг. На правой его стороне остров Хликах-лик, а на левой — матерая земля²⁵²; но за противным и сильным течением воды, не дошед до желаемого места, принуждены стать в устье того пролива на пятнадцатисаженной глубине на дрек²⁵³, с прикрепленным к нему перлинем²⁵⁴.

9-го числа пополудни в исходе второго часа штурман Измайлов, в пятнадцати человеках российских рабочих, отправился на одной байдаре по проливу для обозрения тутошних мест и для нужного об них замечания, да и приезжие в байдарке два чюгачи от галиота в свое жилище уехали. Штурман Измайлов в проезде своем виделся с жителями чюгатскими, но, не выходя на берег, имел с ними на байдаре через своего толмача переговоры; а между тем в пять часов пополудни море от юга к северу обратило свое течение, с помощью которого бывшие на галиоте, подняв дрек и распустя при маловетрии топсель²⁵⁵, пошли при одной байдаре буксиром по проливу в видимую с судна на правой стороне пролива у острова Хликах-лик бухточку,

---

* Чюгацкой. — Б. П.

к низменному месту. В седьмом часу пришли к показанному месту, кое несколько потайниками на устье от волнения прикрыто, где на глубине осьми саженях близ песчаного берега стали на якорь, да в то же время и штурман со своею байдарию возвратился к галиоту благополучно. Сюда приезжали чюгачи для торговли, у коих куплено бобров и кашлаков двенадцать, за бобры платимо было по осьми и по девяти ниток голубого бисеру, по три и по четыре королька вдобавок, а за хвосты бобровые и выдры — по пяти корольков.

10-го числа из галиота ездили байдарками по проливу для осмотра удобного и к отстою судна нужного места, где, усмотрев другую у песчаника, с правой же стороны берега, бухточку и не дошед до первого на проливе лежащего островка трех верст, где никакого уже волнения не было, перетянулись буксиром в оную и стали на четырехсаженной глубине на песчаном грунте на якорь. Тут приезжали другие двое чюгач, от коих, кроме бывшей небольшой торговли, известились, что какое-то чужестранное о трех мачтах судно недавно пришло и стоит у острова Ткалхи в бухте Нучек²⁵⁶ сего ж числа с полуденной стороны по оному проливу в Чюгацкую губу, расстоянием восемь с половиною верст, на первом посредине пролива лежащем островке, на оконечности северо-западной стороны того островка, на вытянувшемся высокою на полторы сажени утесе между двумя умеренной высотой лиственничными деревьями, из коих у крайнего к воде самая вершина высохла и немного сломлена, положена в землю из числа вышеупомянутых одна с крестом и надписью «Земля Российского владения» под № 7 медная доска, которая на особо сделанном сего вояжа плане означена точкою под литерою А²⁵⁷. Сия доска закладена нарочито сделанными глиняными кирпичами; и, в рассуждении твердости грунта земли, верхний из сих кирпич врыт в глубину ее под дерн пять вершков. С самого того места пеленги по компасу: за проливом через лесной мыс сопка голая Северо-Запад 34,00, с левой стороны оконечность пролива в Чюгацкую губу лежащего, мыс Северо-Восток 14,00, с правой стороны оконечность с лесом Север 18,00, в воде два камня, первый в Север 11,00, в пятнадцати саженях, а второй пониже в левой стороне Северо-Восток 60,00, в сорока саженях от первого камня, а правая в четырех саженях каменная лайда, коя вся покрывается прибылыми водами; к Западу озерко небольшое, подле него морской берег к Юго-Западу 75,00, и тут же другой островок далее по проливу Северо-Запад 19,00.

11-го числа мая, подняв у галиота якорь и прошед под парусами оный островок, за противным от другого маловетрием остановились на правой же стороне в небольшой бухточке на якорь. Здесь на другой стороне пролива на восток имеется таковая бухта, в которую без всякой опасности могут входить разного рода суда и корабли и иметь

покойный отстой от морских волнений. Тут простоял галиот за безветрием и за ожиданием по речкам рыбы два дня. А 13-го числа в полдень обсервована была чрез четверть круга ширина места $59^{\circ}47'14''$ прикладных часов²⁵⁸, и на сем месте замечено 00,24 возвышение воды две с половиною сажени.

14-го числа пополудни в два часа, подняв якорь и вышед при зюйдовом ветре из сего пролива, пошли далее в губу к видимым впереди островкам и на двадцатитрехверстном расстоянии пристали к острову Никахта Хлук²⁵⁹, в бухте на глубине пятисаженной, где, простояв по 17-е число, имели с приезжими чюгачами торг; а сего числа в десятом часу пополудни, подняв якорь, плыли через пролив к северному мысу острова Сукли, куда 18-го числа пополудни в половине осьмого часа приближаясь, остановились за противным ветром в небольшой бухточке на якорь. В десятом часу приехал к галиоту в однолюшной байдарке чюгач, ездивший за промыслом нерп; он объявил себя жителем острова Ткалхи и, удостоверяя, что на оном имеется пристань кораблей, из других держав зашедших, обещался ее показать, объявляя ж, что около тамошних мест имеется довольно рыбы и что приходящие туда на судах люди промышляют в бухте Нучек неводами красную рыбу и палтусов. Он, желая посмотреть российских народов и жительства, просил, чтобы взять его на галиот; почему бывшие на сем правители, вознамерясь идти для рыбного промыслу на объявленный остров, того же числа пополудни в пять часов подняв якорь и обойдя острова Сукли северный мыс, плыли при юго-восточном ветре через пролив к острову Тхалхе; и 19-го числа в третьем часу пополудни пришед к оному, вошли в бухту Нучек²⁶⁰, а из оной в небольшой заливек, на правой стороне лежащий, в котором по объявлению тутошних жителей стояло иностранное трехмачтовое судно, пришедшее туда весной 1788 года, и что оное за два дни до прибытия галиота вышло в море²⁶¹. Здесь на глубине трех с половиною сажень, на песчаном грунте остановился галиот на якорь и обсервовал ширину места 60 — 08.50. Работные люди имели 19-го и 20-го числа байдарками разъезд по речкам для ловли рыбы, которую добывали они по местам удобным и в море. Отселе пошли далее, но, быв встречены трудностью, поколику из сего залива и при попутных ветрах выходить казалось опасно, вознамерились перейти на другую сторону в залив же, способствовать могущий северо-западным ветром к продолжению пути.

20-го числа опять прибыл к галиоту прежде упомянутый просящийся в путь чюгач с двумя уже сродниками своими, который, сперва решась идти, как выше сказано, будто для просмотра России, уезжал из галиота в свое жило²⁶², но сродников оставлял на судне. От последних управляющими судном изведено, что хотя и с жалостию должны они расставаться с тем чюгачею, однако ж желание его они

не удерживают, почему и требовали, чтобы жене его и детям оставить некоторую часть из товарных вещей, на галиоте ими видимых, что по приезде того чюгача из жила, во удовольствие всех их желания, и было сделано. Данные им десять ниток голубого, пять темно-желтого и одна треть сажени зеленого бисеру да двадцать семь голубых корольков удовлетворяли такое чюгач требование, которые вещи пускающийся из них в путь чюгач, присовокупив к снятой с себе парке, отдал показанным сродникам своим и отпустил их по-прежнему в свое жили; а вместо сей последней получил из судна тот чюгач на себя птичью парку и камлею конифасную²⁶³, с чем уже и остался на оном.

21-го числа пополудни в половине четвертого часа, сняв якорь, пошли в залив, на другой стороне вышеозначенной бухты лежащий, куда прибыв в девятом часу, остановились с левой стороны близ берега в бухточке на четырехсаженной глубине песчаного грунта, где вход в устье на юг. Тут замечается, что по правую сторону устья есть возвышенные камни; но мелей от них видно не было, и ход судам безопасный, потому что при самой убылой воде простирается глубина ее полторы сажени семифутовой, бываемое возвышение воды две с половиною сажени, прикладных одиннадцать часов сорок восемь минут. Как тутошние чюгачи не объявили никакого названия сему заливу, то управляющие галиотом наименовали его заливом Св. Константина и Елены. На северной стороне оного течет речка, в которую, по показанию обитающих по ней жителей, прежде всех тамошних мест входит разных родов красная рыба. Здесь со входу в устье, от оконечности леса с правой стороны берега на ветер Северо-Восток 60,00, у особо стоящего лесного островка, прямо вытянувшейся от него на ветер Юго-Восток 77,00 не убылой воды, на крупной дресвяной лайде у берега, подавшегося несколько к горе, положена сверху в черную, а с исподи в желтую сухую землю в двух глиняных кирпичях, глубиною верхний кирпич в земле с пол-аршина, одна с надписью под № 8 медная доска, которая изображена на особом плане точкою под литерою Б²⁶⁴. С приходу сюда от лайды, и на которой доска стоит лицом, между тремя лесинами в правой стороне, первая из них с лайды толстая до исподу с сучьями лиственничная лесина; пеленги же к ней по компасу на ветер Юго-Восток 23,00. Вторая на левой стороне потоньше первой. Сия от корня своего кверху немного дупляниста и на три четверти сажени к оному наклонена к лайде, от наклонности же и опять вверх стоит прямо с сучьями на Северо-Восток 67,00. Все сии три лесины расстоянием от доски по два немалые шага, и около всех их, кроме лайденной стороны, имеется стоячий немалый лес.

23-го числа, окончив то происшествие по неимению здесь рыбного корму, решились идти галиотом вперед по берегам Америки, для того чтобы здешние жители объявили, что расторговались уже своими то-

варами с бывшими нынешней весны на судне другой нации народами; почему вышел из залива пополудни в первом часу, хотя и старались продолжить путь, но как за противностью зюйд-вестового ветра выйти из бухты Нучек в море сделалось неудобно, то и пришли только на восточную ей сторону, где близ выхода в небольшой бухточке на глубине двенадцати сажен, остановясь на якорь, простояли по 26-е число.

27-го числа в девять часов пополудни приезжали острова Сукли, из так называемого жила Чикик, тоёнский брат, имеющий себе около пятидесяти лет, Некшулк Аташа, с другими пятью человек чюгачами и производили небольшую торговлю. В рассуждении замеченного в первом же из них постоянства, командующие галиотом решились вручить ему один российский медный герб, потому наиболее, что выставить его в пристойном по предписанию господина генерал-поручика Якобия месте казалось крайне сумнительно, ибо находящиеся тут за промыслами люди, сверх того что считаются подвластными лучшим из них, но и склонны к воровству; следовательно, доверить таковой герб неизвестности было бы совершенно опасно не только по одной вышеописанной склонности островитян, но еще и для того, что жадность их к вещам, железо в себе имеющим, превосходила всякую к сохранению оных возможную осторожность. Сии островитяне конечно отважились бы, сняв герб с того места, на котором оный был бы выставлен, расковать по обычаю своему на разные ничего не значущие штучки или на стрелы, о чем наверное заключить можно было потому, что когда некоторые из тех островитян приходили к галиоту, то при всей предосторожности работных, на нем находящихся, вырывали они из судна у шпигатов от мамеранцев²⁶⁵ гвозди, или и совсем и с плетенкой оторвав, увозили. А как постоянство означенного тоёнского брата довольно обещевало надежды к сбережению герба, то управляющие галиотом и внушали ему, дабы он представил тот герб брату своему тоёну Шенуге, который, по словам сего, имеет себе жилище на острове Ты-тым-Лак²⁶⁶, в так называемом жиле Ченю. Сей тоён не мог вообще с другими сродниками своими прибыть к галиоту, как удостоверяли островитяне и брат его Аташа, за приключившеюся ему пред тем болезнью. Между прочими внушениями упомянутому Аташе главнейшее было то, что данный ему герб есть Всероссийской империи, которая, спешествуя благосостоянию островитян, в столь отдаленнейшем краю находящихся, обязуется, в том со своей стороны торжественно; для чего тоён Шенуга и старался бы не только о сохранении такового герба, но, в знак его верной обязанности ко Всероссийской державе, носил бы оный сверх своего платья на груди; и как подобным ему островитянам, так и самим приезжающим иногда иностранным судам оный показывал; для того никто не отважится из иностранцев оскорблять его, тоёна, равно и сродников его, но будут потому совершенно

ведать и признавать его под всероссийским покровительством состоящим.

Приниматель же герба, выслушав такие внушения, как можно было заметить, со вниманием, взял герб с удовольствием и о исполнении приказанного ему по своему обычаю ручался, потом, побыв на галиоте часа с два, отправился со своими сродниками на свое жило. Бухта Чюгацкая, на которой происходило вышеописанное, сама по себе весьма пространная; островов и заливов в ней, как островитяне уверяли и как собственно самим видеть было можно, находится довольно, почему многие из них и положены на карту с плаванием сколь только ближе было к видимости и пересказам, а другие по пеленгам. Все такие острова и берега имеют по себе лес еловый, лиственничный²⁶⁷, ольховый, березовый и топольник. Тут родятся ягоды: малина, черника, шикша, смородина и кислица. Земные птицы находятся: серые гуси, утки, орлы, журавли, гагары, сороки и вороны. Из зверей: медведи двух родов, черные и темно-желтые, называемые там «нуни», с колючими, наподобие кости, щетинами и с когтями²⁶⁸. Лисицы трех родов: черные, сиводушки и красные, кунцы, выдры, росомахи, норки, речные бобры. Внутри же земли, как островитяне уверяли, есть и дикие бараны, коих находящиеся на галиоте видели: кожи и шерсть длинную белую, зайцы, олени, белка, горностаи, собаки. Промышляются тут морские звери, то есть бобры, киты, сивучи, нерпы и коты, стрелками, из досок сделанными, и из луков как кенайскими, так и прочими народами. По рекам имеются рыбы: чавыча, семга и другие многие морские.

Здесьний островной народ закону никакого не имеет и ничему не поклоняется; но в случае твердых клятвенных уверений указывают они на солнце и им свидетельствуются, из чего и примечается, что они его боготворят. Разговор их одинакой с коняжским, они аманатятся или связь имеют к западу с находящимися кенайцами²⁶⁹, а к востоку с угалахмутами²⁷⁰. Сам по себе народ сей примечается лукавым и хитрым, к обману и воровству склонным, но на уверение о своем постоянстве твердым, охотно разговорчив и нетерпелив к выслушиванию чужих разговоров.

28-го числа в четыре часа пополудни по сокращении ветра, подняв на галиоте якорь, пошли из бухточки, в которой имели отстой, буксиром вдоль пролива в открытое море; и в пять часов, подняв употребляемые к буксированию байдары на судно и закрепя их, распустили парусы; причем было замечено, что находящийся на судне вышеупомянутый чюгач изыскивал способ, чтобы, удаляясь из него, скрыться по своему желанию; а как сего произвести в действие было ему уже невозможно, то он, по выходе судна в море, объявил управляющим на оном, что знает он небольшой остров, где есть довольно бобров, и что недавно якобы уехали туда жители из острова Сукли для промыслов.

Сие уверение побудило командующих судном обратить ход своей к той стороне, где по указанию чюгача лежал тот остров, для чего, оставя другой остров Тхалху, при способном ветре направили они курш [курс] для испытания по ветру запад-юг-запад и, прошед от Скучьева камня²⁷¹ семь миль, 29-го числа пополудни в половине второго часа увидели оный остров, названный так Ачаку²⁷², к коему при способном ветре приблизясь в расстоянии одной мили, стали на дрек; а как в восемь часов начал ветер усиливаться, то и, сберегая трос, начали подымать дрек и, при поднятии его отломив у него две лапы, ходили после того невдали острова лавировкою.

30-го числа пополудни в четыре часа, сблизясь к оному острову, стали на тридцатисаженной глубине на якорь; потом штурман Измаилов с семнадцатью человек работных выехал в одной байдаре на островной берег, куда и упомянутого чюгача взяли с собою. При самом выезде байдары сей к берегу случившиеся тут чюгачи, по обыкновению своему, встретили оную с плясками и криком; а по выходе промышленных и штурмана на берег чюгачи произвели с ними небольшой торг меною разных своих вещей на российские товары. После окончания сей мены промышленные, желая для пищи себе добыть гусиных и чайных яиц, хотя и отпущены были в числе восьми человек за оными, однако ж чрез час и паки к байдаре возвратились с тем, что из острова, на берегу коего все они находились, выехало в море две байдары чюгач и что, кроме сих, еще другие же две у самого жила нагружены людьми и имуществом их; а как сие было поводом к замечанию промышленными неблагонамеренного к ним расположения тутошних островитян, то и взята нужная в таком случае предосторожность, между же тем и вояжирующий на судне чюгач куда-то успел скрыться.

Потом из островного жила явился к судну один из тоёнов тутошних, и хотя у сего чрез толмача спрашиваемо было о потерявшемся чюгаче, однако ж он никакого об нём сведения не подал; для чего, когда сей тоён оставлен был у его байдар с некоторыми промышленными и когда четыре из сих человека пошли для обозрения по острову далее, то он, сыскав случай, отважился с азартностию выдернуть из-под своего одеяния одно небольшое копьё и, бросясь с оным на караульного, у байдары стоявшего промышленного Черных, хотел его умертвить; но однако ж от сего был удержан изворотливостию караульного, и как сему нельзя было оставаться без помощи других промышленных, то для сего, призвав он к себе одного еще товарища, так называемого Волкова, несколько охранил себя от зверства, в тоёне замеченного; ни страх, ни бессидие сего тоёна не могли удерживать долго покойным.

Он после своей неудачи кинулся опять со своим копьём на про-

мышленного Волкова, и как сей, неосторожно запнувшись правою ногою, упал на землю, то тоён, воспользовавшись сим, ударил его копьем в плечо так сильно, что Волков хотя было, вставши, и противился ему, однако ж полученная им от удара рана свалила его, и опять на землю. Товарищ Волкова промышленный Черных, видевший сие, принужден был ударить тоёна ружейным прикладом, отчего он хотя и упал на землю, но тут же, с поспешностию вскочив на ноги, кинулся опять на него, Черного, и товарища его Волкова со своим копьем и действовал до тех пор, пока вооружившиеся противу него [не] дали ему смертельную рану, бывшую последствием лишения его жизни.

После сего вояжирующий чюгач к судну не являлся; и, как по разведыванию открылось, уехал он на остров Суклю с теми двумя байдарками, о коих выше сказано. Бывшие у байдары караульными, сождав товарищей своих, по острову ходивших, отправились на оной к судну, причем и одного из тутошних островитян согласили с собою, с которым и прибыли 31-го числа пополудни в четыре часа на судно благополучно. На сем острове лесу не имеется, но птиц, как-то гусей и другого роду, великое множество; зверей морских, нерп и котиков, довольно; бобров же, как о том уверял вояжирующий чюгач, совсем не оказалось.

Июня 1-го числа, подняв якорь, пошли в море и в два часа пополудни приблизились к острову, называемому Кояк²⁷³, который лежит у самого матерой земли берега. Вид сего острова следующий: он сам по себе высок, имеет с морской стороны белую осыпь; на оконечности к зюйду [югу] лежит высокий круглый и остроконечный камень; с южной стороны представляется беловатый утес, покрытый травою. От него на версту в море к югу и юго-востоку два поливные камня. Лежит он сам по себе на север и юг, на южной стороне и от оконечности не более как на полверсты представляет подобие седла. Оттуда до северного мыса лежат невысокие бугры, покрытые лесом, и, по объявлению вновь принятого островитянина, жителей на сем острове никаких нет, приезжают же сюда, да и то временно, для промысла бобров чюгачи и угалахмюты; а вблизи его на восточной стороне лежит особый островок, покрытый травою. Управляющие галиотом, обошед южный нос острова Кояка, шли вблизи оного; но, не дошед состоящего в виду северного носа, от коего казались недалеко большие непокрываемые водою камни и за ними к берегу низменный островок, поворотили на северо-восток к матерой земле, к не так высокому лесному мысу, представляющему себя двумя островками, и, миновав оный, шли опять вблизи низменного песчаного берега, покрытого лесом и кажущего на дальнем хребте снег, а в расстоянии от моря верстах в пяти на нижних увалах наподобие белого насыпного песку, черные прогалины и мокротные, по земле места обледенелые. Берег прямой пошел на востоко-север и восток, мест

удобных к отстою судов нигде видимо не было; хотя дикий островитянин и показывал с судна небольшую впереди речку, при которой будто бы имеются жители угалахмюты, но как сия ничем не прикрыта с моря, то посему, за неспособностью тогда полуденного ветра, 2-го числа и пошли от берега на юго-восток через пять часов и за переменою ветра склонились куршем [курсом] опять к северо-востоку; а как в семь часов пополудни ветер заштилел, то в одиннадцатом часу при ясно-пасмурной погоде, закрывающей стоящие впереди судна хребты, увидели на низменном берегу, не очень в дальнем от судна расстоянии лежащем, в двух местах нечто наподобие дыму, которое временно казалось столбом и вдруг прекращалось.

3-го числа пополудни в первом часу при зюйд-вестовом [юго-западном] ветре пошли к берегу, прямо к тому видимому дыму; приближение туда судна показало, что то был песок, сильным ветром носимый²⁷⁴. В три часа находился галиот от берега в двух верстах, где глубина по лоту тридцать пять сажен, в одной же версте двадцать две сажени. В то время посланы четыре человека коняг на двух байдарках к устью речки, впереди видимой, а галиотом шли вблизи берега; байдарки; проехав ту речку по причине мелководия ее, рассмотрели впереди другую, которая казалась первой более, почему, возвратясь на судно в половине шестого часа, пришли к другому устью оным и на пятисаженной глубине, от берега в полверсте, при легко брамсельном ветре²⁷⁵ стали на верп с привязанным к нему перлинем. Штурман Измаилов с несколькими человек промысленных, спустил на воду одну байдарку, ездили в оной для промеру того устья, которое казалось глубиною при убылой воде на банке только полсажени. Речка сия выпала из-между высоких хребтов и разошлась на два устья, течение имеет умеренное по низменному песчаному месту, вода мутная с песком. Устье шириною сажен на пятьдесят, а на прибылой воде разливается далее. Возвышение воды примечено по видимому лесу на сажень. От устья ездили по сей речке версты по две, где глубина только в полсажени; здесь на берегу увидели свежий след человекий и один с ним наподобие собачьего. Рыбы, тут находящиеся, — камбала и красная, а сверх их показывалась и нерпа. Между устьями лежат по обе стороны песчаные бугры и видим был стоячий лес, по примечанию же из лежащего около устья и подле моря должен быть оный лиственный и еловый. Потом байдара возвратилась к судну в девять часов пополудни, и за мелкостью сего устья, подняв на судно верп и распуская парусы, пошли вперед.

Продолжая путь с того места, чрез десять с половиною миль, 4-го числа июня пополудни в восемь часов, приближались к бухте и, по-слав на берег в четырех байдарках коняг и одного русского для проведывания, стали судном при случившемся ветре лавировать; а 5-го

числа пополудни в половине четвертого часа возвратились байдарки обратно к судну и известили, что по испытанию их найдена нутристая бухта²⁷⁶ и что на берегу видели они свежие человеческие следы. Того ж числа пополудни в шесть часов приближались к берегу лавировкою на глубине двенадцати сажен песчаного грунта и остановились судном на якорь плехт²⁷⁷. В десять часов пополуночи, когда ветер усиливаться начал от востока, то, подняв якорь, распуская парусы, стали опять судном лавировать, по сокращении же ветра. 7-го числа пополудни в десять часов, подошед вблизи берега, стали на верп²⁷⁸ с прикреплением к нему перлиня на пятнадцатисаженной глубине. Штурман Измайлов с одиннадцатью человек промышленных и тремя байдарками коняг ездил здесь для проведывания бухты вблизи низменного песчаного берега, у коего стоит лес еловый, лиственничный, топольник, тальник, ольховый и мелкий березник. Нашли тут речку, у которой устье сажен двести, по правую ее сторону в юго-восток банок и устье чистое; низменный берег с перелесками, кажущийся островками, есть правый, с левой же стороны к самому устью пришел немалый каменный мыс, от коего по обеим сторонам реки берега низки и песчаны с лесом; река сия и тогда еще покрыта была льдом и только что начинала вскрываться²⁷⁹. Тут байдары остановились у берега; выходили из них почти все промышленные по оной вверх подле реки на три версты и видели шалаш, покрытый корою, также и человеческие следы, но людей не находили.

Около упомянутой бухты имеют свои жилища так называемые угахмюты, которые с соседними народами — колюжами²⁸⁰ ведут всегдашние почти ссоры и драки; по следам, какие тут замечены, должны быть в сих местах медведи, волки, лисицы. Означенная река выпала от северо-востока, течение имеет умеренное, хребты в правую ее сторону высокие, в ней видели довольно нерп, а вблизи устья ее к морю и самих бобров, которые даже и около судна нередко появлялись. Оставя сей берег в четыре часа пополуночи, возвратились на судно, причем ездившие коняги привезли с собою убитых ими из стрелок своих двух бобровых медвежонков²⁸¹. В десять часов, за неспособностью входа в здешнее устье по причине плавающих льдов, бывшие на судне, подняв верп, пошли вперед в параллель берега, который лежит по компасу от устья реки на юго-восток, а по входе из бухты востоко-юг, востоко-восток, при нем от моря невысокий отвал, а во отдоле сего лежит хребет с чрезвычайно высокими сопками — кряжем²⁸². Течение здесь в море, как то примечено, всегда более бывает от севера и северо-востока, почему, отдалясь судно несколько от берега 8-го и 9-го числа, и шло между югом и востоком, но в расстоянии от оногo не более, как семнадцать верст, за мрачностью берег показывался только временно.

Проплыв четырнадцать миль 10-го числа до осьми часов пополудни, увидели на севере в хребтах бухту, к коей хотя было и пошли, но, как чрез полчаса показался тут же островками низменный берег, то в рассуждении ночного времени и обратили свой курш [курс] на восток и востоко-север, по прошествии же ночи за противным ветром пошли в бейдовинт правым галсом²⁸³, где и показанный берег как покрытый весь лесом увидели. В девять часов пополуночи, за тихостию ветра спустив с судна в четырех байдарках двух русских и четырех коняг, отправили их к видимым островкам для осмотра бухты и для отыскания реки, чтоб запастись на сём месте кормом и водой; галиотом же при маловетрии плыли вслед за оными. В одиннадцать часов байдарки возвратились к судну обратно, и вслед за ними ехали другие две островные деревянные большие байдары, у коих носы высокие и острые, кормы гораздо ниже, и с тою еще разницею, что у первых имелись круглые большие скважины и по три не так великие дыры. На середине сих байдар утверждено по одному месту, и наверху оногo видимы были привязанные бобыры. Число людей на каждой байдаре простиралось до пятнадцати человек, на них платье бобровое, соболье, кунье, росомашье, тарбаганье и европейское, как видно, вымененное ими от иностранных; приходящих на судах народов, зеленой тонкой каразеи и пестрой набойки²⁸⁴. Прибыв они к судну, указывали руками своими на бухту, близ упомянутых островов лежащую, и как никто из бывших на судне не знал разговору их, то и догадывались, что они, островитяне, преподавали свой совет, чтобы итти судном в означенную бухту, и когда поданы были им из судна буксиры, то они, принимая их с охотою, старались вести судно в удобный к отстою его залив, для вспоможения сим островитянам в приемлемом ими труде спущена была с судна одна байдара с работными людьми, снабженная пристойною для внезапного случая обороною. После сего чрез час приехали с берега другие две байдары, кои также взяв, буксировали судно с поспешностию.

11-го числа пополудни в три часа вошли оным сперва в залив, а потом и в небольшую бухточку, на правой стороне матерого берега лежащую. Здесь противу самого тех островитян жила, на десятисаженной глубине песчаного грунта, невдали от берега, остановились судном на якоре, и как по очевидному испытанию казалось место сие не слишком удобным к отстою судна, то штурман Измайлов в числе одиннадцати человек работных отправился на байдаре сыскивать другого способнейшего, в чем совершенно и успел, ибо вблизи от упомянутой бухточки найден был и небольшой залив, однако ж такой, удобность коего побудила мореходцев после пуститься судном во оный, и по точнейшему разведыванию открылось, что название сему заливу по-иноверчески было Якутат²⁸⁵. Между сим происшествием остающиеся

ся на судне производили торговлю с островитянами и, переночевав следующую ночь, в четыре часа пополудни потянулись буксиром в показанный залив, где в двенадцатисаженной глубине иловатого грунта и укрепились.

Расположенные в разных местах сих островитян жила суть четверугольные, сделанные из земли, и в них стоячие доски, вышиною аршина два, наклонены по перекладам, на четырех столбах лежащим; с оных сверху другие доски длинные, также одна к другой наклоненные и со всех боков концами в четверугольном так называемом творяле, или коме, утвержденные. Сей комы служит вместо трубы, дым сквозь себя выпускающий; входы в жилища сии имеются с боков и завешены вместо дверей травяными скрепами, или коврами, покрыты же сверху еловым корнем. Пребывающие тут островитяне выехали из зимних жилищ своих, как то испытано, на время для единой лишь добычи корму в лодках и ботах, наподобие употребляемых в Камчатке. Народы сии имеются колюжи, жительство их состоит при разных речках, на твердой земле протекающих. Имеют они у себя, кроме малых, одного главного тоёна по имени Илхак, коему и повинуются все без изъятия. Сей тоён, как колюжи уверяли, прибыл с ними из настоящего своего жила байдарами в числе ста семидесяти человек

Колюжи (тлинкиты) в воинской одежде.

обоего пола подчиненных своих, кроме малолетних. Он имеет у себя двух сыновей, называемых Нек Хут и Хинк; настоящее жительство его на берегу, в юго-восточной стороне лежащем, гораздо далее бухты Лтуа, при реке большой Чичхат. Границы того его жила соединяются с границами народов, так именуемых — чичхан²⁸⁶.

Сии народы, как и колюжи, имеют между собою несогласие и производят друг на друга нападения. Упоминаемый тоён имеет в своем ведении всех тех колюж, кои по берегу до бухты Якутат жительствоуют. Сия бухта есть последнее место его владения, почему он хотя и не всегда имеет тут пребывание свое, однако ж как для торгу, так и для осмотра своих подчиненных приезжает сюда каждой весной байдарками. Вышеозначенная бухта бывает покрыта льдом не только до 26-го числа июля, но и долее. Как островитяне уверяли, впадают в нее немалые две реки, и, по вскрытии льдов, идет по сей бухте разных родов рыба. Около нее, равно и на колюжских островах, лесов таковых же, какие и у вышеупомянутой Ледяной реки, имеется довольно. Продолжение времени на месте пребывания судна доказало, что подле залива Якутат плодятся медведи, волки, росомахи, выдры, лисицы, куницы, соболи, белки, горностаи, бараны, еноты, также разные морские звери; земляные и приморские разных родов птицы во многом количестве. Главнейший здесь недостаток замечен в воде, для употребления годной, потому что чрез четырехверстное расстояние от залива хотя и принуждены были ездить за оною на речку, в вершине его лежащую, однако ж в ней, кроме рыбы красной и так называемых гольцов, удовольствоваться ею не могли; почему, заготовив сей последней одну только бочку, ездили за водою вдоль по проливу в север и северо-восток между островками к матерой земле, где лежит особая речка, пресную и к употреблению человеческому безвредную воду в себе имеющую.

На всем заливе Якутат бывает ясная погода, воздух довольно жаркий, и ветры, быть могущие по причине лесов, совсем не ощутительны. Обитающие подле оного колюжи ростом немалые, смуглы так, как и коняги; есть из них часть русских и белых; мужчины волос на голове не подрезывают, а в одном только наверху месте перевязывают, марают их нарочно сделанною из бараньей шерсти кистью красною краскою, а после оной и птичьим пухом украшают; бороды и усы подрезывают, лицо пестрят разными красками, губ, как другие, не прореживают, но уши прокалывают; вместо шапки обвивают некоторые себе голову и шею сделанными из тонких корней, наподобие конопляных, нитками и позади орловыми перьями; не у многих есть шапки такие, кои, как видно, получены ими от европейцев, наподобие гренадерских с медными гербами. Они носят платье на наружную сторону шерстью, сделанное наподобие плаща, и то на одном только плече, под оным

имеют они всегда копыя, на ремне через плечо с нагалищем повешенные. Копия сии с одной стороны с выпуклыми долами, а с другой наподобие ложбины; длина их бывает в две четверти аршина, в середине шириною вершка по три, к концу же и по бокам острые, которые и куют они на камне сами. Многие из них носят такие копыя от пояса до колен, а другие, наподобие известных тунгусов, имеют сверх оных от самой шеи ровдушные [ровдужные] за спиной с завязками запаны²⁸⁷, обвешанные внизу побрякушками, из птичьих носков и из других вещей сделанными.

Промышляют они бобров и нерп таковыми ж носками, но по большей части сонных и иногда на льдах случившихся. Имеют у себя особые луки и стрелы, но рыбу добывают теми же носками, каменными по воде делаемыми запорами и небольшими сетками. Женский пол одевание носит такое, как и мужчины, волосы чешут деревянными гребнями рядом и завязывают оные пучком, нижнюю губу прорезывают вдоль во весь рот и закладывают прорез деревянную, наподобие ложки сделанную, длиною дюйма в два, а шириною полтора штукую. В ушах прокалывают по пяти и по шести дырочек, а некоторые и подбородок вышивают.

Сей народ закону никакого не имеет и ничему не поклоняется, почитает же несколько птицу — так называемого ворона и удостоверяет, якобы они от него суть рождены²⁸⁸. При шаманствах, какие у них бывают, сей ворон в случае нужды призывается, от него требуется некоторая помощь, которую будто бы они себе и получают, для чего, в знак его к ним милости, делают они в его подобие из железа примерные вороньему носу с медными бровями штуки, кои содержат при себе не только при походах и играх, но и везде возят, чрез что, как от них замечено, воображают они себе великое вспомогательство и в здоровье подкрепление. Народы они нравом грубы и к воровству склонны, умерших своих они, не зарывая в землю, сжигают; потом, пепел и оставшиеся кости склав в сделанный для того ящик, поставляют на срубленных так называемых ими лазабах. Торги производят в мирное время к востоку с чичханцами, а к западу — с угалахмютцами и чогачами, с 1786 же года — и с приходящими европейцами. Жадно меняются на разное платье, железо, котлы и кубы; другие же вещи, как-то одекуй и бисер, не столь принимают охотно.

С самого начального прибытия к ним галиота и до ухода его каждодневно приезжали они на больших и малых байдарах со своими женами и детьми и производили мену на морские и речные бобры, разные бобровые лоскутья и хвосты, выдры, росوماхи, соболи, бобровые, соболи, куньи и росомашьи плащи, шерсть баранью и своего рукоделия плетешки шерстяные и на пестрые коренные и травяные мешочки, получая из судна за свои бобры и плащи, тюневую разного

Тип женщины-тлинкитки с острова Баранова.

сорту китайку²⁸⁹, кубики²⁹⁰, холстовые и прочие рубахи; а за другие звериные кожи и вещи — голубые и красные сережные корольки и голубой бисер. При крепкой и непостоянной их торговле действует между ними жадность к получению себе за свои товары российских сколько можно больше, для чего они при промене каждой вещи требуют неотступно наддачи. У них видели европейские топоры, у коих обушник узкий и высокое острие; по примечанию же должно быть сим вымененным из приходящих иностранных судов, поколику островитяне здешние объявили, что нынешней 1788 года весной приходило к ним трехмачтовое судно и стояло не в дальнем от бухты расстоянии в островах, где, застрелив из пистолета одного бывшего у судна островного мужчину, ушло в море.

Между прочих товаров, какие народ сей променивал на галиоте, представлено от одних для продажи два мальчика, лет около двенадцати себе имеющие; один из них полоненный кенайцами из коняг, прежде занятия еще острова Кыктака под компанию; он продан был чюгачам, а от них угалахмютам и, наконец, достался к колюжам, имя ему Нояк-Коинн, почему сей мальчик знает твердо колюжский и коняжный разговоры, куплен он был на судно у продавщиков за данное им четырехфунтовое с четвертью железо, один большой королек и за три сажени бисеру. Как вступил он в судно, то и употребляем уже был толмачом разговора тутошних островитян. Другой мальчик

чичьханского роду, имя ему Нахусейнацк, знает чичьханский и колюжский разговоры, и хотя сей покупаем и не был, но островитяне отдали его на судно добропроизвольно, взяв к себе вместо него одного, на судно пришедшего, чюгачу, который; сколько было приметно, и сам, по непривычке к плаванию на судах, охотно желал у островитян остаться, представляя в резон, что якобы он живал и без того поблизости островитян у колюж и угалахмютцев; упомянутый же чючханец, как то после о нем сказано будет в своем месте, когда вояжировал уже на судне, то показывал оному многие речки и бухту Лгуа.

Июня 15-го числа, когда прибыл здешних народов колюж тоён Илхаку на судно и вошел в каюту с бывшим при нем художником, пишущим разные штуки на деревянных досках и на других вещах красками, из натуральных составов сделанными, с тем самым, который до того и без тоёна многократно бывал на судне, то, высматривая имевшиеся в каюте портреты, настаивал, чтобы и еще об них хорошенько и обстоятельно растолковано ему было, и хотя пред сим не упущено было внушать оному тоёну и подвластным его народам о лицах, теми портретами изображаемых, однако ж желание тоёна и опять удовлетворено изъяснением следующим: портреты они представляют: один ее императорское величество самодержавнейшую и всемилостивейшую великую российскую государыню, иные императорских все-российских наследников великого государя и супруги его великой княгини, а другие также наследных по ним великих государей и князей, что власти сих особ повинуются многочисленные народы, в обширной Российской империи обитающие. Тоён выслушал такое изъяснение; было замечено в нём внутреннее удивление и внимание к оному. После того продолжаемо было в наставление ему, что российские государыня и великий ее наследник есть всемилостивейшие. Они, низливая от щедрот своих для верноподданных им народов неисчетные к спокойствию их благодеяния, и неусыпное имеют попечение и обо всяком племени людей, вблизи обширных российских границ жительствующих, еще не защищаемых, на такой конец, дабы преподав и им всевозможные к благосостоянию их способы, видеть потом жительства их в совершенном спокойствии и изобильных удовольствиях; что защита и покровительство российское над тою страню, которая воспользуется оным, столь тверда и непоколебима, что никто из иностранцев не отважится причинить такой покровительствуемой стране никакого озлобления; а как сей же тоён удостоверен был и о том, что вся американская часть земли и морских островов давно уже защищается Российской державою, то, к лучшему для него о сем уверению, представлен тут был один медный российский герб, и по пристойному сему случаю приветствия вручен оный был тоёну с тем, дабы носил он его сверх своего платья на груди и защищал как себя, так и подвластных

ему народов колюж от приходящих иногда к ним иностранных судов.

Местное пребывание здесь галиота доказало, что островитяне здешние не так ограничены строгостию от своих тоёнов, почему и оставить сей герб на пристойном у гавани месте казалось опасно. Подтверждено же упомянутому тоёну, дабы он хранил его со всякою бережливостию и, при случае прибытия сюда иностранцев, показывал бы им оный, как того верноподданническая к Российской державе обязанность его требует. Тоён, по выслушании всего вышеописанного приняв тот герб с великою радостью и удовольствием, уехал в свое жило.

16-го числа сей же тоён прибыл и паки на судно с двумя старшинами и врученный ему герб имел уже пришитым на своем бобровом плаще красным стамедом²⁹¹, который пред тем был им из судна выменен. Он по некотором приветствии убедительно просил, чтобы для незабвенной памяти а великом российском наследнике дать ему один из портретов, видимых им в каюте; и как сие желание его удовлетворить было можно без дальнего затруднения, потому что на судне имелось два эстампа одного портрета, то, по рассмотрению управляющих судном, и приготовлен был один, величиною в лист печатный, эстамп, подклеенный белым холстом. Прежде отдачи его тоёну сделали на нем российским и немецким диалектами таковую подпись: «государь царевич и великий князь Павел Петрович, наследник всероссийского престола²⁹², владетель герцогства Шлезвиг-Голштинского²⁹³». А сверх того подписали следующее: «1788 года июня месяца в заливе, называемом по-иноверчески Акутат, компании Голикова и Шелихова мореходы штурманы Герасим Измаилов и Дмитрий Бочаров были на одном галиоте. «Св. Трех Святителей», в числе сорока человек, где чрез ласковость и дружелюбное обращение с тоёном Илхаки и подвластными ему народами колюжами имели знатный торг, а напоследок склонили их под защищение и покровительство Российского императорского престола, что, в знак сего оставляя показанному тоёну российской медной герб и сей изображающий российской короны наследника его императорского высочества печатной эстамп, подтверждается всем приходящим сюда на российских и иностранных судах, с сим тоёном поступать благосклонно и ласково, с приличною только для себя предосторожностью, и что означенные штурманы, простояв здесь со своим галиотом с 11-го по 21-е число июня месяца, никаких от тоёна и народов его худых поступков не заметили и ушли в море благополучно».

По совершении таковых надписей на эстампе отдали оный тоёну, который, приняв его с великою радостью и, по обыкновению своему, с некоторым восторгом и криком, представил в знак своего к России повиновения одну, наподобие вороньего носу, железную штучку, за бо-

жество у них почитаемую, мешочек из трав плетенный пестрый, шесть бобровых парок и две доски, расписанные красками, одну кожаную, а другую — деревянную, имеющую в себе небольшие камешки. А затем, побыв довольно на судне, уехал на байдарках со старшинами в свое жило. Как выше упомянуто, что галиот стоял в заливе здешнем по 21-е число июня, сколь за произведением в действие учиненного с колюжами согласия и торга, тем не меньше и для приуготовления нужного работным свежего корму; ибо островитяне уверяли, что в сей залив приходит во многом количестве разных родов рыба, то здесь объясняется следующее. Июня 18-го числа в устье самого залива со входу в оное с моря, у лежащего подле него на левой стороне каменистого обширного, вышиною в аршин подножия и близ оного четырех также немалых камней, прямо на возвышенной от них между двумя логами горе, оконечностию сих логов объемлемой, под последнею вверх оной немалою с сучьями еловой лесиною под корнем ее, с горы растущим, положена в двух глиняных кирпичах одна медная, с надписью под № 9, доска²⁹⁴. От сей лесины стоит другая, на Северо-Восток 47.00 наклонная на левую ложбину лесина, пред ними же к морю небольшой ольховник, а далее по горе видим был еловый и листовичный лес, соединяющийся с кустами разных родов малого и колючего дерева.

21-го числа, учиня чрез пушечный выстрел к походу сигнал, подняли якорь на судно и вытянулись буксиром на большую бухту или пролив, пошли по маловетрию буксиром же в море, причем и колюжи одной своей байдарой делали в буксировании вспоможение; а как пополудни в шестом часу от востока и северо-востока подул весьма крепкий ветер, при пасмурной погоде по 27-е число продолжавшийся, то бывшие на галиоте, распрощавшись со помогающими им колюжами, которые настоятельно при сем случае просили их, чтобы и впредь для торгу к ним приходить на настоящее место, поколику они и промыслу своего приготовят более, вышли на пространное море благополучно и, пробыв в лавировке, принуждены спуститься на нарочитое расстояние к западу. Пополудни же сего числа в седьмом часу положились идти для отстою в прежде означенную Ледяную реку в том чаянии, что чрез осьмнадцать дней бывший на ней лед вынесен уже в море и что тамо удобнее будет запастися свежими рыбными припасами, вместо таковых же, взятых из гавани и от теплоты совсем уже попортившихся, да и что соленая провизия становилась для людей тягостию и нездоровою. Но когда между северо-западом и севером в восемь часов пополудни приближались к ее устью и остановились за противным ветром на десятисаженной глубине песчаного грунта на якорь, то по прочищении мрачного воздуха увидели, что из всего оного устья несен был густой и великий лед, и как 26-го числа в четыре часа пополудни якорь

начал дрейфовать и стоять было не без опасности, то подняв оный и распустив парусы, хотя и при противном ветре, пошли однако ж в бейдовинт и морем вознамерились простираться вперед до тех пор, покуда удобность время позволять будет.

27-го числа при попутном ветре шли морем и имели в виду своем берег к востоку. А 28-го числа пополудни в два часа, когда поверстались²⁹⁵ против залива Якутат, у коего и прежде стояли в расстоянии одной мили, то чрез два же часа выехали к судну прежние выше сего упомянутые колюжи на трех байдарках, из коих хотя одна и обратилась в залив обратно, однако ж первые две приближались к судну поближе. Здесь на учиненный байдарщикам вопрос получено было в ответ, что они, приметив их в море, выехали к ним будто бы по дружбе только для свидания; в самом же деле, как то замечено было, островитяне сии разумели, что галиот сей не тот, который они видели; почему, постояв недалеко, и обратились за первую байдаркою своею в залив, а судно при распушенных парусах пошло в параллель берега, который лежал не более четырех верст от оного. Сей берег низменно-песчаный и покрыт весь лесом. В половине седьмого часа судно было прямо устья реки Англии²⁹⁶, которая выпала из широкой пади, между хребтом лежащей к морю по низменному месту с северо-западной стороны. По одному боку реки сей имеется песчаная кошка без лесу, вдавшаяся своею бухтою несколько в море; по обе стороны банки устье ее широкое и, как удостоверил находящийся на судне вышеупомянутый колюжский мальчик, столь глубоко, что галиотом входить в оное весьма свободно и безопасно. Отсюда пошли в три ряда хребты, снег по себе имеющие, и песчаный низменный берег.

Чрез две с половиною мили поверстались судном против устья реки Калхо, которую хотя сначала и прошли мимо, однако ж за противным ветром принуждены были возвратиться к оной и стать на якорь; а 29-го числа июня штурман Измайлов ездил одной байдарой в числе двенадцати человек русских работных для проведывания по сей реке. Она выпала от севера между хребтами из двух падей и подошла к морю самым низменным местом; с восточной стороны от моря видим был лес неблизко, с западу же оного и вовсе уже не находится. Глубина устья ее на убылой воде одна сажень с четвертью, рыбы в ней не заприметили никакой, как равно и людей около здешних мест тогда не было, кроме следов, кои от них оставлены были еще непокрывшимися.

Когда байдара возвратилась к судну, то, подняв якорь на оное, и шли при попутном легко-брамсельном ветре вперед, имея в виду своем прямой, но все низменный с лесом берег. В расстоянии от упомянутого устья на пять миль продолжающийся по берегу лес окончился, и пополудни в исходе 8-го часа поверстались судном против

другой реки Алцех. Здесь с восточной стороны видим был островок, а за кошкой, тут лежащей, внутри пространное устье; по замечанию хотя и вероятно, что около сего места находится довольно количество колюж, но как за бывшим тогда с моря прижимным к берегу ветром подойти судном вблизи к ней казалось опасно, то, прошедши оную в одиннадцатом часу, увидели опять реку, называемую Какан-ин, которая течет под вытянувшимся в море мысом с северо-восточной стороны и подле коей живут те же колюжи. Миновав сию реку, берег пошел неодинаковый, но песчаный и невысоко-утесистый с лесом; вышедшие же из падей увалы казались снежными.

Июля 1-го числа пополудни в восемь часов, когда находящийся на судне колюжный мальчик показал за одним впереди лежащим снежным увалом бухту и удостоверил, что в ней, сверх многого количества рыбы, не так еще давно стояло одно большое судно, то, переменя курш [курс] своего плавания, хотя и обратились прямо на оную и в пять часов пополудни приближались к берегу снежного увала, однако ж той бухты здесь не оказалось, а вместо нее лежит тут один только песчаный и покрытый лесом берег.

2-го числа, по утвердительному того же колюжеина уверению, пополудни в четыре часа имело судно плавание к мысу, показывающемуся впереди вдоль берега к юго-востоку двумя островками и, не дошед до оногo, посланы были туда при маловетрии двоелюшные байдарки с конягами для осмотра, которые во втором часу пополудни и возвратились с тем, что не токмо бухту они нашли, но и людей тамо по их примечанию казалось довольно, однако ж судном войти в оную не отважились за предстоящею от неизвестности опасностью.

3-го числа пополудни в четыре часа, оставя реку Какан-ин, чрез семнадцать миль начали подходить к устью вышеупомянуемой губы Лтуа²⁹⁷; а как и сие место неизвестию своею представляло некоторую опасность, то и отправлен был впереди судна штурман Измайлов на одной байдаре в числе пятнадцати человек работных сколько для обозрения ее, тем не меньше и для промеру самого у бухты входа; судном же шли без парусов одним только морским течением, а сблизившись с оной, распустя все парусы, пошли в бейдовинт в море и чрез полчаса опять обратились к берегу, где, когда встречены были байдарою, то, останавливаясь, шли уже с нею в устье на ветер Северо-Восток и Северо-Востоко-Восток. В осьмом часу пришел сбоку на фарватер семи- и осьмисаженной глубины, который лежит Северо-Запад и Юго-Восток. Продолжали путь между камнем и береговым мысом, ветер Север и Северо-Восток; миновав же тот камень, поворотили в бейдовинт в губу Север-Северо-Запад, но, за противным течением воды приближаясь к правой стороне устья, остановились в бухте песчаного берега на четырехсаженной глубине каменистого грунта на якорь.

Сюда приезжали к судну в трех байдарках дикие островитяне, и как за поздностью времени не удалось с ними иметь торговли, то и отказали им в оной до другого дни. Потом, переночевав здесь, в четыре часа пополудни опять заботились о приискании удобнейшего к отстою судна места, ибо сие по близости своей к устью казалось опасным сколько от волнения, бываемого с моря чрез риф в прибылую воду, да и каменистый грунт его не позволял более держаться судну; для чего, исправя буксиры, пошли ими с судном во внутрь губы, к видимому впереди небольшому островку, подле коего, как то после осведомились от тутошних жителей, назад тому года за два стояло иностранное судно. Здесь, хотя и в маленькой бухточке, однако ж нашлося к отстою судна место весьма удобное, почему в осьмом часу пополудни, спустив якорь и остановясь в оном, укрепились.

Сначала не было здесь никого из островитян; но в первом часу пополудни показались три байдары и несколько малых ботов плывущими к судну; а когда они приблизились к оному, то и открылось, что бухта сия обитается колюжами. Находившийся между приезжими тоён, называемый Таик-нух-Тахтуях, с двумя старшинами вошел на судно, а потом впущен был и в каюту, где, по пристойном приветствии, сделал он чрез толмача вопрос, отколь вояжирующие. Сей неожиданный вопрос достойно заметить потому, что тогда оный тоён встречен был следующим: «что видит он людей Российского великого государства и что оное, как и многочисленные народы, все управляется одною самодержавною властью ее императорского величества премудрая государыни», — то, выслушав сие с ощутительным вниманием, казался довольным, причем и указываемые ему портреты ее императорского величества и их императорских высочеств смотрел. Здесь повторяема была с неоспоримыми доказательствами сила и могущество всероссийской владетельницы; а наконец так убежден был тем сей тоён, что, кроме свойственного обыкновению их обращения, действительно заслуживал он совершенное к себе доверение, и любопытство его обещало вояжирующим твердость состояния его; был показан ему один из наличных российский медный герб, который удовлетворил уже чувствование его о власти так, что когда предложили ему оный таким порядком, как и первому колюжскому тоёну Илхаку, то он не токмо принял его с уважением, но, желая доказать к тому свою признательность, велел своим подчиненным подать из байдар одного нового бобра и шесть бобровых ковров и, взяв оные, сам вручил на судне в знак своего усердия к императорскому высочайшему двору и требовал, чтобы прислано оное было туда непременно, почему сей бобр и ковры от него и приняты. Окончив такое происшествие, вояжирующие торговались с колюжами, выменивая у них бобры, выдры, росوماхи и со-

боли на железо, котлы и разного сорту платье, бисер и корольки, которые и здесь, как и у первых колюж, неохотно были покупаемы.

С наступлением вечера островитяне, сев в свои байдары и боты, уехали в свое жили, стоявшее от судна к оконечности устья версты на полторы. По разведыванию открылось, что сии жила у них не всегдашние, а единственно летние, где они по морю и по губе запасают себе на корм разную юколу, употребляя к сему палтосье и уды; другие жилища есть у них зимние, которые к западу чрез мыс от устья сего расположены версты три с половиною, при выпадшей из озера речке, куда посылаемы были два человека промысленных и коняги в двоелюшных байдарках для обозрения и для добычи рыбы; возвратяся же, сии объявили, что та речка, на коей стоят жила немалые, в устье ее лежат поливные каменя и лайды²⁹⁸ так, что и байдарою въезжать в оную можно почти с нуждою; но рыба имеется только такая, которая бессильна, как видно, от естественного расположения грунта; однако ж островитяне, несмотря на сие, промышляют ее прежде упомянутыми носками, да и на судно привозили несколько оной для продажи, где и покупаема была она на пищу в небольшом количестве.

Июля 5-го числа находящийся на судне чючханского роду мальчик объявил, что третье уже ныне лето как было здесь большое судно, после которого остался близ берега в воде железный якорь²⁹⁹; но жители здешние, достав его при убылой воде, положили в лесу, для чего и место, где должно быть якорю, показывал. По сему удостоверению управляющие галиотом, взяв позволение у означенного тоёна Таик-Нуха, отправили туда одну байдару, которая действительно, нашед оный якорь, привезла его на судно. Он имеет в себе весу 780 фунтов, и хотя верхнее кольцо и у лап пластовое железо отломлено, но тоён променял его за бисер и корольки. Того ж числа на устье вышеупомянутой бухточки с одной стороны к небольшому низменному мысу по каменистой кошке, а в левой от острова против зюйдового [южного] носу лежащего близ моря последнего беловатого большого камня, в берег на ветре Северо-Запад 25,00, до мелкого ольховника восемь фут, и по оному на тот же ветр до небольшого камня пять сажен и шесть фут, всего четырнадцать сажен четыре фута, положена медная под № 19 доска, в двух кирпичах, из коих верхний глубиною фута два камень же на оных в земле до половины. От доски в двух шагах к морю лежит другой, более первого, камень на Юго-Восток 43,00, с коего Северо-Восток — южная оконечность в губе островка Юго-Востока 73,00; пеленги же с высокой оконечности большого беловатого камня к устью, оконечность левого мыса с лесом в губе юго-западной 3,00 правой кошки, к устью оконечность мыса с лесом Северо-Восток 50,00, а галиот стоял в бухточке на ветр Юго-Запад 79,00, коего через перелесок за мысом уже не видно. Называемая губа Лтуа величиною своею уме-

ренна, она значит на особых планах во всем ее совершенстве, глубоко³⁰⁰. Грунт на глубине иловой, а близ берегов по всей губе крупный с ракушкой камень, на самом берегу лежит мелкий камешник и плитняк; вокруг нее, а особливо внутри, высокие и покрытые снегом хребты, сверху оных каменные осыпи, а с половины по падям и по низким местам леса и другие растения, таковые ж как и у залива Якутат; рек во оной не имеется, а хотя одна и есть, но та маленькая, в коей и рыбы не бывает. Около устья в губе турпанов³⁰¹ видимо было во множестве, и по замечанию казалось, как будто бы они в июле месяце здесь линяют.

Жители здешние хотя и имеют своего старшину, но сей купно с подчиненными своими состоит под властью вышеозначенного главного тоёна Илхаку. Питаются они рыбой и морским звериным мясом, добываемым поблизости устья в море, поколику здесь бобров, сивучей и нерп довольно; а что касается до нравов и обычаев сих народов, то оные во всем сходны с прежними колюжами. Отсель, заготовя на галиот пресной воды и дров, положились идти к устью на прежнее место для промыслу и добычи так называемой палтусовой рыбы, куда 6-го числа пополудни в шестом часу прибыв, благополучно офортовались³⁰². На устье один прикладной час и тринадцать минут³⁰³.

Здесь, во время приготовления палтусовой рыбы, которую, ездя в море байдарами, и удить было нетрудно, промышленные отлучались из судна на берег за собиранием малины, вблизи видимой, и сверх того на восточной стороне у самого устья утвердили на кошке крест, из дерева сделанный. Потом во осторожность свою для ночного времени, от крепкого восток-юго-восточного ветра пополудни в осьмом часу положили два дрека, а между тем пустился тут и сильный дождь. В самую полночь здешние жители отрезали у одного четырехпудового дрека трос и, взяв дрек, унесли с собою, хотя же за оным на байдаре и подъезжали с судна к берегу, но по причине ночной темноты на оный не выходили, а по рассвете сколько ни старались сыскивать тот дрек по берегу и по лесам, за всем тем найти его не могли; у тоёнского жила видим был один токмо дым, почему, не приблизившись туда, чтобы не причинить ему и подчиненным его какового огорчения, тот дрек и оставили в безызвестности.

Опасность тутошнего места и неудобность к отстою судном грунта побуждали удалиться отсель далее, поколику и продолжающийся без перемены один корм начал промышленных подвергать цинготной болезни, для чего и решились, оставя дальнейшие поиски островов, возвратиться в свою гавань на Кытак по той причине, что начинающиеся с сего времени пассатные от юго-запада и запада ветры для плавания крайне тягостные и затруднительные.

9-го числа пополудни во втором часу при полноводии, подняв яко-

ри и распустя парусы, вышли в море, держав курш [курс] от места пребывания своего между 58 и 59 градусами бывшего юго-запада прямо к острову Кыктаку, и как от крепости ветра и волнения морского принуждены были почасту иметь склонение с курша [курса] к югу, то от сего и в счислении своем учинили небольшую погрешность. За всем тем, проплыв от губы Лтуа сто тридцать пять миль, 13-го числа пополуночи в половине второго часа увидели остров Шелидак³⁰⁴ на пятиверстном от судна российской меры расстоянии и, пошед за темнотою ночи в бейдовинт в море, на рассвете поворотили опять к берегу; а в половине осьмого часа, обошед южный нос сего острова, плыли в бейдовинт к гавани, но, не дошед до оной за противным ветром, остановились за мысом в другой бухте 14-го числа на якорь; по сокращении же ветра 15-го числа пополуночи в двенадцать часов буксирами вошли в Кыктакскую гавань благополучно³⁰⁵.

Главный поверенный компании грек Деларов, приняв упоминаемый галиот в свое ведение по-прежнему и учиня с людьми, на нем бывшими, надлежащее распоряжение, дальнейший оттуда к охотским гаваням отряд остановил; а после, когда сближалася весна 1789 года, то он, укомплектовав другое судно людьми и потребными к мореплаванию провизиями и такелажам, равно погрузив в оное и все компанейские американские товары, 28-го числа апреля под предводительством штурмана Бочарова, с двадцатью семью человек работных отпустил его в море; почему сей, проходя между 48 и 55 градусами широты, не касаясь однако ж земли за бывшими жестокими ветрами-штурмами [штормами], прибыл в Охотский порт 6-го числа августа благополучно, причем как журнал, так и вышеупоминаемые планы с теми вещами, о коих выше сказано, представил, кроме правительства тутошнего, к бывшему в Охотске хозяину компании рыльскому имени-тому гражданину Шелихову.

Послесловие

Емкий рассказ Г. И. Шелихова о его знаменитом плавании (1783—1786) на остров Кадьяк и отчет мореходов Герасима Измайлова и Дмитрия Бочарова о их плавании (1788) вдоль северо-западного побережья Северной Америки насыщены самыми разнообразными и интереснейшими сведениями по истории возникновения Русской Америки. И все-таки эти источники еще не дают полного представления ни о самом Шелихове, ни о всех его предприятиях на Востоке. Поэтому возникла необходимость для полноты характеристики прославленного «Колумба русского» добавить к его «Странствованиям» еще и послесловие редактора, в котором даны сведения о некоторых других сочинениях и торгово-промысловых замыслах и предприятиях Григория Ивановича, а также о последних годах его жизни и дальнейшей судьбе Русской Америки вплоть до ее продажи в 1867 году.

Г. И. Шелихов, как человек, ценивший во всем порядок, любил писать пространные назидательные наставления-инструкции, письма с различными советами и распоряжениями и, наконец, подробные отчеты-рапорты или доношения. Но, к сожалению, до сих пор еще многие бумаги мореплавателя остаются не найденными. Некоторые из них погибли или во время иркутского пожара 1879 года, или в период гражданской войны в России, когда была безвозвратно утеряна и значительная часть бумаг архива Российско-Американской компании, нахо-

дившихся в частных руках. К счастью, кое-какие документы, вышедшие из-под пера Г. И. Шелихова, все же сохранились. Одни из них еще в 1863 году были опубликованы историком Российско-Американской компании П. А. Тихменевым, другие дважды издавал А. И. Андреев (РО, 1944 и 1948). Наконец, сравнительно недавно некоторые новые документы о Г. И. Шелихове напечатали красноярские архивисты (К истории..., 1957). Возможно, некоторые из них следовало бы включить в настоящее издание — так они своеобразны и содержательны. Но эту книгу нельзя было превращать в сборник документов о Г. И. Шелихове, — ведь она является просто новым переизданием его «Странствований». А потому оставалось сделать только одно: дать в «Послесловии» лаконичную подборку наиболее любопытных высказываний Г. И. Шелихова, характеризующих его и как человека и как предпринимателя.

Начать этот обзор целесообразнее всего с обстоятельного «Наставления» (из 32 параграфов), которое он оставил при отъезде с Кадьяка в 1786 году своему помощнику и преемнику — енисейскому купцу К. А. Самойлову. Этот документ — а о его существовании упоминал сам Г. И. Шелихов в своих «Странствованиях» (см. стр. 48 настоящего издания) — был впервые обнаружен и опубликован А. И. Андреевым (РО, 1948, стр. 185—198). Он оказался очень интересным: по существу, это была собственноручно написанная Г. И. Шелиховым детальнейшая программа деятельности 183 русских первопоселенцев, осевших на Кадьяке.

Открывалось это «Наставление» с подробного перечисления всех географических пунктов острова Кадьяк и прилегающих к нему островов, в которых, по мнению Г. И. Шелихова, необходимо было иметь постоянные русские поселения. И далее «Колумб русский» ставил перед К. А. Самойловым задачу в короткий срок распространить влияние России «далее и далее вдоль берега по американской матерой земле в южную сторону, в полдень, Калифорнии простирающейся, поставя повсюду знаки, какие от меня вам предписываемы многократно были, склоняя немирных кинайских и шугатских народов» (стр. 186). Именно во исполнение этого наказа и состоялось в 1788 году плавание Г. А. Измайлова и Д. И. Бочарова, столь детально описанное в последней части «Странствований».

Шелихов рекомендовал «стараться чрез всякие снисхождения кихтахских, аляксинских, кинайцов, чугач приводить в совершенное российскому императорскому престолу подданство и всегда по родам делать точную мужска и женска полу перепись...» Измайлов и Бочаров, несомненно, пытались вести эту перепись, но их записи пока не удалось обнаружить.

Григорий Иванович был озабочен тем, чтобы улучшить материаль-

ное положение местных жителей, чтобы «все пришедшие обитатели в подданстве не имели от лености и нерадения в здешних продуктах в пищи и в одеянии нужды». При этом он выражал надежду, что вскоре под влиянием русских аборигены этих земель, «узнавши доброе домостроительство и порядок, а потому вкус добра в лучшей жизни, мало-помалу... возбудятся ко всяким в подражание просвященных людей трудам» (стр. 187).

Основатель Русской Америки ратовал за дальнейшее распространение грамотности среди ее насельников. С этой целью он приказывал: «Заведенное мною российской грамоте здешних обитателей детское училище умножить, для чего потребныя книги я из Охотска на судне святых Трех Святителей сюда пришло, что весьма в сем краю почитать должно для познания просвященного учреждения в благоденствии человеческого рода полезным и нужным, ибо обучившиеся грамоте могут быть в переводе исправныя, а без совершенных переводчиков никакого установления сделать невозможно; и такой самой нужной в переводе пункт до сего времени промышленниками от непонятия или нерадения донесением правительству упущен...»

Шелихов требовал от своих подчиненных наилучшего обращения с местными жителями, которые находились у него на службе. Он писал: «Здешних обитателей, аманат, служащих при компании в работах, каюры и работниц, содержать в хорошем призрении, сытых, а последних обувать и одевать и обидеть не только делом, но и словом никого без твоего [Самойлова] ведома не допускать, обитчиков из своих без лицепрятия з запискою штрафовать же строго» (стр. 189). Переселенцев на Кадьяк с других мест он приказывал «обувать и одевать всегда, как русских, не гнусно, а особливо толмачей и хороших мужиков одевать поотменнее, кормом самих и жен со всяким удовольствием питать» (стр. 191).

Шелихов приказывал постоянно напоминать местным жителям, что если они будут верны русским, то будут жить «в совершенном благоденствии». Любопытно отметить, что он был противником опутывания аборигенов долгами. Он рекомендовал «всегда покупать наличное на наличность»: «им веселее, да и нам такой торг без греха и огорчения».

Интересно отметить, что Шелихов еще в конце XVIII века поручил Самойлову собрать этнографическую коллекцию. Самойлов должен был закупать всевозможную одежду индейцев и эскимосов — камлей, парки и т. д., а также разнообразные «игровые наряды» — маски («личины»), бубны, побрякушки и т. д. Все это Шелихов предполагал со временем привезти в Иркутск и в Петербург.

В «Наставлении» Самойлову Шелихов давал указания по самым разнообразным вопросам: как лучше всего укрывать на зиму суда и

всякого рода судовые снаряжения, как содержать в порядке оружие, как нести караульную службу, как бороться с цингой. «Работных людей следует, — писал Шелихов, — иметь для лучшего сохранения здоровья и збережения от цынготной болезни, как наивозможно, в сильном и ежедневном движении, то есть ходить, работать, в праздное время играть, вместо чаю травяные зеленой травы соки каждому остудя пить, чрез что скорее кровь очищается и здоровье исправляется; кормы всюду приготавливать хорошие, гнилых кормов в пищу не употреблять; в юртах, в казармах и около селения чистоту наблюдать, всегда хорошей и свежей в жилых покоях переменять воздух; полы зеленою часто свежее настилать, а зимою, где есть ельники, то оным рубленным набрасывать попеременно по полу...» (РГО, стр. 194).

Но особенно характерны советы Шелихова относительно того, как следует собирать сведения о естественных богатствах Америки: «спрашивать с запискою, где что находится в недрах земляных, или из зверей, или же птиц, или же морских ракушек курьезных и протчих изыскивать» (стр. 95).

Шелихов отмечал, что в различных частях Америки имеются слюда, хрусталь, медная руда, точильный камень и другие богатства недр. Он приказывал вести строгий учет всем новым находкам и «все такие руды, металлы, редкости вывозить» (стр. 195).

Итак, весь текст «Наставления» Самойлову ясно говорит о том, что Шелихов был дальновидным организатором, прирожденным исследователем, человеком с большим житейским опытом и здравым смыслом.

Весьма интересно и наставление Г. И. Шелихова очередному управителю Кадьяка — Евстрату Деларову. Своей главной целью это наставление ставило упрочить положение России в Северной Америке. Указания Г. И. Шелихова были, как всегда, вполне конкретны и полезны: «Для приплоту увезти в Америку из Иркутска две пары собак злобных и две пары кроликов, а из Охотска годовых две пары с бычками телочек, да пару свиней и пару коз, которых стараться там расплодить, с наблюдением экономии, посеев хлеба и огородных плодов. Посланные семена... стараться непременно размножить, что послужит в честь вашего ревностного на будущия времена к отечеству усердия». Так Г. И. Шелихов заботился о возникновении на Кадьяке, а затем и на самом побережье северо-западной части Америки, крестьянских хозяйств.

Еще более любопытные наставления Евстрату Деларову давал Г. И. Шелихов в личных письмах. Каких только здесь советов не было! И совет готовиться к плаванию в далекий, находящийся у берегов Китая португальский порт Макао. И рецепты по борьбе с пьянством, хотя сам Г. И. Шелихов отнюдь не был трезвенником. Наконец, были

тут и очередные советы об улучшении работы кадьякской школы: «Грамоте, петь и арихметике учить более мальчиков пожалуйте старайтесь, чтоб современем были из них мореходы и добрыя матрозы; также мастерствам разным учить их надобно, особливо плотничеству... Книг учебных, горных, морских и протчих множество к вам пришло. Кто учитца хорошо тем гостинца пришло на судне» (РО, 1948, стр. 288—289).

Еще любопытнее звучат призывы Г. И. Шелихова к бдительности. «От иностранцов бутте осторожны: Англия, Пруссия, Швед, Голландия и Турецкия российские неприятели, — писал Шелихов Деларову, — оне могут переменить флаги; а потому и должны вы всех иностранцов опасатца и быть во всяком случае осторожным, наставления храня все. И отнюдь ныне кому секретов, вверенных тебе, не открывай, помни священные слова: бутте мудры, яко змии, а целы, яко голуби» (РО, стр. 287).

Все эти отрывки полнее характеризуют Г. И. Шелихова как человека. Но в дошедших до нас документах имеется также немало различных данных, проливающих дополнительный свет на его предпринимательские замыслы. А они у него часто были поистине грандиозными! Особенный интерес представляют планы исследовательских работ. Так, уже давно историки смогли по документам установить, что Г. И. Шелихов замышлял организовать новую морскую экспедицию... «для узнания берегов американской земли, лежащих к северному полюсу». С этой целью он предполагал «отправить из устья рек Лены, Индигирки или Колымы суда прямо на противолежащие американские берега для измерения тут шпроты и познания путей в сей части Ледовитого моря и Берингова пролива». Шелихов гордо заявлял, что теперь уже он не будет просить ссуды у Екатерины II, а будет «изво-рачиваться... собственным своим коштом».

Тогда же он ратовал за поиск морского пути к Северному полюсу и со стороны острова Кадьяк. Более того, еще в конце XVIII века Шелихов уже помышлял об открытии Северо-Западного морского пути севернее Аляски... к Баффиновой земле!

Конечно, эти планы были в ту эпоху малоосуществимы. И все-таки Г. И. Шелихов кое-что смог привести в исполнение. С Кадьяка он не раз посылал в северные воды суда на поиск «незнаемых земель». Так, в 1786 году в воды Берингова моря по заданию Г. И. Шелихова ходил на судне купца Лебедева-Ласточкина «Св. Георгий» бывалый мореход Гавриил Логинович Прибылов. Его поиск увенчался необыкновенным успехом: Прибылов обнаружил в море два небольших острова, которые буквально кишели сивучами, котиками, каланами (морскими бобрами), песцами и другими зверями. За два года промысла на этих островах 20 русских и 20 алеутов смогли добыть «две тысячи

с лишним бобров, сорок тысяч котов, шесть тысяч голубых песцов, тысячу пудов моржовой кости, пятьсот пудов усов [китовых]...»

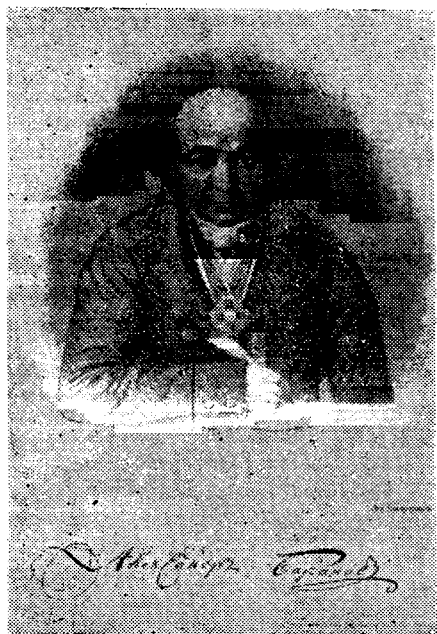
Из дипломатических соображений Г. И. Шелихов поспешил назвать вновь открытые острова именем всемогущего фаворита Екатерины II Платона Зубова. Но русские тихоокеанские мореходы продолжали называть эти острова «островами Прибылова» — по имени их первооткрывателя. В конце концов историческая справедливость торжествовала: название «острова Прибылова» стало общепринятым. Так были открыты величайшие в мире котиковые лежбища.

Деятельность Г. И. Шелихова приносила России весьма ощутимые результаты. Она заметно обогащала казну. Вот почему иркутские власти охотно оказывали Г. И. Шелихову самую энергичную поддержку. Ему активно помогал иркутский генерал-губернатор Иван Якоби. Но особенно энергично поддерживал инициативного предпринимателя Иван Пиль, сменивший И. В. Якоби на губернаторском посту. Г. И. Шелихов постоянно бывал запросто в его доме. Пиль даже стал горячим поборником шелиховского плана создания крупной тихоокеанской промысловой компании. «Я думаю, что ежели наличные суда компании Шелихова, — писал он Екатерине II, — соединят себя с другими на тамошних водах плавающими промышленными российскими судами и ежели они согласятся все вообще определить себе за главный предмет не единое только защищение пользы своей, но и пойдут с охотою на укрощение иностранных промышленников, в таком случае хотя и не прямо, однако же все, кажется мне, ожидать будет можно от них того, что отважность европейцев на хищение сокровищ, одной России принадлежащих, убавится».

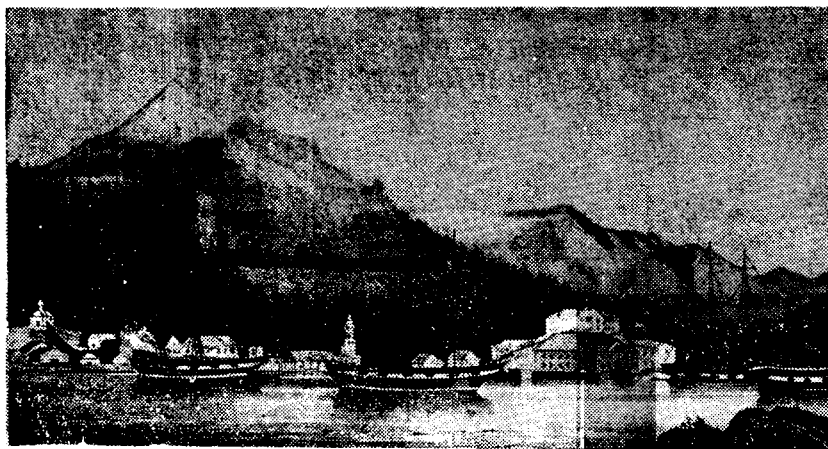
Опасаясь обвинений в намерении создать монополию, Г. И. Шелихов решил прибегнуть к уловке: он стал учреждать новые «самостоятельные» промысловые компании. Наряду со своей главной Северо-Восточной американской компанией он в 1790 году основал вторую — так называемую Предтеченскую компанию для эксплуатации богатств островов Прибылова. Позднее он образовал еще две аналогичные компании — Уналашкинскую и Северо-Американскую.

В 1790 году шелиховская Предтеченская компания направила несколько судов на острова Прибылова, а в 1791 году Шелихов решил создать свое постоянное промысловое селение на острове Уналашка. Начало этого предприятия было омрачено гибелью 1 октября 1791 года у скал Уналашки лучшего судна Шелихова — знаменитого галиота «Три святителя». Но на судне «Северо-восточный орел», построенном в Охотске, на Уналашку были своевременно доставлены все необходимые строительные материалы.

В 1790 году Деларова на Кадыке сменил новый управитель шелиховских североамериканских поселений — каргопольский купец Алек-

А. А. Баранов.

Столица Русской Америки — порт Ново-Архангельск. Рисунок из альбома Г. А. Сарычева.

сандр Баранов. Это был суровый, но исключительно энергичный человек. В истории Русской Америки его правление составляет целую эпоху, длившуюся более четверти века — 28 лет.

С первых же месяцев своего появления на Кадьяке Баранов развернул кипучую деятельность: рассылал в различные районы Северной Америки промышленников, основывал новые русские поселения, строил небольшие крепости — словом, делал все, чтобы распространить влияние России на северном побережье Америки. В 1793 году Баранов построил в Чугацком заливе первое русское судно, причем это оказалось для компании Шелихова более выгодным, чем постройка подобного судна в Охотске.

В 1793 году по настоянию Пиля правительство решило выделить в распоряжение Шелихова ссыльных, «знающих кузнечное, слесарное, медиковальное и медилитейное мастерства и десять человек мужеска пола с женами для заведения хлебопашества» в различных частях Тихого океана.

Пиль, считая североамериканские поселения себе подвластными, давал Шелихову весьма подробные наставления. Он требовал вести строительство домов в первом русском поселении в Америке по заранее составленному плану. «Всякое обезображивание кривыми, узкими и непроходимыми улицами или переулками было бы невместно, дабы по времени могло из сего первого селения произойти прекрасное обиталище стечению народа и чтоб искусство и вкус российских людей не потеряли своего уважения и славы».

Настойчивый администратор старался вникнуть во все мельчайшие подробности жизни шелиховских колонистов. Он давал указания, как распределять урожаи, как строить амбары, как сеять коноплю и делать холсты, как варить мыло и т. д. Он даже не забыл высказать требование «выводить из употребления сквернословие между поселянами, дабы американцы не привыкли к сему ж гадкому обыкновению».

Интересно отметить, что Пиль выражал пожелание, чтобы «посельщики, кои холостые, брали бы за себя американок» и «равномерно стараться и американцев (т. е. эскимосов и индейцев) женить на русских девках и овдовевших иногда бабах, дабы завести между ими взаимную связь». Эти наставления резко отличаются от распоряжений англосаксонских колонизаторов, которые грозили всякими карами тем «белым», которые «не заботились о чистоте крови колонистов».

Шелихов охотно принимал советы Пиля и с некоторыми своими пояснениями пересылал их в Северную Америку.

Ратую за расширение хлебопашества в Северной Америке, Шелихов еще в конце XVIII века рекомендовал Баранову «вымыслить», то есть изобрести, «машину, с посредством которой бы удобно можно было орать землю». И это Шелихов писал еще задолго до начала про-

мышленного переворота в России, в дни, когда даже в самых развитых капиталистических странах только еще начинали появляться первые сельскохозяйственные машины.

В 1794 году Г. И. Шелихов с согласия правительства решил создать новое русское поселение за мысом Св. Ильи. Еще находясь на Кадыке, он от индейцев собрал довольно подробные сведения о климате этого района: «Зима бывает весьма короткая и очень умеренная, снега малы, весна начинается рано... земли мягкие и в довольном количестве удобных к посеванию хлебов». Особенно его соблазняло то, что в том районе были леса, «нужные к кораблестроению». Так возник замысел создания главной русской верфи в Северной Америке.

Характерно, что если в 1787—1792 годах Шелихов приказывал закрывать доски с надписью «Земля Российского владения» тайно, то в 1794 году он решил часть этих досок открыто передавать местным жителям с тем, чтобы они показывали их иностранцам. Более того, он потребовал от Баранова, чтобы при основании русского поселения за мысом Св. Ильи была проведена торжественная церемония, во время которой Баранов или кто-либо из его приказчиков должен был «при выстрелах из орудий» громогласно объявить: «Сия земля суть владения Российской империи».

В дальнейшем Шелихов предполагал заняться освоением не столько островов, прилегающих к Североамериканскому континенту, сколько побережья Северной Америки. 9 августа 1794 года Шелихов писал Баранову: «...нахожу, что постоянное российское жительство несравненно лучше завести на матерой земле, нежели на острове, куда всегда могут притти иностранцы, от коих в нужном случае удобнее можно сыскать убежище на матерой земле; да и в прочем по известным вам политическим причинам должно более стараться матерую землю занимать, нежели острова».

В эти годы довольно быстро возрастало число иностранных хищников, действовавших у северо-западных берегов Америки. Некоторые из них подстрекали индейцев совершать нападения на русских. Пиль с возмущением писал, что «английские промышленники развязаны были излить всё мщенье свое на частных российских мореходцев за промыслы толико им важные». Иногда эти провокации удавались. Так, вскоре после посещения Кенайской губы испанскими мореходцами местные индейцы («кенайцы») убили 10 «рабочих людей» компании Шелихова.

Иностранные происки побуждали Шелихова делать все возможное для прочного освоения земель Русской Америки. Из Охотска к американским берегам одно за другим уходили суда, груженные предметами первой необходимости — сельскохозяйственным инвентарем, плотничьим инструментом, посудой, самыми разнообразными семенами,

скотом и т. д. Не забывал Шелихов и о духовных запросах поселенцев. В 1794 году он отправил на Кадьяк большую партию книг: «классические исторические, математические, моральные и экономические».

Так, в немалой степени благодаря энергии Г. И. Шелихова, успешно развивались первые русские североамериканские поселения. Но «Колумб русский» не ограничивался освоением земель Русской Америки. Он проявлял также большой интерес и к различным предпринимательским начинаниям в Сибири и на Дальнем Востоке. Часть своего капитала он поместил в некоторые доходные предприятия в самом Иркутске. На его деньги строились соляные варницы, добывался поташ, обжигался кирпич, варилось стекло.

В Иркутске Шелихов познакомился с замечательным сибирским ученым академиком Э. Лаксманом, чьи энциклопедические познания принесли немалую пользу экономическому развитию Сибири.

Беседы с передовыми деятелями русской культуры и науки — Э. Лаксманом, А. Радищевым, А. Карамышевым и другими значительно расширили кругозор Шелихова, приучили его к чтению научной литературы. И чем глубже становились знания Шелихова, тем настойчивее он ратовал за отправку русских торговых судов из дальневосточных и североамериканских портов в южные страны Тихого океана. Именно поэтому он, подобно М. В. Ломоносову, усиленно отстаивал закладку нового порта в южной части Охотского моря — в районе устья реки Уды, а также высказывался за скорейшее занятие южной группы Курильских островов.

Еще в феврале 1790 года Шелихов объявил иркутскому генерал-губернатору о своем намерении на южных Курилах «сделать заселение, дабы не могли тут предварить европейцы, к стыду нашему, своими, ибо близость тех к Камчатке неоспоримое дает право на владение под Российским скипетром подданным». И добавлял: «Да и надеемся при том тут чрез мохнатых курил [т. е. айнов] с японцами установить торговлю».

В том же 1790 году академик Э. Лаксман выступил с проектом специальной русской экспедиции в Японию. Участники этой экспедиции должны были вступить в дипломатические отношения с японским правительством с тем, чтобы заключить первый русско-японский торговый договор.

Как только в Иркутске стало известно, что правительство одобрило предложение Лаксмана, Г. И. Шелихов предоставил в распоряжение экспедиции свое судно «Доброе предприятие». Одновременно он решил послать в Японию одного из своих приказчиков и двух кадьякских эскимосов, живших тогда в Иркутске.

Начальником экспедиции был назначен сын Э. Лаксмана — Адам.

Осмотрев в Охотске судно «Доброе предприятие», он признал его непригодным для плавания в Японию. По его настоянию охотское начальство выделило для этой цели бригантину «Екатерина».

Экспедиция Лаксмана окончилась значительным успехом: японское правительство согласилось принимать ежегодно по одному русскому торговому судну.

Шелихов решил немедленно воспользоваться этим разрешением с тем, чтобы послать в Японию свое торговое судно. Э. Лаксман, однако, убедившись в том, что Шелихов стал «монополистическим оком» взирать на «будущую первоначальную японскую торговлю», категорически заявил Шелихову, что он поддержит посылку нового судна в Японию только в том случае, если в торговле с Японией примут участие многие русские купцы. На этой почве между Шелиховым и Лаксманом возник разлад. Шелихов явно не хотел упускать из своих рук возможность первым открыть торговлю с японцами; этим обстоятельством объясняется его интерес к южным Курильским островам.

В 1794 году Шелихов принял решение «завести помаленьку Русь» на острове Уруп и отсюда постепенно распространить влияние России на острова Итуруп и Кунашир.

В 1795 году Шелихов приступил к осуществлению своего плана: на остров Уруп была отправлена группа поселенцев во главе с промышленным человеком Василием Звездочетовым. Создав базу на Урупе, Звездочетов и его люди вскоре перешли на Итуруп, где и прожили около десяти лет. Из японских источников впоследствии стало известно, что Звездочетову удалось открыть торговлю с японцами, жившими на острове Хоккайдо.

Г. И. Шелихов был также горячим поборником возвращения России бассейна реки Амур.

На первом этапе он предлагал заняться тщательным изучением всех районов Приамурья, примыкающих к океану. В 1794 году предприниматель советовал иркутскому генерал-губернатору Пилю организовать исследовательскую экспедицию «по гриве того постоянного хребта, который от самого Байкала простирается на восток и оканчивается на берегу Охотского моря, оставляя реку Амур в правой, а Удь в левой стороне».

Такая экспедиция, по мнению Шелихова, могла бы ускорить создание нового русского порта в южной части Охотского моря, а это позволило бы «распространить мореплавание наше по Тихому океану далее нынешних пределов, то есть, чтоб с приобретаемыми на Курильских и Алеутских островах и на материке Американском сокровищами, так, как с частью самых российских произведений, ездить в Кантон, в Макао, в Батавию (теперь индонезийский порт Джакарта. — Б. П.), в Филиппинские и Марианские острова».

Таким образом, Г. И. Шелихов был предпринимателем удивительно широкого размаха. Благодаря своему восприимчивому уму он, несмотря на отсутствие систематического образования, смог стать одним из дальновиднейших представителей поднимающейся сибирской буржуазии.

Конечно, деятельность Г. И. Шелихова ни в коем случае нельзя идеализировать. Нужно помнить, что и его книга и многие его официальные бумаги ставили своей целью представить его дела на Востоке в самом розовом свете, в то время как в этих деяниях, конечно, далеко не все заслуживало похвалы. Как купцу-колонизатору Г. И. Шелихову были свойственны многие пороки: он был своекорыстен, временами жесток в обращении и с «работными людьми», и со своими маломощными компаньонами. Не раз высшим учреждениям феодальной России приходилось рассматривать жалобы потерпевших на те или иные чисто купеческие махинации Г. И. Шелихова. «Именитый рыльский гражданин» был таким же типичным сыном своего класса и своего века, как и его менее удачливые конкуренты. Но в целом деятельность Г. И. Шелихова имела тогда большое положительное значение: она резко ускорила первоосвоение русскими Северной Америки и островов Тихого океана, в том числе и островов Дальнего Востока. Она сыграла важную роль в истории развития буржуазных отношений на восточных окраинах земли русской, что в условиях отсталой крепостнической России было, безусловно, прогрессивным фактором.

Благодаря своей кипучей энергии Г. И. Шелихов добился многого. И, видимо, он оставил бы после себя еще больший след, если бы его деятельность не прервала ранняя смерть: он скончался 20 июля 1795 года в возрасте всего лишь 48 лет.

Долгое время существовало мнение, что Г. И. Шелихов до последних дней своей жизни обладал могучим здоровьем и умер скоропостижно. Но недавно в архивах удалось найти документы, которые показали, что еще за месяц до своей смерти Григорий Иванович знал, что дни его сочтены. В Центральном государственном архиве древних актов найдена челобитная Г. И. Шелихова от 30 июня 1795 года, в которой он просил правительство в случае его смерти оказать материальную помощь членам своей семьи: жене Наталии Алексеевне, сыну и двум дочерям — Екатерине и Авдотье (фонд Государственного архива, опись XI, д. 1117, л. 8). Вместе с тем это прошение неожиданно показало, что материальное положение Г. И. Шелихова в 1795 году было отнюдь не блестящим. Шелихов, оказывается, в этот период опасался полного разорения. Это, естественно, может вызвать удивление: ведь с Тихого океана он вывозил пушнины на многие сотни тысяч рублей, бывал в различных промысловых операциях обычно удачлив и вдруг... опасность разорения! В чем дело?

Из иркутских деловых бумаг видно, что Г. И. Шелихов допустил серьезнейший коммерческий просчет. Дело в том, что с 1786 года по вине китайских феодалов на несколько лет была приостановлена русско-китайская торговля в Кяхте. Г. И. Шелихов рассчитывал после возобновления торговли с Китаем с выгодой сбыть большую партию скопившихся у него мехов. Но когда торговля возобновилась, выяснилось, что иностранцы, с 1783 года ввозившие меха в Китай через порт Кантон, сбили на них цену. Шелихов стал терпеть большие убытки. Именно тогда русские купцы впервые почувствовали на себе вред торгового соперничества иностранцев.

Коммерческие неудачи потрясли Г. И. Шелихова и явно подорвали его здоровье...

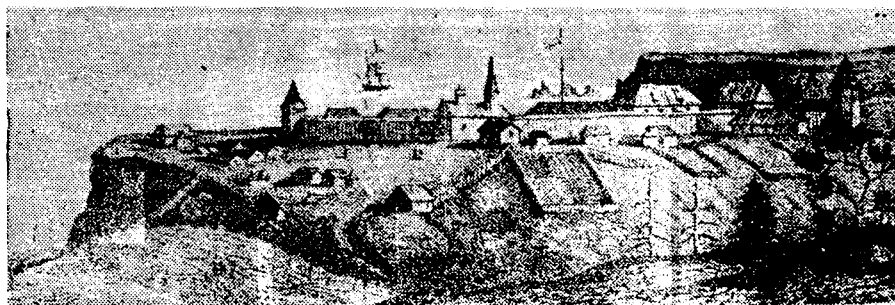
В 1953 году в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота было обнаружено письмо какого-то иркутянина, который хорошо знал семейство Г. И. Шелихова и оказался свидетелем его смерти. Он писал, что смерть Г. И. Шелихова была крайне мучительной: «Сделалась чрезвычайная боль в животе и такое воспаление, что он дабы хотя на мгновение утолить огонь можно сказать глотал леду по целой тарелке». Исходя из этих данных письма, некоторые современные медики склонны думать, что Г. И. Шелихов умер или от прободения язвы, или даже от рака желудка. Но сам очевидец этих мучений утверждал, будто бы Г. И. Шелихов умер ...«по своему деланию», т. е. покончил жизнь самоубийством. Он будто бы... отравился. А родные якобы сознательно скрыли эту горькую истину... Как известно, церковь отказывалась хоронить самоубийц с соблюдением всех обычных обрядов, да и известие о самоубийстве могло всполошить кредиторов предпринимателя. Возможно, ради выяснения истины следовало бы вскрыть могилу Г. И. Шелихова и осуществить судебно-медицинскую экспертизу? Кто знает, а вдруг утверждения неизвестного нам иркутянина и окажутся правильными.

Однако пока эта версия нам представляется маловероятной. Во-первых, она не подтверждается никакими другими источниками, во-вторых, опасения Г. И. Шелихова за будущее своей семьи оказались явно преувеличенными. Весьма энергичная вдова Григория Ивановича успешно продолжила его дело. И именно она смогла в конце 90-х годов XVIII века осуществить старую мечту мужа — основать крупную русскую монопольную промысловую компанию, которая получила название Российско-Американской. Поскольку Российско-Американская компания была создана по плану, составленному еще Григорием Ивановичем, в литературе часто весьма вольно утверждается, что истинным создателем этой компании был будто бы сам Г. И. Шелихов. Эти авторы правы лишь в одном: основное ядро Российско-Американской компании составили компании, учрежденные еще Г. И. Шелиховым.

В первые годы существования Российско-Американской компании члены семейства «Колумба русского» играли в ней решающую роль. В Петербурге до 1805 года главный тон в правлении задавал зять Г. И. Шелихова — Николай Петрович Резанов (муж Анны, первой дочери Шелихова), а на далекой Аляске успешно правил его ставленник Александр Андреевич Баранов.

Владения Российско-Американской компании постепенно расширились в южном направлении. В заливе Якутат возник недолго просуществовавший поселок Славороссия (это название было придумано еще Г. И. Шелиховым). Затем на южном острове Ситха А. А. Баранов основал новый русский порт — Ново-Архангельск, который сразу же стал столицей Русской Америки.

В 1806 году зять Г. И. Шелихова — Н. П. Резанов решил осуществить старую мечту Петра I — создать первое русское поселение севернее испанских владений в Калифорнии. Для этой цели он облюбовал залив Бодего. Позже, в 1812 году, на этом месте возник легендарный русский укрепленный пост — форт Росс. Интересно отметить, что некоторые наследники Г. И. Шелихова принимали непосредственное участие и в управлении фортом Росс.

Форт Росс в 1830 году.

Таким образом, уже в начале XIX века монополярная Российско-Американская компания, созданная по идее Г. И. Шелихова, смогла добиться весьма крупных успехов. Ею была изучена и освоена весьма большая часть северо-западного побережья Северной Америки.

История Российско-Американской компании — увлекательнейшая летопись отваги смелых русских первопроходцев. Отдельные моменты ее истории отражены в трудах многих выдающихся отечественных мореплавателей — Гавриила Сарычева, Юрия Лисянского, Николая Хво-

стова и Гавриила Давыдова, Василия Головнина, Отто Коцебу... Много интересного о Русской Америке сообщается и в записках Кирилла Хлебникова, лейтенанта Лаврентия Загоскина, журналиста Александра Ротчева, моряка и историка Петра Тихменева и других деятелей русской культуры, которым довелось посетить те далекие берега. Из советских историков первым подробно воссоздал историю Русской Америки Семен Бенецианович Окунь в своей капитальной монографии «Российско-Американская компания» (1939). До Великой Отечественной войны историей Аляски в СССР также успешно занимались Л. С. Берг, С. А. Ратнер-Штернберг, Ю. П. Аверкиева, М. М. Малкин и др. Позже различные аспекты истории Аляски и Алеутских островов изучали Г. А. Агранат, А. И. Андреев, М. И. Белов, Н. А. Береговая, Е. Э. Бломквист, Н. Н. Болховитинов, И. С. Вдовин, В. И. Греков, В. А. Дивин, А. В. Ефимов, Э. В. Зиберт, З. Н. Зубкова, Р. Г. Ляпунова, Р. В. Макарова, С. И. Руденко, Л. А. Файнберг, С. Г. Федорова и другие. Не обошли своим вниманием историю Русской Америки и советские литераторы, среди которых в первую очередь следует назвать Сергея Николаевича Маркова, автора исторического романа «Юконский ворон» и хроники «Летопись Аляски».

Итак, нива, вспаханная Г. И. Шелиховым, в течение многих лет давала обильный урожай. И отнюдь не вина Г. И. Шелихова, что спустя восемь десятилетий все освоенные по его инициативе земли были проданы царским правительством Соединенным Штатам. Тот, кто хорошо знаком со «Странствованиями» Г. И. Шелихова, обычно нелегко привыкает к тому, что упоминаемые им географические названия прессы наших дней чаще всего связывает с теми или иными акциями американского Пентагона. Еще не успело кануть в Лету сообщение о проведении атомного взрыва на острове Амчитка — острове, мимо которого дважды плавал Г. И. Шелихов (в 1784 и 1786 гг.), как газеты извещают о намерении американских верхов превратить шелиховский остров Кадьяк в место хранения контейнеров с ядовитыми веществами, вывозимых с Окинавы. Очевидно, что многое здесь делается отнюдь не с добрыми намерениями в отношении нашей страны. К примеру, один из американских авиационных журналов даже откровенно назвал цепь баз на территории бывшей Русской Америки «кинжалом, направленным в заднюю дверь Москвы».

Но нас интересует прошлое Аляски. И, естественно, после того как «Странствования» Г. И. Шелихова позволили нам подробно ознакомиться с историей возникновения русских поселений в Америке, необходимо кратко рассказать и о том, как Русская Америка прекратила свое существование.

Прежде всего напомним, что над царским правительством в течение длительного времени довлел страх перед возможностью насиль-

ственного отторжения Аляски от России. Он-то в конце концов и побудил царизм пойти на продажу Аляски.

Впервые Русская Америка стала страдать от происков так называемых «бостонцев» еще в самом начале XIX века. Уже в 1806 году на бесчинства хищников жаловался зять Г. И. Шелихова Н. П. Резанов. Но особенно заметно возросла их активность к концу второго десятилетия XIX века. Правление Российско-Американской компании эти годы постоянно жаловалось на то, что «североамериканские мореходы... не внемлют никаким внушениям». И уже тогда кое-кто высказал опасения, что со временем американцы, возможно, «вотрутся в наши владения».

4 сентября 1821 года царское правительство издало указ о запрещении иностранным судам подходить к берегам русских тихоокеанских владений. Во многих документах Министерства иностранных дел России прямо указывается, что главными виновниками издания этого указа были американцы. Так, К. В. Нессельроде в инструкции русскому посланнику в США Тейль ван Сероскерну от 13 июля 1822 года писал: «Дело дошло до того, что императорское правительство, видя, что Российско-Американская компания, потерявшая почти все свои доходы от торговли, которой она владела по законной привилегии на охоту и рыбную ловлю, все более и более страдает от постоянных вторжений подданных Соединенных Штатов, в то время как опасный дух мятежа распространяется между туземцами северо-западного берега Америки благодаря оружию и пороху, непрерывно доставлявшимся посредством контрабанды, — решило наконец... принять строгие меры, чтобы покончить с этими беспорядками».

Этим же указом царское правительство надеялось покончить со спорами, начавшимися со времени основания в 1812 году американской фактории Астория, о прохождении границы на северо-западном побережье Америки. В 1818 году Англия и США без ведома России заключили договор, провозглашавший северо-западное побережье от 42° до 54°40' совместным англо-американским владением. Россия не признала этот договор, поскольку севернее устья Колумбии никаких постоянных английских или американских поселений тогда еще не было. Считая, что граница должна проходить по середине между крайне северным поселением американцев (Астория) и крайне южным поселением русских, правительство России объявило 51 параллель русско-американской границей. Но американцы претендовали на большее, и потому в США разразилась бурная газетная шумиха по поводу «агрессии России».

Именно в связи с этой ситуацией в 1823 году в США и была провозглашена пресловутая «доктрина Монро», основная часть которой кратко формулируется как «Америка для американцев». Тем самым

президент США Джеймс Монро впервые публично заявил, что США будут добиваться удаления русских с американского континента.

В 1824—1825 годах царское правительство, не желая обострять отношений с США, попыталось разрешить возникший территориальный конфликт дипломатическим путем: оно не только отказалось от границы по 51-й параллели, но согласилось предоставить американцам на десятилетний срок (с 1824 г.) право торговли с индейцами Русской Америки. Последняя уступка резко осуждалась многими известными моряками тех лет, особенно В. М. Головным. А будущий декабрист Д. И. Завалишин даже составил специальную записку «О запрещении американским гражданам посещать северо-западные берега Северной Америки», в которой, указывая на растущую дерзость американских хищников в русских колониях, предупреждал: «Одно только может доставить безопасность Ситхе — совершенное удаление граждан Соединенных Штатов от берегов сих...»

Десятилетняя привилегия обеспечила капиталистам США получение крупных прибылей. Заблаговременно — еще в самом начале 30-х годов — правительство США стало добиваться продления ее на новый срок. Но, по настояниям Российско-Американской компании, сильно пострадавшей от американской конкуренции, царское правительство ответило отказом: с 1834 года американцам запретили приближаться к берегам Аляски. Не считаясь с этим запретом, американские хищники продолжали незаконно вторгаться в пределы русских владений в Америке. При этом бывали отдельные случаи столкновений между нашими моряками и американскими хищниками. Так, в 1836 году русское патрульное судно вынуждено было открыть огонь, чтобы заставить американский корабль «Лорнет» удалиться из территориальных вод.

Агрессивная активность США в западной части Северной Америки стала особенно возрастать после того, как в 30-х годах XIX века американцы отторгли от Мексики обширнейшую территорию Техаса. Именно тогда всюду заговорили, что США в ближайшем будущем попытаются завладеть Калифорнией. В этих условиях Российско-Американская компания оказалась вынужденной в 1841 году продать свою калифорнийскую колонию. — форт Росс. Сделано это было вовремя: в 1846 году в Калифорнию вторглись американцы. В том же 1846 году США и Англия поделили между собой по 49-й параллели обширнейший Орегон. Так в 1846—1848 годах США на западном берегу Северной Америки завладели территорией, которая по своим размерам была больше любого государства Западной Европы! Но эти аннексии только разожгли аппетиты экспансионистов. Уже в 1846 году видный американский политический деятель Вильям Сьюард открыто заявил: «Нашему населению предназначено катить свои не допускающие противо-

Виско в Фридрих Крейсиг 2-й Сем. 1821
14 28. 28.
Российско-Американ.
Капитану
Главное Правление Канцелярия Капитану Приамурс.
Там же 31. дн
1822 года
№ 486.
Капитану и Капитану.
Отсутствующим Сиди-
чиным Мамонтоу.
Мамонтоу Ивану
Мурзавесу.

Фотокопия письма главному правителю Российско-Американской компании М. И. Муравьеву.

В 1848 году недалеко от бывшего форта Росс было открыто бога-

тейшее месторождение золота. Началась знаменитая калифорнийская «золотая лихорадка». В Калифорнию в надежде на быстрое обогащение устремились сотни тысяч американских переселенцев. В США громко заговорили о «необходимости» дальнейшего расширения зоны действия американцев в Тихом океане. Видный коммерсант Аарон Пальмер (кстати сказать, читавший сочинения Г. И. Шелихова) даже подал президенту США Джеймсу Полку подробнейшую записку, в которой ратовал за скорейшее проникновение американцев в русские тихоокеанские владения. Именно тогда в России впервые возник вопрос: в состоянии ли правительство оказать сопротивление иностранцам, которые уже начали зариться на Русскую Америку?

В середине XIX века соотношение сил в Тихом океане быстро и явно изменялось в пользу капиталистических стран. Тихоокеанские земли, захваченные американцами, стремительно заселялись, тогда как в Русской Америке наступил период застоя. Бесспорно, основным виновником этого застоя был социальный строй России той эпохи — феодализм с его крепостничеством и недальновидной политикой царского правительства, искусственно тормозившего заселение тихоокеанских окраин России. На Аляске и прилегающих к ней островам положение осложнялось еще и господством монопольной Российско-Американской компании, пайщиками которой состояли многие члены императорской семьи. Ее земли никак не могли привлекать предприимчивых поселенцев, вовсе не желавших отправляться за тридевять земель, чтобы затем оказаться в положении бесправных «рабочих людей». Темпы заселения Русской Америки были чрезвычайно медленными.

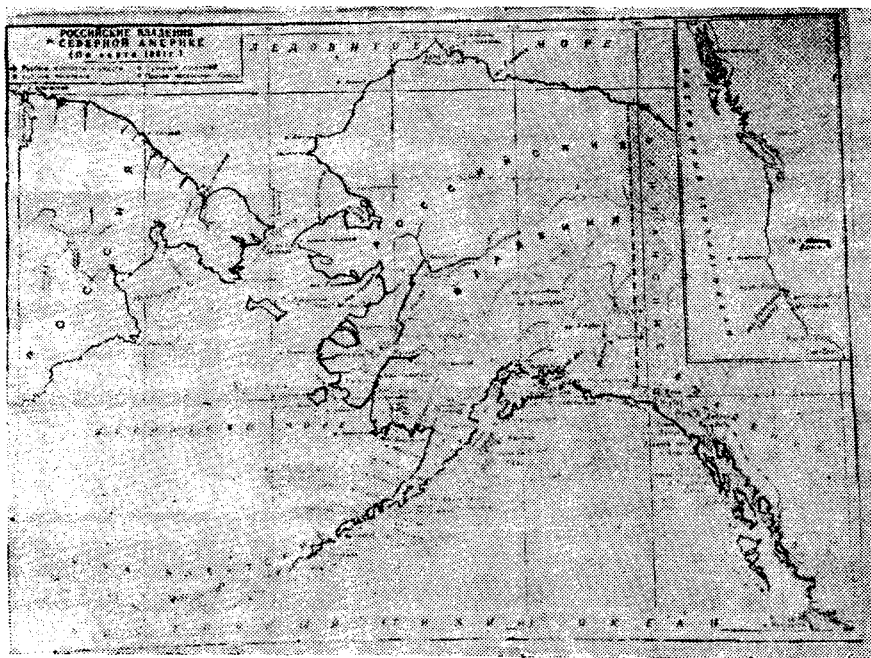
К середине XIX века положение на Аляске еще более ухудшилось из-за истощения ее промысловых богатств. Сказалось многолетнее хищничество — особенно иностранцев. К тому же в хозяйственные дела компании в те годы стало чаще вмешиваться правительство. Дело дошло до того, что управителями компании назначались чиновники, плохо понимавшие ее собственные нужды. Так Российско-Американская компания, созданная по идее Г. И. Шелихова, стала постепенно превращаться в полупаразитарную организацию. Конечно, в этом процессе не было ничего удивительного. Как известно, классики марксизма-ленинизма неоднократно отмечали, что монополиям свойственна тенденция к загниванию. Если в момент возникновения такая монопольная организация может стать сильным орудием для достижения той или иной цели, то потом она же начинает тормозить развитие производительных сил. В создавшихся условиях многое на Аляске стало приходить в упадок.

И именно тогда, в 1849 году, в России раздался первый голос в пользу продажи Аляски. Этот голос исходил от генерал-губернатора

Восточной Сибири Н. Н. Муравьева (будущего графа Муравьева-Амурского). Он рассуждал так: если Русская Америка со временем все равно окажется в руках США или Англии, то зачем тратить большие деньги на укрепление ее обороны? Лучше «добровольно» уступить Аляску Соединенным Штатам, а все освободившиеся средства использовать для укрепления границ южной части Дальнего Востока. Особенно настойчиво развивал он свою мысль в записке, представленной Николаю I в марте 1853 года, когда возникла угроза начала войны с Англией (будущей Крымской войны). Муравьев писал: «...теперь с изобретением и развитием железных дорог более еще, чем прежде, должно убедиться в мысли, что Северо-Американские Штаты неминуемо распространятся по всей Северной Америке, и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется уступить североамериканцам владения наши». Муравьев считал, что России политически невыгодно ждать того момента, когда Аляска будет насильственно отторгнута Соединенными Штатами. Уступив же заблаговременно Аляску американцам, Россия, наивно полагал Муравьев, сможет... сблизиться с США и тем самым укрепить безопасность русских дальневосточных владений. В 1853 году мысль о передаче Аляски была еще не приемлемой для правительства. «Там, где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен», — таков был принцип Николая I.

В конце 1853 года, когда англо-русские отношения стали обостряться, возникли опасения, что англичане в случае войны с Россией совершат нападение на Аляску. Желая предупредить их вторжение в Русскую Америку, агент Российско-Американской компании Костромитинов (он же русский вице-консул в Калифорнии) решил еще до начала войны заключить с возникшей в 1853 году в Сан-Франциско Американо-Русской компанией фиктивный договор о «передаче» ей Аляски. Он надеялся, что после опубликования этого договора англичане из опасения обострить отношения с США не посмеют напасть на русские владения в Америке. Действительно, когда первые сведения об этих переговорах проникли в печать, англичане, которые были убеждены, что они легко смогут захватить Аляску, поспешили объявить владения Российско-Американской компании «нейтральными» на весь период Крымской войны. Великобритания пошла на это явно из страха, что Россия продаст Аляску Соединенным Штатам и тогда американцы начнут ратовать за захват английского Орегона, а затем и всей Канады.

После этого английского решения переговоры о фиктивной продаже были прекращены. Но некоторых калифорнийских политиков уже трудно было успокоить. Явно по желанию определенных кругов калифорнийской буржуазии, сенатор Вильям Гвин с 1854 года заговорил о желательности настоящей покупки Аляски. По его настоянию госу-

Карта российских владений в Северной Америке (по карте 1861 г.)

дарственный секретарь США Вильям Мерси обратился к русскому посланнику в США Эдуарду Стекло с запросом: не продаст ли Россия Аляску Соединённым Штатам? Стекло ответил: «Мы никогда такого намерения не имели». И он же резко осудил Костромитина за начало переговоров о фиктивной продаже. Стекло считал, что для России весьма опасно привлекать внимание американцев к Аляске. Он писал: «Они — опасные соседи, и мы должны избегать давать им малейшее средство для осуществления захвата».

Но в США продолжалась агитация за «поглощение всего континента» во имя осуществления на практике «доктрины Монро» и доктрины «Очевидной Судьбы». Конечно, никаких реальных возможностей для осуществления таких планов у США тогда не было. Но эти воинственные высказывания некоторых американских политиков вызвали тревогу в сановном Петербурге. Так, в 1857 году генерал-адмирал русского флота великий князь Константин Николаевич счел нужным напомнить лицейскому другу А. С. Пушкина — министру ино-

странных дел А. М. Горчакову о растущей угрозе вторжения американцев на Аляску. Американцы, писал он, «встретятся там с нами, и не подлежит сомнению, что овладеют нашими колониями даже без больших усилий, а мы никогда не будем в состоянии возвратить их». И он предлагал: «разрешить дружелюбно и с выгодой для нас вопрос, который в противном случае разрешится против нас, и притом завоеванием» (Окунь, 1939, стр. 228).

Горчаков ответил Константину Николаевичу, что в этом важном вопросе не следует проявлять поспешности.

В конце 1857 года в Россию стали поступать тревожные сообщения о намерении мормонов (американской секты многоженцев) переселиться из района Соленого озера на Аляску. Президент США Бьюкенен откровенно признался Стекло, что он был бы весьма доволен, если бы мормоны выселились в русские владения. На полях депеши Стекла, в которой повествовалось об этой беседе с Бьюкененом, Александр II надписал: «Это подтверждает идею урегулирования теперь же вопроса о наших американских владениях» (Окунь, 1939, стр. 230). Царь готов был пожертвовать Аляской, лишь бы не допустить обострения отношений между Россией и Соединенными Штатами.

А. М. Горчаков по-прежнему считал, что открытие переговоров об Аляске следует оттянуть, а начав, вести их медленно, так как пока они будут длиться, дружественное отношение США к России будет обеспечено, но когда Аляска окажется в руках американцев, отношение США к России может измениться.

Между тем в США продолжались отдельные выступления американских экспансионистов, мечтавших о захвате русской Аляски. Так, в сентябре 1860 года сенатор Вильям Сьюард, выступая в городе Сент-Пол (штат Миннесота), заявил: «Я могу, стоя здесь, всматриваться в даль Северо-Запада и видеть русского, который деловито трудится там над созданием морских гаваней и городов и укреплений как форпостов империи Санкт-Петербурга, и я говорю:

— Идите туда, стройте ваши форпосты в арктическом океане — они все равно станут форпостами моей собственной страны...»

Конечно, подобные заявления не могли не тревожить русских дипломатов. Но в 1861 году в США началась гражданская война, и в России наступило некоторое успокоение. Было очевидно, что пока в США будет продолжаться война, американцы не смогут осуществить какие-либо новые территориальные захваты. Кое-кто в России надеялся на перемены в США, которые позволят России удержать Аляску в своих руках и в будущем. Однако после окончания гражданской войны в США создалась обстановка, еще более усилившая тревогу русских дипломатов. США вышли из войны более сильным государством, чем были прежде. Они стали единым целым и обладали армией и флотом,

которые во много раз превосходили вооруженные силы США 50-х годов XIX века. Опять головы некоторых американских экспансионистов закружились. Тон американских газет в этот период стал снова воинственным. Так, в одном из номеров «Philadelphia North American Gazette» за 1867 год откровенно заявлялось: «Было время, когда мы сомневались относительно разумности быстрой экспансии, но события рассеяли наши сомнения и убедили нас в том, что республика лучше всего процветает благодаря постоянной агрессивной политике» (!). И далее газета с еще большим цинизмом добавляла: «Наша цель — не иметь соседей вообще». Призыв «освободиться от соседей на Американском континенте» проходил красной нитью через все выступления поборников «доктрины Монро» и доктрины «Очевидной Судьбы».

И вот тогда-то некоторые царские сановники решили, что если США после разгрома рабовладельцев-мятежников стали единым и более сильным государством, то теперь уж они поведут на Тихом океане еще более агрессивную политику. Многим такая «перспектива» казалась неизбежной, поскольку тогда во главе государственного департамента, т. е. иностранной политики США, стоял один из главных поборников захвата Аляски — Вильям Сьюард. Вот почему правительство Александра II в самом начале 1867 года и приняло решение продать Аляску со всеми прилегающими к ней островами.

Сам договор о продаже Аляски был подписан государственным секретарем Сьюардом и русским дипломатом Эдуардом Стеклем с поразительной быстротой. Вот что об этом рассказывал один из очевидцев:

«Была пятница, вечер 29 марта 1867 года. Сьюард играл в гостиной в вист со своими домашними, когда доложили о приходе русского посланника барона Стекля.

— Мистер Сьюард, — сказал он, — я получил каблогранму от своего правительства: император дал согласие на продажу территорий. Завтра, если будет угодно, я прибуду в департамент, и мы приступим к составлению договора.

Сьюард, удовлетворенно улыбаясь, отставил карточный стол со словами:

— Зачем же ждать до завтра, мистер Стекль? Составим договор сегодня ночью.

— Но ваш департамент закрыт. Нет ваших клерков, и мои секретари разошлись по домам.

— Пусть это вас не тревожит, — ответил Сьюард. — Если вы сможете собрать своих сотрудников к полуночи, вы найдете меня в моем кабинете в ожидании вас готовым к делам.

Спустя два часа яркий свет струился из всех окон здания, занятого государственным секретарем Сьюардом, и закипела работа... (см.: «Неделя», 1970, № 29, стр. 8).

30 марта 1867 года договор был подписан. Всего лишь за 7 миллионов 200 тысяч долларов продала царская Россия США всю обширнейшую Аляску со всеми прилегающими к ней островами — Кадьяком, Афогнаком, Ситхой, Баранова и т. д., со всей многоостровной Алеутской грядой, с богатейшими островами Прибылова и даже островом Св. Лаврентия у берегов Чукотки и, наконец, со всем недвижимым имуществом, находившимся на этих землях!

Конечно, эта покупка была исключительно выгодной для США. 10 мая 1867 года американский посланник в России К. Клей, узнав о покупке Аляски всего за 7200 тысяч долларов, писал государственному секретарю Вильяму Сьюарду: «Я поздравляю Вас с этим достижением, добавляющим к нашей стране столь обширную территорию, чьи порты, чьи рудники, чьи леса, чья пушнина, чьи рыбные уловы баснословной цены».

Естественно, все, кто знал историю Аляски, кто знал, как много сил затратили на освоение этих земель Г. И. Шелихов и русские люди, были возмущены решением царского правительства. Известный русский исследователь арктических районов Восточной Сибири Ф. П. Врангель, который в течение длительного времени сам был правителем Русской Америки, даже счел своим долгом направить правительству письмо, в котором гневно порицал продажу Аляски.

Особенно резко осуждало отчуждение Аляски от России население русских владений в Америке. Продолжатели дела Г. И. Шелихова — потомки славных русских мореходцев, положивших немало труда для того, чтобы первыми из европейцев освоить часть земель северо-западного побережья Северной Америки, крайне болезненно отнеслись к передаче Аляски в руки США. Как отмечал корреспондент американской газеты «Альта Калифорния», для русских, живших на Аляске, «что-то досадное и унижительное было в самом акте сдачи земли», бывшей «родиною для более деятельных и сведущих из них». По этой причине подавляющее большинство жителей Ситхи отказалось явиться на церемонию поднятия американского флага. Американский корреспондент слышал, как один из жителей Аляски говорил: «Я не могу присутствовать при смерти страны». Другой русский с горечью заметил: «Много слез будет пролито сегодня в Ситхе». Когда капитан Пешуров, как отмечал калифорнийский корреспондент, со «слезами на глазах» отдал приказание спустить русский флаг, на флагштоке неожиданно спутались веревки. Все усилия спустить флаг с помощью веревок не удались: флаг продолжал развеваться. Пешурову пришлось приказать одному из матросов залезть на мачту и ножом срезать

флаг... На суеверных жителей Аляски этот инцидент с русским флагом, который «не пожелал быть спущенным», произвел большое впечатление.

В первые годы правления американцев все русские селения в Америке стали приходить в упадок. Столица Русской Америки — Ново-Архангельск (Ситха), как отмечал в 1886 году американский историк Губерт Бэнкрафт, «постепенно разрушалась, и вскоре остались только воспоминания о ее прежнем виде. В 1875 году ее население уменьшилось наполовину... Ее порт обычно пустовал. Прибытие или отход почтового парохода были единственными событиями, которые пробуждали от летаргии население некогда цветущего Ново-Архангельска». Знаменитые русские школы на Аляске закрывались одна за другой...

Особенно ухудшилось положение алеутов. Американский исследователь Т. Бенк II (1960, стр. 154—155) писал, что в последующие десятилетия после продажи Аляски алеутам «пришлось стать невольными свидетелями возврата к хищничеству и эксплуатации. Если Россия настойчиво стремилась к охране пушного зверя, то Америка мало заботилась о своих новых владениях и сразу же передоверила их браконьерам и биржевым владельцам. Алеуты вновь оказались между молотом и наковальней, что угрожало самому их существованию.

Когда над котиками, поголовье которых было постепенно восстановлено русскими, снова нависла угроза истребления, наше правительство с опозданием ввело особые правила. И только тогда американцы обратили внимание на самих алеутов. На острова нагрянули администраторы и учителя. Но все они почти без исключения не понимали того, что в этой брэнной жизни алеутам больше всего необходима твердая вера и определенность. А из их жизни пытались вытравить остатки влияния русских. Им вменяли в обязанность изучать английский язык, глумились над их обычаями, старались перестроить весь экономический уклад жизни». Как это разительно отличалось от мудрых действий Г. И. Шелихова, описанных в его книге!

Несмотря на то что царская цензура всеми мерами старалась воспрепятствовать опубликованию в русской прессе статей, критикующих русско-американский договор 1867 года, в газете «Голос» появились отдельные заметки, из общего тона которых было ясно видно, что общественность страны безоговорочно осудила отчуждение Аляски от России. Позднее отечественные публицисты стали открыто критиковать продажу Аляски. Осуждали ее представители самых различных слоев общества. Она вызывала возмущение у большого знатока проблем Тихого океана М. И. Венюкова. Ее порицали такие даже монархически настроенные деятели русской культуры, какими были писатели Иван Аксаков и Всеволод Крестовский (автор «Петербургских трущоб»).

Правительство Александра II надеялось, продавая Аляску американцам, добиться укрепления дружбы с США. Но жизнь показала полную несостоятельность этих надежд. Продажа Аляски не улучшила отношений с США, а наоборот, их осложнила, вскружив головы некоторым американским аннексионистам. Кто-то из них решил, что, обретя на Аляске плацдарм, США будут вправе начать наступление и на Дальний Восток. Так, один из самых горячих поборников покупки Аляски — председатель комитета по иностранным делам палаты представителей Натаниель Бенкс в речи о внешней политике США, произнесенной им 30 июня 1868 года в конгрессе, откровенно заявил: «На Тихом океане развернутся гигантские битвы будущего... Алеутские острова будут мостом между Америкой и Азией, через который мы сможем распространить наши институты и законы на Восток, также как и на острова Тихого океана». При этом Бенкс хвастливо пророчествовал, что будто бы США, используя Аляску для наступления на Азию, навяжут «американскую судьбу шестистам миллионам душ». Любопытно отметить, что, выслушав это хвастливое заявление, конгрессмен от штата Пенсильвания Вильямс с иронией спросил: «Не рассчитывает ли он [Бенкс] на то, что эта территория явится просто передовым постом в том марше к мировому господству, которым мы теперь грозимся? Не предполагает ли он, что за новые 7 миллионов долларов золотом последует присоединение Камчатки, [русского дальневосточного] побережья, одной или двух провинций Китая, соглашение об [аннексии] Японии и вытеснение Великобритании из морей Индии?»

Вильямс был прав, когда высмеивал Бенкса за отсутствие чувства меры. Но было бы неправильным считать заявление Натаниеля Бенкса чистой риторикой. Сразу же после покупки Аляски некоторые американцы действительно заметно активизировали свои поиски на русском Дальнем Востоке. Именно с 1868 года американские браконьеры приступили к систематическому уничтожению котиков на Командорских островах. «С отчуждением наших североамериканских колоний, — с возмущением писал писатель-дальневосточник А. Максимов, — промысловые американские партии с Аляски беспрепятственно начали истреблять зверя, истреблять хищнически, подвергая таким образом островитян опасности лишиться в скором будущем почти единственного средства к существованию». В 1871 году Аляскинская коммерческая компания (она же — «Гутчинсон, Кооль и К^о») добилась от царского правительства передачи ей Командорских островов в аренду на 20 лет. Впоследствии котиковое хозяйство островов долгое время не могло оправиться от последствий двадцатилетнего хозяйничанья этой компании.

Особенно возросла активность американцев на Чукотке, где они смогли довольно быстро организовать незаконную скупку пушнины

и моржовой кости. Одновременно американские китобои нещадно били китов, лишая чукчей и эскимосов источников существования.

Таким образом, царское правительство само способствовало усилению происков американцев на русском Дальнем Востоке, особенно в его северных районах. И, естественно, все это никак не могло действовать на улучшение отношений между США и Россией. Вот почему М. И. Венюков, вспоминая о продаже Аляски, с горечью писал в 1888 году: «уступать... обширную страну ради одной «дружбы», ради ожидания в «будущем» политического союза — по меньшей мере наивно».

В 70-х и 80-х годах XIX века стал очевидным еще один просчет царской дипломатии. Придавая большое значение отдельным откровениям американских аннексионистов, питерские сановники явно переоценили опасность вторжения американцев на Аляску. Дело в том, что после окончания гражданской войны буржуазия США на четверть века (до начала эпохи империализма) основное свое внимание сосредоточила на освоении богатств внутренних западных земель США. Поэтому, если бы царское правительство не поспешило в 1867 году продать Аляску, то Россия и в последующие годы — по крайней мере до начала эпохи империализма — смогла бы сохранить ее в своих руках. Вот почему русская общественность и в конце XIX и в начале XX веков не мирилась с мыслью, что богатейшая Аляска, впервые открытая русскими мореплавателями и освоенная благодаря энергии Г. И. Шелихова и рядовых промышленников, продана... «дешевле, чем за чечевичную похлебку». Исследователь Чукотки Н. Ф. Калинин даже писал в 1912 году: «Продажа Аляски до сих пор лежит кровавой раной в сердце каждого, пожалуй, более болезненной, чем наши маньчжурские неудачи».

Естественно, совершенно иначе оценивалась покупка Аляски в американской литературе. С конца XIX века непрерывно стало возрастать число статей и книг, в которых воздавалась хвала «прозорливости Вильяма Сьюарда».

Действительно, приобретение Аляски оказалось для США чрезвычайно выгодным. Только одни китовые промыслы на островах Прибылова уже в конце XIX века с лихвой окупили все затраты на покупку Аляски. Большие прибыли тогда же принесли китобойные и рыбные промыслы в аляскинских водах. Так, историк китобойного промысла Э. Веберман (1914, стр. 183) отмечал: «Стоимость одного лишь китового уса, добытого за 23 года (1868—1890) с вод Аляски (16 500 000 руб.), с излишком покрыла всю сумму, затраченную американцами на приобретение этой богатой страны». Одной лососины в те годы было добыто на два миллиона долларов больше, чем было заплачено за Аляску. Еще больше прибылей получили американцы после

того, как в конце 90-х годов XIX века началась знаменитая аляскинская «золотая горячка», столь ярко описанная Джеком Лондоном. Один знаменитый Клондайк принес американским старателям свыше 10 миллионов долларов. А сколько было вывезено с Аляски леса, медной руды и различных полезных ископаемых!

Уже в наше время — с 1968 года — на Аляске вспыхнула «нефтяная горячка». Сперва она охватила крайний север, а затем распространилась на весь штат. Одним из первых районов интенсивной добычи нефти стал Кенайский полуостров, на котором еще с 1784 года не раз бывали люди Григория Шелихова. В сентябре 1969 года власти Аляски, продав нефтяным компаниям с аукциона во временное пользование шестую часть территории штата, выручили сумму почти в один миллиард долларов, т. е. в 130 раз больше той суммы, которую США заплатили царской России! Не удивительно, что теперь покупка Аляски считается в США одной из самых крупных побед американской дипломатии XIX века.

В 1967 году в США было весьма широко отмечено столетие этой сделки. Во многих городах штата Аляска (Фербенксе, Анкоридже и др.) были организованы особые выставки, а также появились новые статьи и книги по истории Аляски. Вслед за американским историком Губертом Бэнкрофтом (Bancroft, 1886, стр. 222) некоторые авторы справедливо называли Г. И. Шелихова «отцом и основателем русских колоний в Америке».

К сожалению, кое-кто в США пытался представить деятельность Г. И. Шелихова и его преемников в Северной Америке в явно превратном виде: они-де «угрожали интересам США». Эти авторы намеренно забывали, что в годы деятельности Г. И. Шелихова на всем громадном пространстве северо-западного побережья Северной Америки Соединенным Штатам не принадлежало еще ни пяди земли и что в дальнейшем не русские угрожали американским владениям, а, как раз наоборот, американские аннексионисты били в барабаны наглой и разнузданной пропаганды.

Но все объективные историки США относятся к деятельности Г. И. Шелихова с должным уважением. Весьма показательно, что его подробная биография была даже включена в известный американский двадцатитомный биографический словарь американской истории (см.: Rodionoff, 1939). Имя Г. И. Шелихова по-прежнему значится в трех местах на картах Аляски. Его именем названы пролив, отделяющий остров Кадьяк от полуострова Аляска, главная гавань и бухта на острове Крузова (вблизи Ситхи), а одно из крупнейших озер Аляски — озеро Илюмна часто дается с его вторым названием — «озеро Шелихова». Таким образом, и в США результаты деятельности Г. И. Шелихова получили достаточно широкое признание.

В XX веке в разных странах мира вышло множество книг и словарей, посвященных истории открытия Земли. В них также обычно вспоминается имя Г. И. Шелихова. Но, естественно, наиболее широким признанием Г. И. Шелихов пользуется в нашей стране. Его именем назван промышленный город под Иркутском, селение на одном из притоков Бирюсы, селение в низовьях Амура, река, бухта и село на острове Парамушир — острове, описание которого дано во второй части «Странствований» (см. стр. 63). Наконец, его имя носит огромный залив в северной части Охотского моря — залив, берег которого «Колумб русский» объехал, рискуя своей жизнью, зимой 1786 года.

В середине XVIII века великий сын русского народа Михаил Васильевич Ломоносов предсказал: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений Европейских в Азии и в Америке».

Первая часть этого прогноза блестяще сбылась на наших глазах. Ради осуществления второй части немало потрудился Григорий Иванович Шелихов. Главная его заслуга и состоит в том, что он в короткий срок смог относительно мирными средствами значительно расширить пределы русских владений в восточном направлении, первым основал постоянные русские поселения в Северной Америке и положил начало Русской Америке.

Именно на эту главную заслугу и обратил внимание популярный поэт конца XVIII века И. И. Дмитриев, написавший для памятника Г. И. Шелихова следующую знаменитую эпитафию:

Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелихов, без войск, без громоносных сил,
Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область ей и богу покорил.
Не забывай, потомок,
Что росс — твой предок был и на Востоке громок.

Шелихов и его сподвижники стали особенно «громкими на Востоке» своими географическими исследованиями. Там, в северо-восточном секторе Тихого океана, служащие компаний Шелихова открыли ряд новых островов, заливов и проливов. Тем самым они внесли немалый вклад в историю великих географических открытий.

Велика роль Шелихова и его помощников и в развитии производительных сил северо-западного побережья Северной Америки. На Аляске и в прилегающих к ней районах русские впервые завели земледелие, скотоводство, положили начало судостроению и начали поиски полезных ископаемых. Именно они первыми открыли там медную руду и другие полезные ископаемые.

Шелихов успешно содействовал распространению достижений русской культуры в бассейне Тихого океана.

Многие результаты деятельности Г. И. Шелихова не утратили своего значения и в наши дни. Все исследователи, и советские, и иностранные, единодушно признают, что для современных ученых — историков, этнографов и археологов — совершенно особое значение имеют его «Странствования». Именно в них приведены наиболее подробные данные о раннем образе жизни алеутов, эскимосов и индейцев северо-западного побережья Северной Америки. И многие ученые справедливо называют Г. И. Шелихова не только основателем Русской Америки, но и ее первым выдающимся исследователем.

«Странствования» Г. И. Шелихова воссоздали яркую историю плаваний дальневосточных мореходов. Именно поэтому его книга и была включена в «Дальневосточную историческую библиотеку». Но для дальневосточников книга Г. И. Шелихова особенно ценна тем, что в ней дано довольно интересное описание Курильских островов, составленное около 200 лет тому назад и как нельзя лучше подтверждающее приоритет русских не только в освоении северных Курильских островов, но и южных. Кстати сказать, именно Г. И. Шелихов и сыграл особо важную роль в организации русских плаваний на южные Курильские острова еще в конце XVIII века.

К сожалению, эти его дела еще не получили должного освещения в исторической научной литературе. Необходимо также оценить и вклад «Колумба русского» в развитие дальневосточного судостроения. Остались еще не изученными и многие вопросы дальневосточной социальной истории, связанные с именем Г. И. Шелихова (взаимоотношения в Охотске с работными людьми, купцами-пайщиками и т. д.). Разработка всех этих проблем позволит полнее представить значение деятельности Г. И. Шелихова для нашего Дальнего Востока. Но и без этих дополнительных изысканий можно уверенно сказать, что наиболее важной заслугой Г. И. Шелихова в истории дальневосточных окраин России была его неустанная борьба за укрепление их безопасности. Вот почему дальневосточники считают Г. И. Шелихова одним из самых выдающихся деятелей не только истории Русской Америки, но и русского Дальнего Востока конца XVIII века.

Б. П. Полевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

«ПУТЕШЕСТВИЕ Г. И. ШЕЛИХОВА ИЗ ОХОТСКА К АМЕРИКАНСКИМ БЕРЕГАМ»

¹ *Охотский порт* — главный русский порт на Тихом океане с середины XVII в. (с 1647 г.) до середины XIX в. История *порта* подробно изложена в статье А. Сгибнева «Охотский порт с 1649 г. по 1852 г.» («Морской сборник», 1869, вып. II) и книге А. И. Алексеева «Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота», (Хабаровск, 1958). Как недавно выяснилось, первые русские (20 человек из отряда И. Ю. Москвитина) смогли побывать на реке Охоте еще 4 октября 1639 г. (см.: Б. П. Полевой. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. «Распросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 года, — «Тр. Томского обл. краеведческого музея», т. VI, вып. 2, 1963, стр. 24). Самые же ранние сведения об Охоте были получены русскими от эвенков (ламутов) еще в 1638 г. на Алдане и Мае. Название «Охота» происходит от эвенского слова «Окат» (Большая река).

² Под «компанией» здесь подразумевается торгово-промысловая компания Г. И. Шелихова — И. Л. Голикова.

³ *Галиот* — старинное парусное судно водоизмещением 150—300 тонн. Тогда названия судов давались по именам святых. Например, *галиот*, постройка которого была закончена 3 февраля 1783 г., получил свое название «Св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы», поскольку 3 февраля считается днем этих святых.

⁴ В XVIII в. в России *Тихий океан* чаще всего называли *Восточным*.

⁵ Перед отплытием все три галиота Г. И. Шелихова стояли вблизи устья реки Урак, на расстоянии 20 морских миль от устья Охоты.

⁶ «Жена моя» — имеется в виду Наталия Алексеевна Шелихова, на которой Григорий Шелихов женился в 1775 г. В подлинном рапорте добавление: жена «со мною следовать и все терпеть трудности похотела, и двумя детьми» (РО, стр. 227).

⁷ «*Остров Берингов*» — главный остров Командорских островов, на котором 8 декабря 1741 г. скончался главный руководитель двух Камчатских экспедиций капитан-командор Витус Беринг.

⁸ «*Первый Курильский остров*» — *остров Шумшу*.

⁹ «*Штурм*» — шторм.

¹⁰ «*Сивучи*», «*сиучи*», или «*морские львы*» (*Eumetopias jubata*), — крупные млекопитающие из семейства ушастых тюленей (*Otariidae*). Самцы иногда достигают в длину 3,5 м и весят до тонны, самки — до 2,6 м и соответственно до 360 кг.

¹¹ «*Коты*», или *котики* (*Callorhinus ursinus* L.), — также принадлежат к семейству ушастых тюленей. Ценны своим мехом. В прошлом лежбища *котиков* имелись на некоторых Курильских и Алеутских островах. В настоящее время их лежбища остались лишь на Командорских островах, острове Тюленьем (в заливе Терпения у восточного Сахалина) и на островах Прибылова.

¹² *Нерпы* (*Phoca hispida krascheninnikovi*) — безухие тюлени.

¹³ *Урилы* — дальневосточные краснолицые бакланы. Название заимствовано рус-

скими от камчатских айнов (курилов). Птицы черного цвета, горло синее, по бокам головы красные пятна, почему они и называются краснолицыми. Обитают на скалах морских побережий. Известны *большие урилы* (*Phalacrocorax bicristatus*). Они же *Ph. urile*) и *малые урилы* (*Ph. pelagicus*).

¹⁴ *Ары* (*ару, кары, кайры*) — толстоклювые кайры (*Uria lomvia agria* (Pallas)). Птицы среднего размера из отряда чистиков (*Alces*). Голова и шея — синие, крылья и лапы — черные, низ — белый. Гнездятся на прибрежных скалах большими колониями. Название происходит от айнского «*аара*».

¹⁵ «*Кутагарное*», или «*кутат*», по определению одних — ительменское «*кутахчу*» (*Angelica ursina* Maxim.), других — так называемые «*кукушкины тамарки*» — котконья (*Trillium obovatum* Pursch или *Trillium kamtschaticum* Pallas). В пищу шли съедобные корни растения.

¹⁶ *Сарана*, или *царские кудри* — лилейное растение с черно-пурпурными цветами, распространенное по всем странам северной части Тихого океана (*Lilium martagon* L, или *L. flore atro-rubente*). В труде С. П. Крашенинникова о Камчатке (1949, стр. 228) подробно рассказывается, каким способом корни этого растения употреблялись в пищу у жителей Камчатки. Но *сарана* была известна русским еще задолго до их первого знакомства с ительменами.

¹⁷ Здесь Г. И. Шелихов успешно использовал метод борьбы с цингой, известный еще первым русским землепроходцам.

¹⁸ «*Склонение магнитной иглы к востоку один румб с четвертью*» (в подлиннике: « $1\frac{1}{4}$ »). Румб равен $11^{\circ}15'$. Следовательно, «румб с четвертью» — $14^{\circ}25'$.

¹⁹ Здесь исправлено. В книгах Г. И. Шелихова ошибочно стояло: «июля».

²⁰ *Уналяшка*, или *Уналяска*, — один из крупнейших островов Алеутского архипелага (группа Лисых островов). «Лисей грядой» русские мореходы называли восточные острова от острова Амукта до Аляски. Свое название они получили в конце 50-х гг. XVIII в., когда русские промысловики обнаружили здесь большое количество «красных лисич».

²¹ В подлиннике (РО, стр. 228) говорится не о письмах, а всего лишь об одном письме.

²² *Медный остров* — второй остров цепи Командорских островов. О происхождении названия этого острова см. стр. 74.

²³ В подлиннике вместо острова *Атхи* назван остров «*Аяту*» (РО, стр. 228). Если учесть, что русские первоначально островом Аях называли Адах (см.: Макарова, 1968, стр. 65), то может показаться, что в публикации была допущена неточность. Но никакой ошибки здесь нет: за *Атхой* правильно названы острова Амля, Сиугам (в подлиннике «Саугам», в котором нетрудно опознать современный остров Сеугам) и Амукта.

²⁴ *Андреянские острова* включают в себя цепь островов от Адаха до Амли. Они получили свое наименование по имени селенгинского купца *Андреяна Толстых*, который пробыл на этих островах три года (1761—1763 гг.) и позднее, в 1764 г., подал в Большеречную канцелярию на Камчатке их подробное описание. *А. Толстых* не был первооткрывателем этих островов. Впервые их издали видели — 25 сентября 1741 г. — участники плавания В. Беринга на пакетботе «Св. Петр» (Лебедев, 1951; Греков, 1960, стр. 120). Летом 1757 г. у *Андреянских островов* смог побывать мореход П. Башмаков на судне «Св. Иеремия» (см.: Андреев, 1961, стр. 295), а в 1760 г. там же плавал мореход Г. Пушкирев на судне «Св. Гавриил».

²⁵ «*Четыре Сопочных острова*» (по-алеутски *Унигун*) были открыты Степаном Готовым в 1764 г. Включали в себя первоначально пять островов: о. Танах Ангунак (в переводе с алеутского «Большая земля», теперь — о. Чугинадах), о. Кагамиляк (Кагамил), о. Уляган (теперь — о. Уляга), о. Чагуляк (теперь — о. Карлайл) и о. Кигалга (теперь — о. Герберт). Получили свое название по четырем вулканам — весьма высоким сопкам: двум на Чугинадахе (вулкан Кливленд, 1980 м и второй вулкан — 1171 м) и на островах Чагуляк (вулкан Карлайль, 1609 м) и Кигалга

(вулкан Герберт, 1291 м). Позднее И. Вениаминов (1840, ч. I, стр. 134) к этой группе островов отнес еще Юнаску, Чагулак и Амухту.

²⁶ *Наткинская бухта* — одна из восьми бухт Капитанского залива на острове Уналашка. Залив Капитанский получил свое название потому, что здесь в 1768—1769 гг. зимовал капитан М. Д. Левашов. Название «Капитанская гавань» в разные периоды имело различное значение (см. подробнее: Зубкова, 1948, стр. 127—128).

²⁷ Исправлено по подлиннику (РО, стр. 228) вместо имевшегося в книге «разфартовав».

²⁸ Г. И. Шелихов ошибочно относил *Командорские острова* к числу Алеутских островов. На самом деле на *Командорских островах* в XVIII в. никаких алеутов не было.

²⁹ *Остров Кытак* более известен под названием *остров Кадьяк*. В основе обоих названий лежит эскимосское слово «остров». На обложках книг, изданных В. Сопиковым (см.: «Список...», № 1 и фотокопию титульного листа — стр. 6), Г. И. Шелихов объявлен первооткрывателем этого острова. На самом деле остров был впервые открыт еще 26 июля 1741 г. Витусом Берингом и его спутниками во время обратного плавания их от берегов Северной Америки (см.: ЭБ, стр. 348). Летом 1763 г. на *остров Кадьяк* высаживался мореход Степан Гловот (судно «Св. Андреян и Наталия»). С тех пор на острове постоянно бывали русские зверопромышленники, о чем упоминает и сам Г. И. Шелихов (см. стр. 41—43).

³⁰ *Остров Унимак* является самым крупным островом Алеутского архипелага. Подробное описание этого острова дается в первой части известного сочинения И. Вениаминова «Записки об островах Уналашкинского отдела» (стр. 204—220). Там же на стр. 194—198 дано и краткое описание острова Акун из группы островов Крепнича.

³¹ *Коняги*, или *конягмитцы*, — эскимосы острова Кадьяк.

³² *Коняги* встретили враждебно Г. И. Шелихова и его спутников потому, что до этого некоторые русские зверопромышленники на Кадьяке прибегали к насилиям. Кроме того, *конягам* часто приходилось отражать набеги своих соседей — алеутов и эскимосов других племен.

³³ В книгах прежних изданий стояло «*тагагу*». Исправлено по подлиннику (см.: РО, стр. 230). *Таягангин* — самоназвание западных алеутов (см.: «Народы Америки». Под редакцией А. В. Ефимова и С. А. Токарева, М., 1959, стр. 134—135).

³⁴ В РО (стр. 230) эти названия даны в другой транскрипции: «от *Килуды*, *Угашина*, *Угатака*, *Чинигака*». Указанные пункты нанесены на карте острова Кытак, составленной штурманами Измайловым и Бочаровым в 1784 г. для Г. И. Шелихова (см.: Атлас, 1964, карта № 178).

³⁵ В подлиннике: « $2\frac{1}{2}$ фунтовых пушек».

³⁶ *Хаскак* — старейшина.

³⁷ *Аманат* — общесибирское слово, означающее «заложник».

³⁸ В прежних изданиях давалась ошибочная транскрипция: «*Игатацкая бухта*».

³⁹ Исправлено по подлиннику. В книгах вместо слова «*изгнание*» стояло «*познание*». В подлиннике вся фраза читалась иначе: «почитали они успех в изгнании всех посещающих промышленных или истребление таковых весьма незатруднительным».

⁴⁰ *Мыс Агаехталик* — мыс на южной оконечности острова Кадьяк. В подлинном отчете Г. И. Шелихова его название писалось по-разному: «*Агаехталицкий*», «*Агаехталиевский*», «*Агаехталицкий*» и др.

⁴¹ Здесь идет речь о географическом чертеже, оттиск которого был обнаружен после окончания Великой Отечественной войны в Темниковском краеведческом музее (см. вводную статью, стр. 24).

⁴² В прежних книгах Г. И. Шелихова стояло: «*150 человек*», в подлиннике — *130*. Последняя цифра является правильной, так как всего в плавании Г. И. Шелихова участвовало 192 человека, из них 62 оставались на судне «Св. Михаил».

⁴³ Видимо, здесь идет речь о судне «Св. Гавриил» морехода Г. Пушкарева или о судне «Св. Владимир» морехода Дм. Панкова.

⁴⁴ В 1776 г. к острову Кадьяк приставало судно «Св. Михаил» морехода Дмитрия Полутова. Судно принадлежало купцу Алексею Холодильову из Тотмы.

⁴⁵ В 1780 г. мореход Афанасий Очередин привел на Кадьяк судно «Св. Климент», принадлежавшее купцам Пановым.

⁴⁶ В 1783 г. мореход Потап Зайков приплыл в Чугацкий залив на судне «Александр Невский». Его сопровождали мореход Мухомлев на судне «Св. Михаил», принадлежавшем купцу А. Холодильову, и мореход Е. Деларов на судне «Св. Алексей» купцов Пановых.

⁴⁷ «Зандвич Саун» — пролив Сандвича. Назван Дж. Куком. Джон Монтегю Сандвич (1718—1792) возглавлял английское адмиралтейство в момент организации Третьей Тихоокеанской экспедиции Джеймса Кука. Именем Сандвича Кук также назвал Гавайские острова. Название «Сандвичевы острова» перестало широко употребляться в литературе лишь в первой половине XX в.

⁴⁸ Мыс и залив Чугацкие получили свое наименование по этнониму «чугачи» — так называлась группа эскимосов, весьма близкая к конягам острова Кадьяка.

⁴⁹ Кулибинский фонарь — изобретен в 1779 г. русским механиком И. П. Кулибиным (1735—1818). При слабом источнике света давал значительный пучок света благодаря использованию вогнутых зеркал.

⁵⁰ Шелихов здесь использовал «камчатский опыт». В середине XVIII в. церковь помогала властям Камчатки сломить сопротивление ительменов и способствовала быстрой русификации аборигенов.

⁵¹ Шелихов предполагал, что его отчет может быть представлен Екатерине II, а поэтому он в своем отчете намеренно много писал о своей преданности престолу.

⁵² Интереснейшее наставление Г. И. Шелихова К. А. Самойлову было опубликовано А. И. Андреевым в 1944 и 1948 гг. (см.: РО, стр. 185—199). См. о нем также наше «Послеловие» (стр. 114—116).

⁵³ Уже в конце XVIII в. Г. И. Шелихов был убежден, что русские торговцы смогли бы гораздо больше извлечь выгоды, если бы правительство отказалось в этих отдаленных районах от сбора ясака. Ратовал Шелихов за это и по политическим соображениям, опасаясь, что попытки сбора ясака восстаноят местное население против русских и этим воспользуются с выгодой для себя англичане, испанцы и другие соперники России.

⁵⁴ Расетный — один из участников плавания Г. И. Шелихова.

⁵⁵ Шумагинские острова получили свое наименование по имени матроса Никиты Шумагина, который был похоронен 31 августа 1741 г. на одном из этих островов при возвращении пакетбота «Св. Петр» В. Беринга от берегов Америки. Полагают, что Шумагин был похоронен на острове Нагай. Алеуты Шумагинские острова называли Кагигун, а самый крупный из них — островом Унга. Поэтому и Г. И. Шелихов называл все Шумагинские острова «Унгинскими».

⁵⁶ В книге было ошибочно напечатано «Ергатских». Исправлено по подлиннику (РО, стр. 238) на «Чугацких».

⁵⁷ Мыс и селение Карлук, или Карлут, расположены на берегу пролива Шелихова, который отделяет остров Кадьяк от полуострова Аляска.

⁵⁸ Исправлена опечатка. Вместо «Юкат Мака» дано по подлиннику «от Катмака», Катмак, или Катмат, — известный вулкан на Аляске. После гигантского извержения, происшедшего 5-го июня 1912 г., около этого вулкана возникла знаменитая «Долина десяти тысяч дымов».

⁵⁹ Камышатская губа — залив Кука.

⁶⁰ Остров Шуеа, или Шуяк, — расположен севернее острова Афогнака.

⁶¹ «Аманатный хаскаль» — надзиратель над аманатами (заложниками).

⁶² Исправлена опечатка. Вместо «Чинигатского селения» в книге ошибочно было дано: «Кинагатское».

⁶³ Так было положено начало будущей *Павловской гавани*.

⁶⁴ «*Катмацкое жило*» — селение у вулкана Катмак (см. выше).

⁶⁵ Грек *Евстрат Деларов* был опытейшим мореходом. В течение семи лет он водил судно «Св. Алексей», принадлежавшее купцам Пановым, и одним из первых смог побывать в Чугацком заливе. С его именем связано открытие острова Унга (Шумагинские острова). В 1786 г. он перешел на службу к Г. И. Шелихову, который его ценил весьма высоко.

⁶⁶ *Салинг* — поперечный брус, укрепленный в верхней части стеньги. *Стеньга* — рангоутное дерево, используемое для удлинения мачты. *Салинг* служит для отвода парусных снастей, раскрепляющих верх стеньги.

⁶⁷ *Мыс Св. Ильи* — юго-западная оконечность острова Каяк. Был открыт В. Берингом и его спутниками 20 июля 1741 г. Но во времена Г. И. Шелихова за мыс *Св. Ильи* ошибочно принималась сперва южная оконечность острова Сукля (Монтегю), а позже — материковый мыс напротив острова Каяк.

⁶⁸ «*Чинигацкое жило*» — селение Чинигац, ранее уже упоминавшееся (восточная часть Кадьяка).

⁶⁹ «*Тоён Шуеха*» — ранее упоминавшийся «*аманатный хаскак*» с острова Шуяк («Шуеха»). «*Тоен*» (правильнее *тойон*) — предводитель или старейшина рода.

⁷⁰ *Афагнак* (правильнее *Афогнак*) — крупный остров восточнее острова Кадьяк (Кытак).

⁷¹ *Полдень* — в данном случае юг.

⁷² Создание крепости и гавани было намечено с восточной стороны острова Афогнака.

⁷³ К сожалению, подробности этих интереснейших плаваний остались неизвестными.

⁷⁴ Под «*Камчатским мысом*» здесь подразумевается *мыс Лопатка*.

⁷⁵ «*Курильский пролив*» — Первый Курильский пролив между мысом Лопатка и островом Шумшу.

⁷⁶ *Остров Амухта* знаменит своим большим действующим одноименным вулканом (высота 1055 м).

⁷⁷ «*Второй Курильский пролив*» — пролив между островами Шумшу и Парамушир.

⁷⁸ До конца XVIII в. *Большерецкий острог* был главным административным центром Камчатки. Поэтому и Г. И. Шелихов счел нужным остановиться в устье *Большой реки*.

⁷⁹ Здесь имеется в виду знаменитая английская Ост-Индская компания.

⁸⁰ *Бингал* — *Бенгал*. Здесь имеется в виду *Калькутта*.

⁸¹ «*Арапы*» — негры.

⁸² «*Бархеут*» (в подлиннике: «*бархаут*»), *баргоут*, *бархот* — наиболее толстый пояс наружной обшивки судна.

⁸³ *Дек* — палуба парусного судна.

⁸⁴ «*Барон Штейнгель*» — имеется в виду камчатский исправник *Иван Штейнгель*, проживавший в Нижне-Колымске. *И. Штейнгель* — отец декабриста В. И. Штейнгеля, детство которого прошло на Камчатке (см.: В. И. Штейнгель. Воспоминания, — «Исторический вестник», 1900, № 4).

⁸⁵ Договор Г. И. Шелихова, заключенный с Вильямом Питерсом, был опубликован А. И. Андреевым в 1948 г. (РО, стр. 199—200).

⁸⁶ *Купцы Петр и Григорий Пановы* из Тотмы были одними из самых деятельных купцов-промышленников, действовавших на Тихом океане. Они были организаторами печальной памяти морского плавания морехода Ивана Соловьева на судне «Св. Петр и Павел» в 1764—1766 гг. на Умнак и Уналашку, а в 1767—1770 и 1772—1776 гг. — морехода Ивана Коровина на Андреяновские острова. Они же были инициаторами плаваний мореходов Афанасия Соснина на судне «Александр Невский» на Командорские острова (1776—1777 гг.) и на остров Амчитка (1777—1781 гг.), Афа-

пасия Очередина на судне «Св. Климент» — на Лисьи острова и остров Кадьяк (1778—1785 гг.), Дмитрия Полугова на судне «Св. Николай» (1778—1785 гг.), Евстрата Деларова на судне «Св. Алексей» — на Уналашку, Шумагины острова и в Чугацкий залив (1781—1786 гг.), Степана Корелина на судне «Св. Варфоломей и Варнава» — на Лисьи острова (1782—1791 гг.) и Михаила Балакирева на судне «Св. Георгий» — на Командорские острова (1782—1791 гг.). *Купцы Пановы* и их приказчики всегда были в самых близких деловых отношениях с Г. И. Шелиховым.

⁸⁷ Впоследствии один из заливов северной части Охотского моря, который Г. И. Шелихову пришлось обходить в конце 1786 г., был назван *заливом Шелихова*.

⁸⁸ *Инде* — иногда, временами.

⁸⁹ Отсюда и до конца абзаца идет текст, отсутствующий в подлиннике. Это — более поздняя вставка.

⁹⁰ «*Инжига*» — *Гижига*.

⁹¹ *Юкола* — вяленая рыба.

⁹² О Тимофее и Василии Шмалевых см. книгу А. И. Алексеева «Братья Шмалевы» (Магадан, 1958), а также статью Р. В. Макаровой «Роль Тимофея Шмалева в изучении истории русских географических открытий в Тихом океане во второй половине XVIII века», — «Тр. Моск. гос. истор.-арх. института», кн. 6, М., 1954.

⁹³ Во второй половине XVIII в. чукчи нередко совершали нападения на коряков и иногда даже выходили к берегам северной части Охотского моря.

⁹⁴ *Толмач* — переводчик.

⁹⁵ *Макариша*, или *макаришино коренье*, известно на Камчатке под ительменскими названиями «*инкум*» или «*сикуй*». Подробно описано во «Флоре СССР» (т. 5, стр. 674 — *Polygonum viviparum* L.) и в книге В. Л. Комарова «Флора полуострова Камчатки» (т. II, Л., 1929, стр. 64). Способы употребления *макариши* в пищу были впервые описаны С. П. Крашенинниковым (1949, стр. 235).

⁹⁶ Съедобный корень «*папоротное желтое*» определить пока не удалось. Корни папоротника не являются съедобными. Видимо, здесь идет речь о каком-то желтом растении, похожем на папоротник. «*Кутагарное*» — кутагарник. О нем см, *прим. 15*.

⁹⁷ Здесь исправлено по подлиннику: вместо слова «яблоков» дается «лесов».

⁹⁸ «*Напойка*» получила свое название от русских за свое умение подражать пению разных птиц. Таким свойством обладает в этом районе пестро окрашенная хохлатая сойка (*Cyanocitta stelleri*). Как указывал Л. С. Берг (1946, стр. 218), «у нее большой гребень, грязно-черная голова и спина, крылья и хвост с полосами густо-синего цвета, грудь тоже голубая, но светлее». Сравнение этой птицы с канарейкой неудачно.

⁹⁹ *Глуышии* (*Fulmarus glacialis rodgersi*) — птицы, похожие на чайку. «Окраска либо однотонно буровато-серая, либо белая с серыми крыльями и хвостом. Лапы от желтоватого цвета до оливкового, клюв желтый» (Флинт и др., 1968, стр. 32). Живут на прибрежных скалах, отличаются большой доверчивостью, почему и названы *глуышиами*.

¹⁰⁰ *Топорки* (*Lunda cirrhata*) — крупные птицы с массивным красным клювом, внешне напоминающим топорик (отсюда название). Верх тела черный, низ — чернобурый, щеки белые, позади пучки длинных желтых перьев. Шкуры этих птиц используются для изготовления парок. «Алеуты вымачивают шкурки в моче животных до полного растворения жира, а затем скоблят, пока они не становятся мягкими, и аккуратно сшивают перьями внутрь. В результате получается парка — водонепроницаемая и в то же время очень удобная» (Бенк, 1960, стр. 118). Айнские названия птиц — «*этупирка*».

¹⁰¹ *Тарбаганы* (*Marmotta vulgaris*) — черношапочные сурки.

¹⁰² *Евражки*, или *пищухи* (*Marmotta minor*), — суслики.

¹⁰³ «*Ежи отменного рода*» — возможно, здесь идет речь о дикобразе, называвшемся «*нюнка*».

¹⁰⁴ *Чавыча* (*Oncorhynchus tshawytscha* (Walbaum)) — род восточного лосося. Бы-
вает длиною до метра и весом до 40 кг. Название возникло от ительменского слова
«*човуича*».

¹⁰⁵ *Кета* (*Oncorhynchus keta* (Walbaum)) — принадлежит к лососевым. В переводе
с эвенского означает «*горбатая*». На Камчатке и Алеутах была также известна под
ительменским названием «*кайко*», или «*хайко*».

¹⁰⁶ *Нярка*, или красная рыба (на Охотском море известна также под эвенским
названием «*ложки*»), — *Oncorhynchus nerka* (Walbaum). *Нярка* подробно описана
С. П. Крашенинниковым (1949, стр. 303—304).

¹⁰⁷ *Гольцы*, или *мальма* (*Salvelinus alpinus malma*), — также относятся к ло-
сосевым.

¹⁰⁸ «*Хайко*» — см. прим. 105.

¹⁰⁹ «*Странного рода раки*» — видимо, крабы.

¹¹⁰ «*Шитые*», т. е. татуированные.

¹¹¹ *Корольки* — крупные стеклянные бусы.

¹¹² *Парка* — длинная рубашка со стоячим воротником. Делалась из шкур зверей и
птиц, главным образом топорков и ипатов, реже — кайр. Использовалась и как одеж-
да и как постель.

¹¹³ *Камлейка* — длинная рубашка с капюшоном. На рукавах и капюшоне употреб-
лялась шнуровка, позволявшая их затягивать. Делалась из кишок сивучей, иногда —
медведей, моржей и китов. Предназначалась для защиты от дождя и сырости.

¹¹⁴ Устройство алеутских байдар более подробно описано И. Вениаминовым
(1840, ч. 2, стр. 219—228) и Р. Г. Ляпуновой (1964).

¹¹⁵ Аналогичное использование многометровых стеблей засушенной морской ка-
пусты наблюдали русские землепроходцы у ительменов восточного побережья Кам-
чатки еще в начале XVIII в.

¹¹⁶ «*Носки*» — наконечники гарпунов, стрел и копий.

¹¹⁷ Аналогичный обычай распространен и у некоторых народов Дальнего Вос-
тока, например, у нивхов.

¹¹⁸ Такого рода захоронения до сих пор обнаруживают на различных Алеутских
островах.

¹¹⁹ Алеуты называли таких полоненников «*калгами*».

¹²⁰ *Казима*, или *кажима*, — общее помещение, в котором собирались мужчины
для работы, игр и обсуждения своих дел.

¹²¹ Правильность всех этих этнографических наблюдений Г. И. Шелихова была
подтверждена многими этнографами XIX—XX вв.

¹²² Такие бани сохранились в этих местах вплоть до наших дней.

¹²³ Исправлено по подлиннику.

¹²⁴ К сожалению, документы, представленные Г. И. Шелиховым охотскому на-
чальнику Козлову-Угренину, разыскать не удалось. Вероятно, они погибли во время
иркутского пожара 1879 г. .

«ИСТОРИЧЕСКОЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КУРИЛЬСКИХ, АЛЕУТСКИХ, АНДРЕЯНОВСКИХ И ЛИСЬЕВСКИХ ОСТРОВОВ, ПРОСТИРАЮЩИХСЯ ОТ КАМЧАТКИ К АМЕРИКЕ НА ВОСТОЧНОМ ОКЕАНЕ»

¹²⁵ *Остров Шоумичу* — современное название Шумшу. Он же — Первый Куриль-
ский остров, *Симусю*, *Шимушу* и т. д.

¹²⁶ Еще голландский мореплаватель Г. де Фрис, поверивший в японскую легенду
о существовании на тевере Тихого океана «Серебряного острова», утверждал, что он

открыл серебро на одном из Курильских островов. На возможность находки серебра на Курилах указывал и Петр I при отправке на Камчатку в 1719 г. геодезистов Евреинова и Лужина. Все это способствовало распространению легенды о наличии на Курилах серебряной руды. Уже в середине XVIII в. камчатские ясачные сборщики стали утверждать, что они будто бы нашли серебро на *острове Шумшу*. От них эта версия попала и в последующие русские описания *острова Шумшу*.

¹²⁷ Аналогичную характеристику *острову Шумшу* дает и Г. В. Корсунская (1958, стр. 216—217): «Средняя часть острова, откуда стекают реки, представляет собой ровное пространство, испещренное массой больших озер и заболоченных участков. Большинство озер расположено близко друг к другу, образуя целые группы, соединенные между собой ручейками. Они дают начало рекам».

¹²⁸ «*Куриж*» — видимо, здесь опечатка, ибо в немецком переводе дается *кумжа*.

¹²⁹ «*Терпути*» — *терпуги*. В трудах С. П. Крашенинникова (1949, стр. 296) названа как *терпук*. Рыба из родов *Hexagrammus* и *Pleuragrammus* из семейства *Hexagrammidae*.

¹³⁰ «*Треона*» — видимо, опечатка, скорее всего — треска.

¹³¹ *Рямжа* (*рамжа*, по-эвенски «*лакчи*», «*лакиши*») — впервые подробно была описана С. П. Крашенинниковым (1949, стр. 297—298) в его сочинении «*Descriptio avium...*» (1738). Г. В. Стеллер эту рыбу назвал «*белым морским налимом*». Рыба отличается необыкновенной живучестью: на суше она иногда остается живой около двух суток. Научное название рыбы, по определению Л. С. Берга, — *Myoxocephalus jaok* C. V.

¹³² *Трава сладкая* (*Sphondylium foliolis pinnatifidis* Linn.; Cliff.) — зонтичное, борщевик *Heracleum dulce*—Fisch. Близок к североамериканскому *Heracleum lanatum* Michx. Иногда достигает высоты до двух метров. Используется для приготовления вина. Кроме того, на Камчатке, по сообщению С. П. Крашенинникова (1949, стр. 230), употребляется «не только в конфеты, прихлебки и в разные толкуши, но и во всех суеверных своих церемониях без ней обойтись не могут». Подробное описание *травы сладкой* дано С. П. Крашенинниковым (1949, стр. 230—232) и во «Флоре СССР» (т. 17, стр. 223).

¹³³ «*Купрень*» — видимо, *кипрей*. Способы его употребления в пищу описаны С. П. Крашенинниковым (1949, стр. 232).

¹³⁴ *Кутагарник* — см. прим. 15.

¹³⁵ *Морковник* (*Anthriscus silvestris* Hoffm) — зонтичное растение высотой в 1—2 м. В пищу употребляются сырые стебли. Имеют вкус моркови (отсюда и название растения). Подробное описание см.: «Флора СССР», т. 16, стр. 128.

¹³⁶ Мыши «*наушьчици*» (от ительменского названия «*наушчиць*»). Подробное описание такой мыши (*Microtus kamtschaticus* (Pallas) дано С. П. Крашенинниковым (1949, стр. 251): «шерсть красноват и имеет хвост весьма короткий, величину почти так, каковы большие европейские дворовые мыши; но писком совсем отменен: ибо оной больше на визг поросятчий походят, впрочем от наших хомяков почти не имеет разности».

¹³⁷ *Поромусир*, или *Поромушир*, — современное название — *Парамушир* (по-айнски «*Большой остров*»). Он же — *Второй Курильский остров*, *Парамусир*, *Парамусири*, *Парамушири*, *Парамусиру*, *Харамуси* и т. д. Крупнейший остров северных Курил. Его описание явно заимствовано из девятой главы «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (1949, стр. 166—167), в котором сказано: «Второй Курильский остров, называемый Поромусир... от первого отделяется только верст на две, где во время нужды можно отстоять одному судну, однако не безопасной, ибо дно в объявленном проливе состоит из каменных гор... Ежели по несчастию судно на якоре не удержится, то бывает подвержено крайней опасности, ибо берега там крутые и каменные, а по узости пролива отбежать от них нельзя. Пример несчастливой

приключения в том проливе учинился в 1741 году, когда погибло там вышеописанным образом морское судно...» И так до конца описания *острова Парамушир*. Только исправлено число ясачных.

¹³⁸ *Камфорное дерево* (*Cinamomum camphora*) — растет на южных Японских островах и в других странах южного Дальнего Востока. Содержит эфирное камфорное масло, используется для изготовления особо прочной мебели. Куски этого дерева действительно иногда оказывались в плавнике, выбрасываемом на Курильских островах.

¹³⁹ *Кислица* — *Oxalis acetosella* L.

¹⁴⁰ *Шаламайник*, или *шеломайник*, *шламада*, *лабазник* (*Filipendula kamtschatica* (Pall.) — используется как съедобное растение в сыром и вареном виде, а также как лечебное средство от цинги и от укуса зверей. Айнское название — «пукшаку».

¹⁴¹ *Чакича* (*Jacobaea cannabifolia*) — сложноцветковое растение *Senecio palmarum* Pall. Русское название — «баранник». По сведениям В. Л. Комарова («Флора полуострова Камчатки», т. 3, 1930, стр. 173), *чакича* употребляется в пищу в вареном виде, «заменяя до известной степени капустный лист». См. также: «Флора СССР», т. 26, стр. 747.

¹⁴² *Лютик* — аконит (*Aconitum Fischeri* Rehn), — использовался для приготовления отравленных стрел. С. П. Крашенинников (1949, стр. 211) отмечал: «Самые большие киты и сивучи, будучи легко поранены, не могут быть в море, но с ужасным ревом выбрасываются на берег и погибают бедственно».

¹⁴³ *Ширинки*, или *Сиринки*, — теперь этот остров называется *островом Анциферова* по фамилии камчатского казака *Даниила Анциферова*, возглавившего в 1711 г. восстание казаков на Камчатке и затем совершившего поход к первым Курильским островам.

¹⁴⁴ *Ары* — кайры. См. прим. 14.

¹⁴⁵ «*Круглая сопка*» — одиночный вулкан высотой 761 м. Г. В. Корсунская пишет (1958, стр. 197): «С юго-западной стороны он имеет вид усеченного конуса, а с востока похож на зубчатый край. На западной стороне вершины расположен широкий кратер, стены его частично разрушены».

¹⁴⁶ О саране см. прим. 16. «*Упяву*» (или «*упиву*»), как и «*усут*», пока определить не удалось. На эти названия во второй половине XVIII в. обращал внимание еще академик П. С. Паллас, однако и он не смог установить, о каких именно растениях здесь шла речь.

¹⁴⁷ *Шикша*, или *водяница* (*Empetrum montanum fructu nigro* — *E. nigrum* L.), — используется как лекарство против цинги и как краситель (вишневый цвет). Подробное описание см.: «Флора СССР», т. 14, стр. 511.

¹⁴⁸ *Макан Рур Асы* — современное название — *Маканруши*. Он же в прошлом назывался *Четвертым Курильским островом*, *Макан-Рурасы*, *Маканруси*, *Маканруидч*, *Маканру* и т. д.

¹⁴⁹ *Миту*, *митуй*, или *хохлатка* (*Corydalis ambigua* Cham. et Schlecht) — съедобное растение. С. П. Крашенинников (1949, стр. 235—236) писал: «Митуй корень, который родился на Первом Курильском острове и по-якутски зардана называется, топится у курил в рыбьем или тюленьем жиру и почитается за приятнейшую пищу». Его мясистые шаровидные мучнистые клубни иногда называют «диким картофелем». Подробное описание *миту* дано В. Л. Комаровым («Флора полуострова Камчатки», т. 2, 1929, стр. 166) и в «Флоре СССР» (т. 7, стр. 666).

¹⁵⁰ *Черемша* (*Allium victoriale* L.) — дикорастущий чеснок.

¹⁵¹ *Анакутан*, или *Анекотан*, — современное название — *Онекотан*. В прошлом назывался *Пятым Курильским островом*, *Онекотаном*, *Оне-Котаном*, *Анна-Кутаном* и т. д. Полагают, что это название по-айнски означает «*Старое поселение*».

¹⁵² *Сопка Асырминтар*. Подробное ее описание дал Г. С. Горшков в своей статье «Асырминтар — забытый вулкан Курильских островов», напечатанной в «Бюллетене

Вулканологической станции на Камчатке» (1953, № 19). Уточняя свое описание, Г. С. Горшков недавно (1967, стр. 83) писал: «Гора Асырминтар оказалась не современным действующим вулканом, как мы ранее считали, а древней эрозионной вершиной с моноклинальным залеганием лав». В книге Г. И. Шелихова, видимо, к району сопки Асырминтар относится и вулкан Немо.

¹⁵³ «Вторая сопка... посредине острова» — вулкан Шестакова.

¹⁵⁴ «Третья сопка близ лопатки к шестому острову...» — Тао-Русыр, точнее — ее центральная часть, находящаяся посреди озера, — пик Креницына (1327 м), один из самых красивых вулканов Курил. Как указывает Г. В. Корсунский (1958, стр. 200), издала пик Креницына «кажется небольшим, словно игрушечным, искусно раскрашенным в зеленые и бурые цвета конусом, поставленным на голубоватую поверхность плоского блюдца». 12—18 ноября 1952 г. здесь происходило сильное извержение. Отметим тут, что историк Курил А. С. Полонский относил в прошлом название гора Креницына к сопке Амкаусар (теперь — Шестакова), а современный пик Креницына называл только как Тао-Русыр, что по-айнски означает «Стоящая посреди озера».

¹⁵⁵ «Ар Амакутан, т. е. Саранной или Харамокатан», — современная транскрипция — Харимкотан. В прошлом он же назывался Шестым Курильским островом, Аромакутаном, Харумукотаном, Харамкотаном, Харамукотаном и т. д.

¹⁵⁶ Вулкан Харимкотан почти бездействовал с 1713 по 1846 г.

¹⁵⁷ В подлинном описании Черного сказано иначе: «два озера небольшие, что по-курильскому званью «тонтоуируй», что по переводу значит «небольшие озера» (см.: Полонский, 1871).

¹⁵⁸ «Сыаскутан, или Шиашикотан-остров», современное название — Шиашикотан. Он же — Седьмой Курильский остров, Сясукотан, Сясихотан, Сыаскутан, Шиакотан и т. д. Длина острова у Черного была определена в 80 верст (вместо 8). На самом деле остров имеет протяженность в 25 км.

¹⁵⁹ «Две каменные сопки» — первая из них и теперь называется Синаркой (ее высота 934 м), вторая известна как вулкан Кунтоминтар (828 м). Название Кунтоминтар уже было в подлинном сочинении И. Черного (см.: Полонский, 1871, стр. 427).

¹⁶⁰ «Икарма, или Егарма», — современное название острова — Экарма. В прошлом он назывался Восьмым Курильским островом, Екермой, Экарумой и т. д.

¹⁶¹ «Сопка, которая горит временно», — вулкан Экарма высотой в 1171 м.

¹⁶² «Чириккутан, или Чукуркотан», — современное название острова — Чириккотан. Он же — Девятый остров, Сириккотан, Цириккотан и т. д.

¹⁶³ «Курящаяся сопка» — вулкан Чириккотан. Г. В. Корсунская (1958, стр. 195) отмечала: «У основания стен кратера курятся многочисленные сольфатары».

¹⁶⁴ Курикуры — большие конюги (Aethia cristatella), турутуры — малые конюги (Aethia rugosa). Подробнее см.: В. Е. Флинт, Р. Л. Бёме, Ю. В. Костин, А. А. Кузнецов. Птицы СССР. Изд. «Мысль», М., 1968, стр. 324—325 и таблица 24.

¹⁶⁵ «Муссыр, или Егакто», — современное название — Скалы Ловушки. В прошлом эта группа называлась Мусиру, Мусир, Мушир, Мушар, Мусири и т. д. В переводе с айнского название Муссыр означает «Птичий». Вся эта группа также принималась за Десятый Курильский остров. В группу входят три острова-скалы: первые две — Долгий (28 м высотой) и соседний кекур (4 м высотой) в прошлом назывались Чуромыссыр (у Черного и Полонского — Чаро-Муссыр), на котором гнездились урилы и чайки. Третья невысокая скала — остров Котиковый. В прошлом айны называли его Сыаго, что означало «Сивучий».

¹⁶⁶ «Рахкоке, или Рахкоти», — современное название Райкоке. Состоит из одного вулкана с сильно усеченной вершиной.

¹⁶⁷ На карте Курильских островов Очередина и Антипина (Атлас, 1964, № 159) у этого острова значится надпись: «В 1778 году 11 остров горел... от сего погибла

байдара, на которой был для сбора ясаку казачий сотник Черных». Здесь идет речь о сотнике Черном, труд которого был положен в основу описания северных и средних Курильских островов, вошедшего в книгу Г. И. Шелихова.

¹⁶⁸ «Мутова, или Матоуса-остров» (современное название — Матуа), — в прошлом был известен как Двенадцатый Курильский остров, Мацува, Матуа, Матау и др.

¹⁶⁹ «...растет трава выше человека, дудка у нее толстая, наверху лист круглый и широкий наподобие шляпы, так что человека, в оной находящегося, никакой дождь промочить не может». Здесь идет речь о белокопытнике (*Petasites spurius* Rchb.). *Petasos* — широкополая шляпа от солнца.

¹⁷⁰ «Расагу, или Рашауа», — Тринадцатый остров. Современное название — Рашуа. В прошлом также назывался Расёва, Растуя, Рашау, Расагу, Раснова и т. д. Его общие очертания в описании определены неточно. Г. В. Корсунская (1958, стр. 188) пишет: «в плане он имеет овальную форму. Длинная ось северо-восточного простираения равна 15 км, короткая — 6 км. Главные его вершины: гора Гнилая (806 м), Развал (736 м), Пасмурная (509 м) и др.»

Справедливо замечание о наличии на этом острове березняка. Г. В. Корсунская (1958, стр. 189) отмечала: «На острове еще имеются рощицы низкорослой каменной березы в защищенных от ветра и тумана местах. Дальше к северу береза появляется только на Камчатке».

¹⁷¹ «Усасыр, или Ушишир-остров», — современное название — Ушишир. В прошлом именовался Четырнадцатым Курильским островом, а также Усисир, Усисиру, Ушишири, Ушисир, Усасыр и т. д.

¹⁷² «Состоит из двух небольших островков». Это — острова Рыпонкича и Янкича.

¹⁷³ «...величиною с козачку птичка с сероватыми на крыльях и на спине перьями, белым брюхом и кривым носом, называемая казарка», — вероятно, это серый сорокопут (*Lanius excubitor* L.) (см.: Флинт и др., 1968, стр. 419—420).

¹⁷⁴ Кетой — почти единственный остров Курил, который сохранил свое прежнее наименование, если не считать долго употреблявшегося параллельно названия Пятнадцатый Курильский остров. На острове имеются вулканы Кетой (1172 м) и Палласа (1002 м).

¹⁷⁵ «Толстый камышник» — курильский бамбук (*Sasa kurilensis* (Rupr.) Mac. et Shib).

¹⁷⁶ «...красные с косточками ягоды, подобные вересу: оно по-курильски называется райма». Ботаник И. А. Ильинская полагает, что здесь имеется в виду тис остроколючный (*Taxus cuspidata* S. et Z.).

¹⁷⁷ «Сиводушки», — лисицы рыжие («красные»), у которых горло («душка») темно-свое.

¹⁷⁸ «Семусыр, или Шимушир-остров», — современное название — Симушир. В прошлом также писали Симусиру, Синсиру, Симусир, Симусири, Симусыр, Шимишири и др. Чаще всего его называли Шестнадцатым островом.

¹⁷⁹ Сопка, которая «по-курильски», то есть по-айнски, называлась «То это-Ку-сыр», — вулкан Уратман.

¹⁸⁰ «Бухта» — бухта Броутона.

¹⁸¹ Вторая сопка, которая по-айнски называется «Итанкиой», — пик Прево.

¹⁸² Третья сопка Иканмикот сохранила свое наименование до наших дней.

¹⁸³ Четвертая сопка Анеуусы, на которой находили «камень, кои употребляются к стрелам вместо железцов» (видимо, обсидиан), — кальдера Заварицкого. Подробное описание этих вулканов дано в монографии Г. С. Горшкова (1967, стр. 113—126).

¹⁸⁴ «Чирпоой» — современное название острова — Черные братья. В прошлом назывался Семнадцатым островом, а также Чирпунки, Чиркои, Чирихои, Тирихои, Чирной, Чипунк и др.

¹⁸⁵ Первый остров Репунки Чирпой (ранее в книгах Г. И. Шелихова было ошибочно напечатано: «Чиркосы») — это собственно Чирпой. Второй остров — это Брат

Чирпов (или *Янти Чирпой*). На утесе мыса Тонукарасы в конце XVIII в. стоял крест, водруженный сотником Черным.

¹⁸⁶ Здесь идет речь о проливе *Уруп*.

¹⁸⁷ *Островок Сивучий* теперь называется *островом Броутона*, в честь английского мореплавателя, который видел этот островок в 1796 г., т. е. уже после выхода в свет книги Г. И. Шелихова, давшей его описание. Само же описание было сделано сотником Черным еще за 30 лет до появления в этих водах Вильяма Броутона.

В прошлом этот островок назывался также *Макантур*, или *Макан-Рур*. Порою на картах фамилия английского мореплавателя серьезно искажалась: Буротон, Бротон, Фуротон и т. д.

¹⁸⁸ *Уруп* — в переводе с айнского «лосось», ибо на плане действительно напоминает лосося. На нем много хребтов (Шокальского, Петра Шмидта, Кристофовича и др.) и гор (Десантная, Ирина, Кабан, Трехглавая, Каврайского, Ивао, Колокол, Антипина, Шебалина и др.).

¹⁸⁹ «...лес, подобный березнику: лист на нем такой же, а разнствует крепостию и цветом, подобным цвету черемухи». Ботаник И. А. Ильинская считает, что здесь говорится о черемухе Маака (*Padus Maackii* (Rupr.) Kom.).

¹⁹⁰ «На северной стороне посреди острова озеро...» — это озеро *Топо* (см. Полонский, 1871, стр. 436).

¹⁹¹ «...большие травы, высокие с толстою трубкою, сладкие, из коей сидят вино...» Вероятно, здесь идет речь опять о сладкой траве (см. прим. 132). У нее есть «толстая трубка», и ее сок действительно использовался аборигенами для приготовления вина.

¹⁹² *Чакича* — см. прим. 141.

¹⁹³ «...великое множество крыс...» Этим *Уруп* отличался и в 1946 г. См.: Ю. К. Ефремов. Курильское ожерелье. М., 1962, стр. 168—169.

¹⁹⁴ «*Дворянин Антипин*» — переводчик, участник плаваний на южные Курилы, организованных при участии Г. И. Шелихова во второй половине 70-х гг. XVIII в. *Антипин* существенно пополнил ранее сделанное сотником И. Черным описание острова *Урупа*.

¹⁹⁵ *Александр Матвеевич Карамышев* (1744—1791 гг.) был замечательным сибирским ученым. Знаток химии, горного дела и ботаники (в 1761 г. он учился у самого Линнея), А. М. Карамышев был основателем первого в Сибири музея естественной истории. Некоторое время возглавлял Нерчинские горные заводы. Подробную его биографию см.: «Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь», т. 4, М., 1952, стр. 72.

¹⁹⁶ «*Еторту-остров*» — остров *Итуруп*. В прошлом он назывался *Девятнадцатым Курильским островом*, а также *Эторофу*, *Эторпу*, *Итерук* и т. д.

¹⁹⁷ На острове множество хребтов (Богатырь, Дуговой, Иван Грозный, Камуй и др.) и гор. Одних вулканов Г. С. Горшков (1967, стр. 44) насчитал 47.

¹⁹⁸ Это озеро теперь называется *Славным*.

¹⁹⁹ «*Мохнатые курильцы*» — айны, которые отличались большой волосатостью, носили густые бороды и имели длинные густые волосы на голове.

²⁰⁰ «*Кунасыр*, или *Кунашир-остров*», — последнее название сохранилось до наших дней. В переводе с айнского означает «Черный остров», так как на нем преобладают темновойные леса. В прошлом назывался также *Двадцатым Курильским островом*.

²⁰¹ На острове имеется ряд крупных вулканов: *Тятя* (1882 м), *Руруй* (1486 м), *Менделеева*, *Смирнова*, *Головнина* и др.

²⁰² «...залив большой, подобный озеру...» — залив *Измены*, где в 1811 г. вероломно был захвачен в плен В. М. Головнин.

²⁰³ «*Лопатка*» — здесь полуостров *Веселовский*, получивший свое название по

южной оконечности острова — мысу Весло. Севернее «лопатки» расположено озеро Длинное. На острове имеется ряд лагунных озер (Долгое, Круглое, Валентины и др.).²⁰⁴ «Чикота, или Шигодан», — современное название острова — Шикотан. В переводе с айнского — «Лучшее место». Горы: Шикотан (413 м), Томари, Ноторо. Размер острова преувеличен. На самом деле он в длину менее 28 км, а средняя ширина его только 9 км. Очень показательно, что во всем описании Курильских островов в книге Г. И. Шелихова до сих пор не было упоминаний о японцах. Дело в том, что во времена плаваний Черного, Антипина, Шебалина и Очередина на всех собственно Курильских островах русские нигде не встречали японцев. Они их увидели только южнее собственно Курил.

²⁰⁵ «Матмай, или Аткис-остров», — современный остров Хоккайдо, в прошлом называвшийся японцами островом Иедзо, т. е. островом «диких» (айнов). Японцы начали осваивать южную оконечность острова лишь в XVI в. С 1603 г. его южной оконечностью завладели феодалы из дома Мацумае. Отсюда и возникло название *Мацмай*. На северо-восточном берегу острова в конце XVIII в. существовал японский порт Аткис. Антипин и Очередин приняли это название за название острова. Японцы, жившие в Иркутске, указали на эту ошибку. Поэтому в описании Курильских островов Татаринова эта ошибка была уже исправлена.

²⁰⁶ Действительно, в Японии долгое время достоверно не знали, является ли остров Иедзо (Хоккайдо) островом или полуостровом Азии. Дело в том, что на остров с Сахалина часто попадали вещи явно континентального происхождения и многим японцам казалось, что Иедзо соединен с материком. История путаницы в этом вопросе была подробно освещена американским историком Дж. Гаррисоном (см.: J. A. Harrison. Notes on the discovery of Jezo, — «Annals of Association of American geographers», vol. XL, № 3, sept. 1950).

²⁰⁷ «Город Матмай» — теперь Хаккодате.

²⁰⁸ Совершенно правильно было отмечено, что даже в середине XVIII в. основной частью Матмая (Хоккайдо) еще владели сами его аборигены — айны, которые тогда в своей основной массе продолжали пользоваться относительной независимостью. Китайцы же к острову Хоккайдо никакого отношения вообще не имели. Сведения Г. И. Шелихова об айно-японской торговле на Матмае вполне достоверны.

²⁰⁹ Важа — местное название «сорочинского пшена» (риса).

²¹⁰ «На известном нам берегу Матмая...» В публикации Татаринова (1785, 1790) эта фраза исправлена: «На Матмае, где были в байдарках Очередин и Антипин...» Эта деталь ясно еще раз показывает, что в книге Г. И. Шелихова описание южной группы Курильских островов было дано явно не по тексту, опубликованному Татариновым и Кличкой, а по недосмотру до нас подлиннику описания Очередина и Антипина, который был положен в основу и компиляции Татаринова.

²¹¹ Азямы — халаты, широко распространены в южных районах Дальнего Востока.

²¹² Действительно, язык южнокурильских айнов значительно отличался от языка их северокурильских сородичей.

²¹³ Остров Самия — крайний восточный остров в группе островов.

²¹⁴ Исправлено. Вместо «Анатту» дано «Агатту».

²¹⁵ Вместо неправильного Адриан или Адриановские острова всюду дано Андреян и Андреяновские острова.

²¹⁶ «Остров Аяга» — теперь Адах. Казаки М. Лазарев и П. Васютинский назвали этот остров «Аяхом», и нетрудно убедиться в том, что в основу приведенного в книге Г. И. Шелихова описания Андреяновских островов положено их сообщение 1764 г. В самом деле, именно они еще в 1764 г. утверждали, что остров «Аях» (Адах) «окружность имеет по примеру со 150 верст; на нем есть великие и высокие каменные хребты, отчасти есть и низменные места, тундры сухие и мокрые... Лесу по всему тому острову самородного нет. Трава растет такова ж, какова и на Камчатке в

приморье, есть ягоды: шикша и голубель, да и то очень мало...» (см.: РО, 1944, стр. 29 или журн. «Землеведение», 1924, вып. 1—2, стр. 123—124). Эти сопоставления можно было бы продолжить. Таким образом, в основу описания Андреяновских островов, включенного в книгу Г. И. Шелихова, положены значительно стилистически переработанные показания казаков М. Лазарева и П. Васютинского.

²¹⁷ Речь идет о вулкане Канага (1346 м), расположенном на севере одноименного острова.

²¹⁸ В тексте ошибка: остров «Четхин» (теперь — Большой Ситхин) лежит «в 40 верстах» не от Канаги, а от Адаха («Аягй»). Ошибка возникла при переписке показаний Лазарева и Васютинского.

²¹⁹ На Большом Ситхине действительно имеется белая заснеженная гора высотой в 1749 м.

²²⁰ «Тагалак» — теперь Тагалах.

²²¹ «Ахту» — это Атха. Видимо, здесь простая опечатка.

²²² «Амлаа» — это Амля. Видимо, и здесь опечатка, так как Лазарев и Васютинский остров называли правильно — «Амля».

²²³ Морские бобры (*Lutra marina* или *Enhydra lutris* (L.) — каланы.

²²⁴ Этнографические сведения об алеутах Андреяновских островов также заимствованы из показаний Лазарева и Васютинского, а также и Андреяна Толстых (см.: РО, 1944, стр. 32—37).

²²⁵ «Уналашка, или Агуналяска», — по данным И. Вениаминова (1840, ч. I, стр. 158), название острова возникло от алеутского «ауан алахсха» или «науан алахсха», т. е. «вот это алахсха» («алахсха» — материк).

²²⁶ «Кижич» [кижуч] (*Oncorhynchus kisutch* (Walbaum)) — рыба из лососевых. Она же — белая рыба.

²²⁷ Корень «желтый, подобный осолодке», — видимо, здесь имеется в виду корень макарши (*Polygonum viviparum* L.). Писатель и естествоиспытатель Адельберт Шамиссо, перечисляя травы, растущие на Уналашке, отметил и макаршу — «род солодкового корня» (Вениаминов, 1840, ч. I, стр. 58).

²²⁸ «На западном краю северного берега острова Умнак имеется бухта Никольская, где позднее возникло донные существующее поселение Никольское. Об островке Адугак (Адугах) И. Вениаминов (1840, ч. I, стр. 156—157) писал: «он низмен, холмист и не велик, на нем есть ключ пресной воды, вытекающий из одного холма». Аналогичное описание он дал (стр. 157—158) и острову «Шемилга» (Самалга).

²²⁹ «Кигалга» — остров Уналга.

²³⁰ Перечисленные далее острова в основном сохранили свои старые названия. Только Уватанок теперь называют Уватанак, Кигалку — Тигалда, Угамок — Угамак.

²³¹ Здесь идет речь о заливе, который стал позднее называться заливом Св. Павла, где вскоре и возникло главное русское поселение на Кадьяке — Павловская гавань.

²³² «Казенки» в алеутских юртах — отдельные помещения, используемые главным образом как спальное место.

²³³ Цырелка — травяная циновка.

²³⁴ Гокка — очевидно, дно байдарки («на гокке» — вероятно, искаженное «на каяке»).

²³⁵ Ситник (*Juncus effusus* L.) — болотное растение.

²³⁶ В русских документах второй половины XVIII в. узкий полуостров материка, расположенный к востоку от Уникама, часто называли «островом Аляксой».

²³⁷ Ратовище — древко дротика.

²³⁸ Образцы личин (масок), подкрашенных цветной землей, имеются в ленинградском Музее антропологии и этнографии АН СССР.

²³⁹ Куган (правильнее кугак) — по-алеутски «дьявол» (см.: И. Вениаминов, ч. II, стр. 86).

«ПРОДОЛЖЕНИЕ СТРАНСТВОВАНИЯ К АМЕРИКАНСКИМ БЕРЕГАМ В 1788 г.
ОТЯЖЕННОГО ГАЛИОТА, НАЗЫВАЕМОГО «ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ»,
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ДВУХ ШТУРМАНОВ,
ИЗМАЙЛОВА И БОЧАРОВА»

²⁴⁰ *И. В. Якоби* — генерал-губернатор иркутский и колыванский конца 80-х гг. XVIII в. Его именем до сих пор называется один из полуостровов северо-западного берега Северной Америки.

²⁴¹ *О Евстрате Деларове* см. прим. 65.

²⁴² *Измайлов Герасим Алексеевич* — известный русский мореход. Он был известен еще Джеймсу Куку, с которым встречался на Уналашке в 1778 г. В начале 70-х гг. он был взят в плен Морисом Беньовским, поднявшим мятеж в Большеречке. В 1955 г. в «Морских записках» (т. 13, № 4), изданных в США, была опубликована о нем подробная статья Е. Двойченко-Марковой, получившая положительную оценку в советской печати (Болховитинов, 1966).

²⁴³ *Бочаров Дмитрий Иванович* — опытный мореход, успешно служивший на Тихом океане. В 1774—1778 гг. он водил судно «Св. Прокопий», принадлежавшее устюжскому купцу Федору Шубину. Затем, когда это судно перешло к купцам Журавлеву и Криворотову, плавал на нем же к берегам Северной Америки. Шелихов высоко ценил способности *Бочарова* и потому пригласил его в 1783 г. вести судно «Св. Михаил». С тех пор *Бочаров* и оставался на службе у Григория Ивановича.

²⁴⁴ *Такелаж* — судовые снасти, вместе взятые.

²⁴⁵ Еще в середине 80-х гг. XVIII в. в Петербурге было принято решение об установлении во всех тихоокеанских землях, на которые могли претендовать иностранцы, металлических досок с надписью «Земля Российского владения». Одни из них должны были быть установлены открыто, другие — тайно. Доски были подготовлены для Тихоокеанской экспедиции Г. И. Муловского. Но экспедиция Муловского не состоялась, и доски были направлены в Сибирь в распоряжение иркутского генерал-губернатора И. В. Якоби, который часть из них отправил Г. И. Шелихову.

²⁴⁶ *О. Шелидак* — остров *Ситкалидак* (или *Сетхлидак*) вблизи острова Кадьяк.

²⁴⁷ *Остров Угак* — небольшой остров восточнее Кадьяка.

²⁴⁸ *Пеленг* — угол, данный в градусах направлением на север по меридиану и направлением на объект. Здесь отсчет дан от линии меридиана в двух направлениях: справа — на восток, слева — на запад.

²⁴⁹ *Остров Суклю*, или *Цукли*, — остров у входа в Чугацкую губу. Теперь называется *островом Монтегю*.

²⁵⁰ Утверждение, что *южный мыс острова Суклю (Цукли)* был будто бы назван Берингом *мысом Св. Ильи*, — неправильно. Позже Г. А. Сарычев (1952, стр. 163—164) установил, что на самом деле Беринг назвал *мысом Ильи южную оконечность острова Каяк*. Правильность этого определения подтвердила зарисовка мыса, сделанная в журнале С. Ф. Хитрово, участника экспедиции В. Беринга (Соколов, 1851).

²⁵¹ *Двоелюшная байдарка* — байдарка с двумя люками, т. е. на двух человек.

²⁵² На итоговой карте 1796 г. исследований, проведенных под руководством Г. И. Шелихова (см.: Атлас, 1964, № 184) дан дополнительный чертеж № 3 с названием «Чертеж гавани между острова Хликахлик и берегом находящейся». Основа этого чертежа была сделана во время стоянки галиота «Три святителя» Измайлова и Бочарова в начале мая 1788 г. На этом чертеже подробно показаны все действия русских моряков во время пребывания в этой гавани.

²⁵³ *Дрек* — переносный якорь для шлюпок.

²⁵⁴ *Перлинь* — надежный трос, употребляемый для швартовки, буксировки и при иных ответственных маневрах.

²⁵⁵ *Топсель* — косой треугольный парус, поднимающийся над нижними парусами (гротом и фоком).

²⁵⁶ Английский историк Вильям Кокс установил, что в мае 1788 г. в бухте Нучек (порт Эчес) стояло судно «Принц Вильям» капитана Мирса (см.: Сохе, 1803, стр. 308).

²⁵⁷ Это место показано на упомянутом дополнительном чертеже № 3.

²⁵⁸ Исправлено. Вероятно из-за опечатки во всех ранних изданиях книг Шелихова была дана «ширина 50°». На эту ошибку обратил внимание еще Вильям Кокс (Сохе, 1803, стр. 307).

²⁵⁹ *Остров Никахта Хлук* — остров в восточной части Чугацкого залива.

²⁶⁰ Подробное изображение *бухты Нучек* на острове Тхальхи (теперь — Хинчин-брук) дано на дополнительном чертеже № 4 («Чертеж гавани, на острове Тхальхе находящейся») итоговой карты 1796 г. (Атлас, 1964; № 184).

²⁶¹ Действительно «Принц Вильям» имел три мачты и покинул бухту Нучек в середине мая 1788 г.

²⁶² «*Жило*» — селение.

²⁶³ *Канифас* — род старинной плотной бумажной материи. Название происходит от голландского слова *kanefas, canvas* — канва.

²⁶⁴ См. дополнительный чертеж № 4.

²⁶⁵ *Шпигат* — сквозное отверстие в борту для стока воды. *Мамеранцы*, т. е. *мамринцы* — кожаное прикрытие шпигатов.

²⁶⁶ *Остров Тытым-Лак* — небольшой остров в Чугацком заливе.

²⁶⁷ Л. С. Берг (1946, стр. 216—217) справедливо указал, что Измайлов и Бочаров неправильно употребляли термин «*лиственничный лес*». На самом деле лиственницы там не было, а росла цуга с мягкой хвоей.

²⁶⁸ *Медведи «темно-желтые, называемые там нуни, с колючими, наподобие кости, щетинами и с когтями»* — это, несомненно, дикобраз (*Erethizon erixanthum tyors*). И. Вениаминов (1840, ч. 2, стр. 335—336) писал: «Нюняк или дикообраз, имеет на коже своей между шерстью и особенно на хвосте, маленькие щетинистые иглы, с едва приметными зазубринами на верхнем конце; иглы эти заключаются еще в трубочке такого же свойства как и перья у птицы. Иглы у нюняка суть то же, что стрелы у дикаря. При нападении на него неприятеля он защищается ими, одни ощетиня на спине, а другими кидая с хвоста. Иглы его весьма опасны и вредны. Лишь только игла коснется тела неприятеля, то уже не выйдет назад, держась в нем зазубринкою, и входит далее. Нюняк бежит весьма не быстро; но при такой по-видимому слабой защите, он не боится ни медведя, ни волка».

²⁶⁹ *Кенайцы* — индейцы района Кенайского полуострова и прилегающих к нему районов.

²⁷⁰ *Угалахмуты*, или *угалахмюты*, — южная группа эскимосов, утратившая под влиянием соседних индейцев (тлинкитов) основные черты эскимосской культуры.

²⁷¹ «*Скучев камень*» — видимо, опечатка. Следовало бы: «*Сивущий камень*».

²⁷² *Остров Ачак* — небольшой островок к югу от острова Тхалки. На итоговой карте 1796 г. (дополнительный чертеж № 5) он назван «*Очек*». В Атласе Тебенкова (карта VI) — «*Очек*». Теперь называется *Мидлтоном*.

²⁷³ *Остров Кояк* изображен на дополнительном чертеже № 5 в итоговой карте 1796 г. (Атлас, 1964, № 184). Знаменит тем, что еще 20 июля 1741 г. у его берегов побывал В. Беринг. Тогда *остров* был осмотрен Г. В. Стеллером (см.: Греков, 1960, стр. 112).

²⁷⁴ Несомненно, здесь описывается обычный смерч.

²⁷⁵ *Брамсельный ветер* — ветер, при котором судно может идти при поднятии одного лишь прямого паруса (брамсея).

²⁷⁶ «*Нутристая бухта*» — внутренняя бухта.

²⁷⁷ *Якорь плехт* — второй становой якорь (первый справа).

²⁷⁸ *Верп* — небольшой якорь, употребляемый главным образом при перемене места судна на рейде или при стягивании судна с мели.

²⁷⁹ С тех пор эта *река* носит наименование *Ледяной*.

- ²⁸⁰ *Колюжи* — тлинкиты, североамериканские индейцы.
- ²⁸¹ «*Бобровые медвежонки*» — молодые бобры.
- ²⁸² Гора Св. Ильи и прилегающие к нему хребты и горы.
- ²⁸³ «*Бейдовинт правым галсом*» — курс парусного судна, идущего под небольшим углом к встречному ветру. Указание, что судно шло «правым галсом», означает, что ветер на него дул с правой стороны.
- ²⁸⁴ «*Зеленый тонкий каразей и пестрая набойка*» — ткани.
- ²⁸⁵ Изображение залива Якутат дано на чертеже № 6 в нижней части итоговой карты 1796 г. (Атлас, 1964, № 184).
- ²⁸⁶ «*Чичхан*» (*чичкан, чилкат и др.*) — так именовалась группа местных жителей, жившая в районе р. Чилкат.
- ²⁸⁷ «*Ровдушные за спиной с завязками запаны*» — зипуны из оленьей замши (ровдуги).
- ²⁸⁸ О происхождении культа ворона у тлинкитов («колюшей») см. «Записки о колошах» И. Вениаминова (1840, ч. 3, стр. 26—134) и «Народы Америки» (т. 1. М., 1959, стр. 159). У тлинкитов существовало деление на два главных рода — род Ворона (Эля) и Волка (Куча или Канука). Измайлов и Бочаров в заливе Якутат встречались лишь с тлинкитами рода Ворона.
- ²⁸⁹ «*Тюневая разного сорта китайка*» — простая бумажная ткань различного цвета: от мутно-желтой до синей.
- ²⁹⁰ «*Кубики*» — по-видимому, ткань с изображением квадратов.
- ²⁹¹ *Стамед* — плотная шерстяная ткань. Здесь — шерстяная нить.
- ²⁹² *Павел Петрович* — будущий Павел I. «*Естамп*» — эстамп — печатная гра-
вюра.
- ²⁹³ *Шлезвиг-Голштиния* — княжество, расположенное южнее Дании, в районе южной части Ютландского полуострова. Благодаря династическим связям, Павел Петрович еще наследником был провозглашен «владельцем герцогства Шлезвиг-Голштинского».
- ²⁹⁴ См. «Чертеж залива Якутат» (№ 6) в итоговой карте 1796 г. (Атлас, 1964, № 184).
- ²⁹⁵ «*Поверстались*» — в данном случае «*поравнялись*».
- ²⁹⁶ *Река Антлин* — искаженное название реки *Анты*, которая позднее стала известной под названием *Медной*. (на ней тлинкиты добывали самородную медь). Изображение *реки Антлин* дано в крайней правой части «Карты Измайлова — Талина» (Атлас, 1964, № 183). Там же изображены и реки Калхо и Какан-ин.
- ²⁹⁷ См. «Чертеж залива Лътуа» (№ 7) в итоговой карте 1796 г. (Атлас, 1964, № 184).
- ²⁹⁸ *Лайда* — обнажившаяся мель.
- ²⁹⁹ В июле 1786 г. залив Лътуа посетили участники французской экспедиции Жана-Франсуа Лаперуза. Они назвали этот залив Портом французов, поскольку надеялись, что он в дальнейшем будет закреплен за Францией. Об этом довольно подробно рассказано в 7, 8, 9 и 10 главах (стр. 155—246) второго тома описания плавания Лаперуза (см. J. F. La-Perouse. Voyage autour du Monde, rédigé par Millez-Migeau. Paris, 1797). 13 июля 1786 г. в заливе Лътуа во время бури погибла большая группа французов. Тогда-то и был здесь потоплен якорь, который был позже приобретен русскими у тлинкитов.
- ³⁰⁰ См. упомянутый «Чертеж залива Лътуа» (№ 7).
- ³⁰¹ *Турпан* (*Oidemia fusca deglandi natio stejnegeri Ridgw.*) — черная утка.
- ³⁰² «*Офортывались*» — стали на якорь.
- ³⁰³ Измерения, связанные с определением меридиана.
- ³⁰⁴ Исправлено. В книге было «о: Шелик».
- ³⁰⁵ «*Кытакская гавань*» — гавань *Трех Святителей*

СПИСОК ВСЕХ ИЗДАНИЙ «СТРАНСТВОВАНИЙ» Г. И. ШЕЛИХОВА

1. «Российскаго купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообетенных им островов Кыкта и Афагнака, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец Капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу; также климат, годовые перемены, звери, домашние животные, рыбы, птицы, земные произростания и многие другие, любопытные предметы там находящиеся, что все верно и точно описано им самим.

С Географическим чертежем, со изображением самого мореходца и найденных им диких людей.

В Санкт-Петербурге 1791 года, Изданием В. С.» 74 стр.

2. «Российскаго купца Григория Шелехова продолжение странствования по Восточному Океану к Американским берегам в 1788 году. С обстоятельным...» Далее следует текст названия первого издания до слов: «...описано им самим».

«Во граде Святого Петра 1792 года. Изданием В. С.» 95 стр.

3. «Российскаго купца именитаго Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование...» Далее повторение текста первого издания.

«Во граде Святого Петра 1793 года. Изданием В. С.»

На стр. 1—86 дан текст первого издания, а со стр. 87 до 172 впервые было дано. «Историческое и Географическое описание Курильских, Алеутских, Андреяновских и Лисьевских островов, простирающихся от Камчатки к Америке на Восточном Океане».

4. "Grigori Schelechof Russischen Kaufmanns Erste und Zweyte Reise von Ochotsk in Sibirien durch den ostlichen Ocean nach den Küsten von Amerika in den Jahren 1783 bis 1789. Nebst umständlicher Beschreibung der von ihm neuentdeckten Inseln Kükta, Afagnak und mehrerer andrer, zu welchen selbst der berühmte Cap. Cook nicht gekommen und die sich der Russischen Herrschaft unterworfen haben. Aus dem russischen überstzt von J. Z. Logan. St. Petersburg. J. Z. Logan. 1793" S.1—84. Перевод № 1 и 2.

5. "Des Russischen Kaufmanns Gregor Schelechow Reise in den Jahren 1783 bis 1787 von Ochotsk auf dem westlichen Ocean nach Russland, mit umständlicher Nachricht von der Entdeckung der berühmte Englische Seefahrer Capitain Cook nicht gekommen ist, und mit hinzugefügter Beschreibung der Lebensart, der Sitten, Gebräuche, Wohn — und Kleidungsart der dort wohnender Völker, die sich der Russischen Herrschaft unterworfen; wie auch des Klima, der Jahresveränderungen, der wilden und Hausthiere, Fische, Vögel, Erdgewächse, und vieler anderen wissenswürdigen Dinge, die dort gefunden worden, welches alles zuverlässig und genau von ihm selbst beschrieben ist, nebst einer geographischen Reisekarte, der Abbildung des Seefahrers selbst, und der von ihm gefundenen wilde Leute. St.-Petersburg, 1791 auf Kosten von W. S.,— в кн.: "Journal von Russland. Herausgegeben von Johann Heinrich Busse..." St.-Petersburg. 1793, July, S. 11—29; August, S. 59—75; October, S. 237—246. Перевод № 1.

6. "Schelechof's Reise von Ochotsk nach Amerika vom Jahr 1783 bis 1787" — в кн.: "Neue Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd — und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie". Sechster Band... St.-Petersburg und Leipzig, bey Johann Zacharias Logan, 1793, S. 165—249. Текст № 4 с большим числом опечаток.

7. "The Voyage of Gregory Shelekhof, a Russian Merchant, from Okhotzk on the Eastern ocean, to the coast of America in the years 1783, 1784, 1785, 1786, 1787 and his return to Russia. From his own journal". — В кн.: "The Varieties of Literature from foreign literary journals and original manuscripts, now first published" [Edited by the Reverend William Tooke]. London, 1795, vol. 2, pp. 1—42. Перевод с немецкого (№ 4).

8. "Narrative of Shelekhof's Voyage to Kodiak from 1783 to 1787" — В кн.: Wm Coxe. Account of the Russian discoveries between Asia and America. Fourth edition. London, 1803, pp. 269—301; «Voyage of Ismaelof and Betsharoff» — Там же, pp. 302—343. Перевод с немецкого (№ 6).

9. «Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790 год из Охотска...» Далее, как в № 1, до слов: «...им самим».

«Санктпетербург в типографии Губернского правления 1812 года».

10. «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование...» Дословное повторение названия третьего издания (с частичной модернизацией транскрипции) до слов: «Во граде Святого Петра 1793 года. Изданием В. С.» В кн.: «Памятная книжка Курской губернии на 1894 год, составленная секретарем Курского губернского статистического комитета Т. И. Вержицким». Г. Курск. Типография Курского Губернского правления.

В той же «Памятной книжке Курской губернии на 1894 год» воспроизведено и «Российского купца Григорья Шелехова Продолжение странствования по восточному Океану к Американским берегам в 1788 г...»

11. «Записка Шелихова странствованию его в Восточном море» (Неправленный подлинник первой части сочинения Г. И. Шелихова), — в кн.: «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». (Сокращенно: РО). Публикация А. И. Андреева. ОГИЗ, М., 1948, стр. 226—249.

Этот документ хранился в архиве Воронцовых в Крыму. После разгрома Врангеля был вывезен в Петроград и сдан в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР. В 1931 г. был передан в Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (теперь Ленинградского отделения Института истории СССР), где и хранится в настоящее время (фонд Воронцовых, № 476, лл. 421—435).

ЛИТЕРАТУРА

О Г. И. ШЕЛИХОВЕ, О РУССКИХ ПЛАВАНИЯХ К СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ, АЛЕУТСКИМ И КУРИЛЬСКИМ ОСТРОВАМ И О НАРОДАХ, ОПИСАННЫХ В «СТРАНСТВОВАНИЯХ»

Авдеева К. [дочь компаньона Г. И. Шелихова — А. Е. Полевого, сестра писателя Н. А. Полевого]. Воспоминания об Иркутске, — «Отеч. записки», 1848, т. 59, № 8.

Агранат Г. А. Из истории Аляски, — «Зарубежный Север». М., 1957.

Агранат Г. А. Новые американские работы о Русской Америке, — «Летопись Севера», т. 2. М., 1957.

Адамов А. Г. Григорий Иванович Шелехов (1747—1795), — «Сов. этнография», 1948, № 1.

Адамов А. Г. Колумб Российский. 1. Шелехов на Кадьяке. Повесть. 2. Григорий Иванович Шелехов. Биография. Курск, 1948.

Адамов А. Г. Шелехов на Кадьяке. М., 1948.

Адамов А. Г. Первые русские исследователи Аляски. М., 1950.

Адамов А. Г. По неизведанным путям (Русские исследователи на Аляске и в Калифорнии). М., 1950.

Адамов А. Г. Г. И. Шелихов. М., 1952.

Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958.

Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.

Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970.

Андреев А. И. Материалы Российско-американской компании, — «Известия Всесоюз. геогр. о-ва», 1943, вып. 5.

Андреев А. И. Об архиве Российско-американской компании и ее деятелей, — «Изв. Всес. геогр. о-ва», 1943, вып. 5.

Андреев А. И. Предисловие к сборнику материалов «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках». М.—Л., 1944. Сокращено: РО, 1944.

Андреев А. И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XVIII века, — «Морской сборник», 1947, № 4.

Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы), — в сб. материалов «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». М., ОГИЗ, 1948. Сокращено: РО, 1948.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1 и 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960 и 1965.

Андреев А. И. Первые исследователи Алеутских островов, — «Ист. записки», 1961, т. 68.

Архив князя Воронцова. Тт. 5, 12, и 25. СПб. (многотомное издание 70—80-х гг. XIX в.).

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. Под редакцией и с введением члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова. М., 1964.

Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтес и островов Алеутских... М. Д. Тебенькова. СПб., 1852.

Баскаков Э. Г., В. В. Иевлев и В. Ф. Кохов. Документы Российско-Американской компании в Национальном архиве США, — «История СССР», 1963, № 5.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1956.

Бенк Т. Колыбель ветров. М., 1963.

Берг Л. С. Из истории открытия Алеутских островов, — «Землеведение», 1924, т. 26, вып. II—III.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (3-е изд.). М.—Л., 1946.

Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий (2-е изд.). М., 1962.

Берх В. Н. Известие о меховой торговле, производимой россиянами, при островах Курильских, Алеутских и на северо-западном берегу Америки, — «Сын отечества», 1823, кн. 39, 43 и 44.

Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823.

Берх В. Н. Карта российских владений в Северной Америке. СПб., 1842.

Биография Александра Андреевича Баранова, первого главноуправляющего Российско-Американскими колониями, — «Русский инвалид», 1848, № 143—144.

Блашке Э. Несколько замечаний о плавании в байдарках и о лисьевских алеутах, — «Морской сборник», 1848, № 3 и 4.

Бломквист Е. Э. Рисунки И. Г. Вознесенского (Экспедиция 1839—1849 гг.), — «Сборник Музея антропологии и этнографии» (в дальнейшем: Сб. МАЭ), т. 13. Л., 1951.

Б-ов. И. Н. Памяти Г. И. Шелехова, — «Русский вестник», 1895, № 38.

Боднарский М. С. О книгах Г. И. Шелехова (историко-библиографо-географическая заметка), — «Изв. Всес. геогр. о-ва», 1950, вып. 5.

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., Изд. «Наука», 1966.

Вавилов М. И. Последние дни в Русской Америке, — «Русская старина», 1886, т. 11.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М., 1940.

Веберман Э. Китобойный промысел в России. Ч. I, — «Изв. Моск. коммерч. ин-та», кн. 2. Пг., 1914.

В-й И. Воспоминания о Шелехове, — «Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. о-ва», 1856, кн. 1.

Вениаминов И. Мифологические предания и суеверия колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки, — «Сын отечества», 1839, т. 2.

Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Записки об ахтинских алеутах и колошах. Ч. I—III. СПб., 1840.

Вениаминов И. Способности и браки алеутов, — «Журн. Мин. внутренних дел», 1840, ч. 36, № 5.

Виденский И. Г. Григорий Иванович Шелихов (1747—1795). Биобиблиографическая памятка. Курск, 1952.

Врангель Ф. П. Обитатели северо-западных берегов Америки, — «Сын отечества», 1839, т. 8, раздел 3.

Г. И. Шелихов, — «Мирской вестник», 1873, № 1.

Г. И. Шелехов, учредитель Российско-Американской компании, — «Иркутские губернские ведомости», 1860, № 18.

Г. И. Шелехов (1745—1795), основатель Российско-американской компании, — в сб.: «Русские люди», т. 1. Изд. М. О. Вольфа. СПб., 1866.

Глушанков И. В. Алеутская экспедиция Креницына и Левашова, — «Природа», 1969, № 12.

Головин П. Н. Обзор русских колоний в Северной Америке, — «Морской сборник», 1862, № 7.

Головин В. М. Сочинения. М.—Л., 1949.

Горшков Г. С. Названия вулканов на Курильских островах, — «Известия Всес. геогр. о-ва», 1948, вып. 2.

Горшков Г. С. Вулканизм Курильской островной дуги. М., 1967.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.

Григорьев В. С. Григорий Шелихов. Исторический роман. М., 1952, 1956, 1961.

Гронский П. Русские в Калифорнии в начале XIX столетия, — «Сб. статей, посвященных П. Н. Милюкову». Прага, 1926.

Двойченко-Маркова Е. М. Штурман Герасим Измайлов, — «Морские записки». Нью-Йорк, 1955, № 4.

Дело о колонии Росс, — «Русск. вестник», 1866, № 62.

Державин Г. Р. Надгробие Рыльскому имянитому гражданину Шелехову, — «Муза», 1796, февраль, стр. 100.

Дивин В. А. К берегам Америки. М., 1956.

Дивин В. А. Русские мореплаватели к берегам Америки после Беринга и Чirikова, — в сб.: «От Аляски до Огненной земли». М., 1967.

Дюго-Силли А. С. Селение Российско-американской компании Росс под управлением Шелехова, — «Зап. Морск. ученого комитета», 1837, кн. 13.

Евтеев О. А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.

Елеонская Е. Н. Алеуты, — Гос. центр. музей народоведения. М., 1929.

Ефимов А. В. Россия и колонизация Америки в первой половине XVIII века, — «Изв. Акад. наук СССР. Серия истории и философии», т. IV. 1947, вып. 2.

Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII в. М., 1948.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII вв. М., 1950.

Ефремов Ю. К. К истории названий Большой и Малой Курильских гряд, — «Вопр. геогр.», сб. 24. М., 1951.

Ефремов Ю. К. Курильское ожерелье. (2-е изд.). М., 1962.

Завалишин Д. И. Калифорния в 1824 г., — «Русск. вестник», 1865, № 2.

Зубкова З. Алеутские острова. М., 1948.

К истории Российско-американской компании (Сборник документальных материалов). Красноярск, 1957. [Документы №№ 1—7 относятся к деятельности Г. И. Шелехова].

Каманин Л. Г. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1951. Второе дополненное издание: М., 1956.

Кое-что о Шелихове, Хлебникове и Резанове, — «Морской сборник», 1869, № 7, неоф. часть.

Колоши, — «Журн. для чтения воспитанников военно-учебных заведений», 1845, т. 57, № 225.

Колоши и их орудия, — «Воскресный досуг», 1866, № 159.

Колоши и их промышленность, — «Иллюстративная газета», 1863, № 19.

Корсунская Г. В. Курильская островная дуга. М., 1958.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949.

Кузнецов Б. А. Охотничье-промысловые звери Курильских островов, — в сб.: «Пушные богатства СССР», вып. 1. 1949.

Л. Г. Население в Аляске и на Алеутских островах, — «Изв. Русского геогр. о-ва», 1881, № 3.

Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб. 1890.

Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России в XVIII в. (1725—1800 гг.). М., 1957.

Липшиц Б. А. Этнографические материалы по северо-западной Америке в архиве И. Г. Вознесенского, — «Изв. Всес. геогр. о-ва», 1950, вып. 4.

Лукин Б. В. Неопубликованная статья летописца Русской Америки К. Т. Хлебникова (по поводу одного письма А. С. Пушкину), — в сб.: «От Аляски до Огненной Земли», М., 1967.

Ляпунова Р. Г. Орудия охоты алеутов, — Сб. МАЭ, Л., 1963, т. 21.

Ляпунова Р. Г. Алеутские байдарки, — Сб. МАЭ, Л., 1964, т. 22.

Ляпунова Р. Г. Морской зверобойный промысел алеутов XVIII—XIX вв. — Сб. МАЭ, т. 22. Л., 1964.

Ляпунова Р. Г. Рукопись К. Т. Хлебникова «Записки о колониях в Америке» как источник по этнографии и истории Аляски и Алеутских островов, — в сб.: «От Аляски до Огненной земли», М., Изд. «Наука», 1967.

Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки, — Сб. МАЭ, т. 24. Л., 1967.

Ляпунова Р. Г. Материальная культура алеутов. К проблеме этногенеза. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970.

Макарова Р. В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII в., — «Вопросы географии», сб. 17. М., 1950.

Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

Малышев В. Американские владения России, — «Библиотека для чтения», 1855, т. 130, март.

Марков А. Русские на Восточном океане. Северо-американские колонии, — «Москвитини», 1849, № 8—10, 14 и 16. Отдельные издания: М., 1849, СПб., 1856.

Марков С. Н. Колумбы Российские, — «Сов. краеведение», 1936, № 6.

Марков С. Н. Клады «Колумбов Российских», — «Морской сборник», 1944, № 8—10.

Марков С. Н. Летописи морской славы (архивы исследователей Тихого океана), — «Наука и жизнь», 1944, № 1—2.

Марков С. Н. Русские на Аляске. М., 1946.

Марков С. Н. Летопись Аляски. М., 1948.

Марков С. Н. Юконский ворон. М.—Л., 1946; М., 1970.

Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861, вып. 1—4.

Матросов Е. Судьба бывших русско-американских владений под владичеством республики Соединенных Штатов (по американским источникам), — «Историч. вестник», 1902, ноябрь.

Медушевская О. М. Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е — начало 80-х годов XVIII века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952.

Медушевская О. М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII века, — «Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та», т. 7. М., 1954.

«Народы Америки». Этнографические очерки под редакцией А. В. Ефимова и С. А. Токарева. Т. 1. М., 1959.

Ненсберг А. Забытый (о А. А. Баранове), — «Зап. Приамурского отд. о-ва востоковедения», 1913, вып. 2.

Новоархангельск и колоши, — «Вокруг света», 1862, т. 2, № 1.

Нравы алеутов, — «Журн. для чтения воспитанников военно-учебных заведений», 1841, т. 32, № 127.

Оглоблин Н. Н. Путевые записки морехода И. М. Соловьева 1770—1775 гг., — «Русск. старина», 1892, т. 75.

Окунь С. Б. Положение промысловых рабочих в русских поселениях в Америке, — «Учен. записки Ленинградского гос. ун-та», 1939, № 48.

Окунь С. Б. Российско-американская компания. М.—Л., 1939.

Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве центрального картографического производства ВМФ. Л., 1958.

Паллас П. С. Перечень путешествия штурмана Зайкова к островам между Азией и Америкой, находящимся на боте «Св. Владимира», — Месяцеслов исторический и географический на 1782 год. СПб., 1782.

Паллас П. С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой, — «Собр. сочинений, выбранных из месяцесловов». Т. IV. СПб., 1790.

Памятник Г. И. Шелехова, — «Журн. для чтения воспитанников военно-учебных заведений», 1839, т. 18, № 70.

Памятник Г. И. Шелехова и его биография, — «Сын отечества», 1839, т. 7.

Пармузин Ю. П. Григорий Иванович Шелихов (1747—1795), — в кн.: «Отечественные физико-географы и путешественники». М., 1959.

Переписка по поводу обвинения Шелехова в дурном обращении с местным населением подлекарем Мироном Бритюковым, — в кн.: «Памятники новой русской истории. Сб. исторических статей и материалов, изданных В. Кашпиревым». СПб., 1872, т. 3, отд. 2.

Полевой Б. П. Григорий Шелихов — «Колумб Русский». Магадан, 1960.

Полевой Б. П. Из истории открытия северо-западной части Америки (от первого известия сибирских землепроходцев об Аляске до петровского плана поиска морского пути к Америке), — в сб.: «От Аляски до Огненной земли». М., 1967.

Полевой Б. П. О карте «Камчадали» И. Б. Гомана, — «Известия Академии наук СССР. Серия геогр.», 1970, № 1.

Полонский А. С. Курилы, — «Записки Русск. геогр. о-ва по отделению этнографии», т. IV. СПб., 1871.

Потехин В. А. Селение Росс, — «Журн. мануфактур и торговли», 1859, т. 8.

Потехин В. А. Заселение Росса в Калифорнии. СПб., 1859.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.—Л., 1952.

Райков Т. И. О роли русского флота в развитии естествознания в XVIII веке, — «Труды ин-та истории естествозн.», М., 1947.

Райхенберг М. Григорий Шелехов, — «Наша страна», 1940, № 2.

Ратнер-Штернберг С. А. Музейные материалы по тлинкитам, — Сб. МАЭ, Л., 1927, 1929 и 1930, тт. 7—9.

Ратнер-Штернберг С. А. Отдел Северной Америки, — Путеводитель по музею антропологии и этнографии Академии наук СССР. Л., 1929.

Рихтер Г. Д., Г. И. Шелихов, — «География в школе», 1941, № 2.

РО — см.: «Русские открытия...»

Романов В. О колюжах и колошах вообще, — «Сев. архив», ч. XVII. СПб., 1825.

Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.

Русские открытия в Тихом океане и в Северной Америке в XVIII—XIX веках. Сборник материалов. Составитель А. И. Андреев. М.—Л., Изд. АН СССР, 1944. Сокращенно: РО, 1944.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках. Сборник документов, посвященный памяти Г. И. Шелихова. К двухсотлетию со дня рождения (1747—1947). Составитель А. И. Андреев. М., Географгиз, 1948. Сокращенно: РО, 1948.

Сарычев Г. А. Атлас северной части Восточного океана. СПб., 1826.

Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции... капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802. Переиздано в 1952: М., Географгиз.

Сергеев М. А. О правде исторической и художественной. — «Дальний Восток», 1953, № 2. [Рецензия на роман В. Григорьева о Г. И. Шелихове].

Слодкевич В. С. Из истории открытия и освоения русскими Северо-Западной Америки. Петрозаводск, 1956.

Соколов А. П. Северная экспедиция, 1733—1743 гг. — «Записки Гидрографич. департамента», ч. 9. СПб., 1851.

Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова в 1764—1769 годах. — «Зап. Гидрогр. деп.», ч. 10. СПб. 1852.

Соловьев А. И. Курильские острова. Изд. Главсевморпути. М.—Л., 1945. Второе изд.: М., 1947.

Степанова М. В. И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение Северо-Запада Америки. — «Известия Всес. геогр. о-ва», 1944, вып. 5.

Степанова М. В. И. Вениаминов как этнограф. — «Тр. Ин-та этнографии АН СССР». Т. 2. М., 1947.

Степанова М. В. Из истории этнографического изучения бывших русских владений в Америке. — «Сов. этнография», 1947, № 3.

Татаринов М. Описание Курильских островов. — «Исторический и географический месяцеслов на 1785 г.». Ч. 6. СПб., 1790. Тот же текст в сб.: «Собрание сочинений, выбранных из месяцеслов на разные годы». СПб., 1790, ч. 6.

Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени. Тт. 1—II. СПб., 1861 и 1863.

Файнберг Л. А. К вопросу о родовом строе у эскимосов. — «Сов. этнография», 1955, № 2.

Файнберг Л. А. К вопросу о родовом строе у алеутов. — Краткие сообщения Института этнографии...», М., 1955, т. 23.

Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к соседской общине. М., 1964.

Федорова С. Г. К вопросу о ранних русских поселениях на Аляске. — «Летопись Севера», вып. 4. М., 1964.

Федорова С. Г. Флаг Российско-американской компании. — в сб.: «От Аляски до Огненной земли». М., 1967.

Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии, конец XVIII в. — 1867 г. (опыт историко-этнографической характеристики). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969.

Федорченко Т. П. К вопросу о картах плавания И. Л. Голикова и Г. И. Шелихова к тихоокеанским берегам Северной Америки в 1783—1786 гг. — «Вопросы географии», сб. 22. М., 1950.

Флинт В. Е., Р. Л. Бёме, Ю. В. Костин, А. А. Кузнецов. Птицы СССР. М., 1968.

Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1835.

Хлебников К. Т. Г. И. Шелехов. — «Сын отечества», 1838, т. 2, отд. 3.

Хлебников К. Т. Жизнеописание Гр. И. Шелехова. — «Русский инвалид», 1838, № 77—84.

Хлебников К. Т. Г. И. Шелехов, — «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений», 1840, № 89.

Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... Тт. I—VII. СПб., 1785.

Шелехов. Столетие со дня его кончины, — «Исторический вестник», 1895, № 9.

Шелехов (Шелихов) Григорий Иванович, — Русский биографический словарь. Том: Шебанов — Шютц. СПб., 1911, стр. 70—71.

Широкий В. Ф. Из истории хозяйственной деятельности Российско-американской компании, — «Исторические записки», М., 1942, вып. 13.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Тт. I—III. СПб., 1883, 1899 и 1903.

Юркевич Б. Григорий Шелехов, — «Литературный альманах», кн. 2. Курск, 1940.

Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941. (Сокращенно: ЭБ).

ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Andrews C. L. The Story of Alaska. Caldwell, 1938 (2-d ed. 1947).

Andrews C. L. Sitka: the Chief Factory of the Russian-American Company. Caldwell, 1945.

Bailey T. A. Why the United States purchased Alaska, — «The Pacific Historical Review Vol. III. march 1934.

Bankroft H. H. The Works, vol. XXXIII. History of Alaska, 1730—1885. San-Francisco, 1886.

Bank Th. P. Cultural succession in the Aleutians, — «American Antiquity», 1958, № 5.

Bartz F. Alaska. Stuttgart, 1950.

Chevigny H. Lost Empire. The Life and Adventures of Nikolai Petrovich Rezanov. N. Y., 1939.

Chevigny H. Lord of Alaska. The Story of Baranov and the Russian Adventure. L., 1946.

Chevigny H. Russian America... 1741—1867. N. Y., 1965.

Clark H. W. History of Alaska. N. Y., 1930.

Clark H. W. Alaska: the last frontier. N. Y., 1939.

Collins H. B., A. H. Clark, E. H. Walker. The Aleuten islands, their people and natural history. Wash., 1945.

Collins H. B. Arctic Area. Mexico, 1954.

Cook J., J. King. A Voyage to the Pacific ocean in the years 1776, 1777, 1778, 1779 and. 1780. Vols 1—III. L., 1784—1785.

Cook J. The Explorations of Captain James Cook in the Pacific as told by selections of his own journals, 1768—1779. Ed. A. Grenfell Price. N. Y., 1957.

Coxe W. Account of the Russian Discoveries between Asia and America. L., 1780.

Coxe W. A Comparative view of the Russian Discoveries with Those made by Captains Cook and Clerk. L., 1787.

Dall W. H. Alaska and its resources. Boston, 1898.

Dixon G. A Voyage round the World, but more particularly to the North-West Coast of America performed in 1785—1788 in the «King George» and «Queen Charlotte» L., 1789.

Eikov E. V. Alaska and Siberia. St. Peterbourg, 1887.

- Erdmann H. Alaska. Ein Beitrag zur Geschichte nordischer Kolonisation. Berlin, 1909.
- Farrar V. J. An Elementary Syllabus of Alaskan history. Washington, 1924.
- Farrar V. J. The Purchase of Alaska. Washington, 1934.
- Farrar V. J. The Annexation of Russian America to the United States. Washington, 1937.
- Golder F. A. Russian expansion on the Pacific (1641—1850). Cleveland, 1914.
- Golder F. A. The Purchase of Alaska, — "The American-Historical Review", vol. XX, apr. 1920.
- Golder F. A. Bering's Voyages. Vols I—II. N. Y., 1922, 1925.
- Grovski V. Russian Administration of Alaskan Natives, — 81 congress, 2 sess The Senate doc. N 152. Washington, 1950.
- Hrdlicka A. Antropology of Kodiak island. Philadelphia, 1944.
- Hrdlicka A. The Aleutian and Commander islands and their inhabitants. Philadelphia, 1945.
- Hulley C. C. Alaska 1741—1953. Portland, Oregon, 1953.
- J. L. S. Neue Nachrichten von denen neuentdeckten Inseln in der See zwischen Asia und Amerika aus mitgetheilten Urkunden und Auszügen. Hamburg und Leipzig, 1776.
- Jochelson W. History, ethnology and anthropology of Aleut. Washington, 1933.
- The Journals of Captain James Cook on his voyages of discovery: vol. III. The Voyage of the "Resolution" and "Discovery" 1776—1780. Edited by J. C. Beaglehole. Cambridge University Press for Hakluyt society, 1967.
- Krause A. Die Tlinkit Indianer. Jena, 1885.
- Le Portier. Les Russes en Amerique. Paris, 1958.
- Little C. H. Early voyages to Alaska, — "Explorers Journal", 1967, № 1.
- Luthin R. H. The Sale of Alaska, — "Slavonic and East European Review", 1937, vol. 16.
- Meares J. A. Voyage made in 1788 and 1789 from China to North-West of America. London, 1790.
- Machowski J. Alaska. Warszawa, 1965.
- Mazour A. G. Russian-American Co: Private or Government Enterprise? — "The Pacific Historical Review", 1944, vol. 13.
- Moore T. Alaska's First American century: the view ahead. — «The Polar Record», 1968, № 88.
- Neue Beschreibung der Kurilischen Inseln, — "Neue Nordische Beyträge..." 1783, № 4.
- Pilder H. Die Russisch-Amerikanische Handels-Kompanie bis 1825. Berlin, 1914.
- Poniatowski M. Histoire de la Russe, d'Amerique et de l'Alaska. Paris, 1958.
- Portlock N. A. Voyage Round the World, but more particularly to the Northwest coast of America. London, 1789.
- Quimby G. J. Aleutian Islanders. Chicago, 1944.
- Rasche H. H. Alaska Purchase Centennial: 1867—1967 — «Arctic», vol. 20, № 2, June 1967.
- Rodionoff N. R. Schelekhov, Grigori Ivanovich — Dictionary of american biography, vol. XVII, 1935.
- Russian discoveries in the Pacific and North America in the eighteenth and nineteenth centuries. Ann. Arbor, 1952. Перевод сборника, составленного А. И. Андреевым (PO, 1944).
- Russel T. C. (ed.). Langsdorff's narrative of the Rezanov voyage to Nueva California in 1806. San-Francisco, 1927.
- The Russians in California, — "California Historical Society Quarterly", 1933, sept., N 3.
- Sherwood M. B. Alaska and its History. Washington, 1967.
- Shields A. W. The Purchase of Alaska. Univ. of Alaska Press, 1967.

Stejneger L. George Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan Natural History. Cambridge, Mass., 1936.

Stewart G. R. The Name Alaska. — "Names", 1956, vol. IV, N 4.

Swineford A. P. Alaska, its history, climate and natural resources. Chicago, 1905.

Thompson R. A. The Russian Settlement in California known as Fort Ross — Santa Rosa, 1896.

Tompkins S. R. Alaska — Promyshlenniki and Sourdough. Norman University of Oklahoma Press, 1945.

Tregenza A. E. Fort Ross, a study in Historical Archaeology, — "University of California Archaeological Survey", report № 23. Berkeley, January 15, 1954.

Wagner H. R. The Cartography of the north-west coast of America to the year 1800. Vols I—II. Berkeley, 1937.

Wickersham J. A bibliography of Alaskan Literature, 1724—1924. Cordova. 1927.

Wroth Z. C. The Early Cartography of the Pacific, — "The Papers of the Bibliographical Society of America". Vol. 38, № 2. 1944.

Yarmolinsky A. Shelekhov's Voyage to Alaska. A bibliographical Note, — "Bull. of the N. Y. Public Library", march 1932.

СОДЕРЖАНИЕ

«Колумб русский» Григорий Иванович Шелихов и его книга (предисловие)	5
Путешествие Г. И. Шелихова из Охотска к американским берегам Историческое и географическое описание Курильских, Алеутских, Андреяновских и Лисьевских островов, простирающихся от Камчатки к Америке на Восточном океане	34
Острова Курильские	62
Острова Алеутские	74
Лисьевские острова	76
Продолжение странствования к американским берегам в 1788 г. отряженного галиота, называемого «Трех Святителей», под предводительством двух штурманов, Измайлова и Бочарова	88
Послесловие	113
Примечания	143
Список всех изданий «Странствований» Г. И. Шелихова	160
Литература о Г. И. Шелихове, о русских плаваниях к Северной Америке, Алеутским и Курильским островам и о народах, описанных в «Странствованиях»	162

ШЕЛИХОВ
ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ

**Российского купца
Григория Шелихова
странствования
из Охотска
по Восточному океану
к Американским
берегам**

Хабаровское
книжное издательство
Комитета по печати
при Совете Министров
РСФСР
г. Хабаровск,
ул. Серышева, 31

Редактор В. С. Шевченко
Художник серии А. К. Голицын
Художник Е. В. Бурлов
Художественный редактор
А. В. Колесов
Технический редактор
Г. Н. Добровольская
Корректоры:
П. К. Мельницина,
В. М. Сосновская

Сдано в набор 7/I 1971 г.
Подписано к печати 22/VII 1971 г. ВЛ 05729.
Бумага типографская № 2,
формат $70 \times 90_{16} = 5,5$ б. л.,
12,87 усл. п. л., 12,32 уч.-изд. л.
Тираж 15 000 экз.
Заказ № 334.
Цена 80 коп.

Типография № 1
Краевого управления по печати,
г. Хабаровск,
ул. Серышева, 31.

Шелихов Григорий Иванович

Ш 43 Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, Кн. изд., 1971.

176 с. («Дальневосточная историческая библиотека»). 15 000 экз. 80 коп.

«Колумбом русским» называли современники Г. И. Шелихова — одного из основоположников Русской Америки, выдающегося купца-мореплавателя конца XVIII века. Его имя увековечено в истории Великих географических открытий, на картах Северной Америки, Дальнего Востока и Восточной Сибири, его дела вызывают пристальный интерес советских и зарубежных ученых и писателей, книгами о его отважных путешествиях зачитывается уже несколько поколений читателей.

В новое издание сочинений «Колумба русского», предпринятое Хабаровским книжным издательством, вошли «Путешествие Г. И. Шелихова из Охотска к американским берегам», «Историческое и географическое описание Курильских, Алеутских, Андреяновских и Лисьевских островов, простирающихся от Камчатки к Америке на Восточном океане» и «Продолжение странствования к американским берегам в 1788 г. отряженного галиота, называемого «Трех Святителей», под предводительством двух штурманов, Измайлова и Бочарова».

91 (09)

2-8-1

46-71

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ „ПЕРВОПРОХОДЦЫ“

История исследований Дальнего Востока богата выдающимися открытиями русских географов, мореплавателей, ботаников, геологов, этнографов... Десятки, сотни славных имен первопроходцев украшают географическую карту окраинных районов нашего Отечества. В Татарском проливе, например, есть проход Невельского, на Сахалине — город Невельск; имя выдающегося исследователя М. И. Венюкова уже больше века носит одно из первых русских поселений на Уссури; именем талантливого геолога Ю. А. Билибина назван город на Северо-Востоке СССР и т. д. Многие из этих имен прочно вошли в летописи мировой науки. Достаточно назвать Г. И. Невельского, М. И. Венюкова, П. А. Кропоткина, К. И. Богдановича, адмирала С. О. Макарова, академика В. Л. Комарова, В. К. Арсеньева, Н. М. Пржевальского, В. Г. Тана-Богораз, Л. Я. Штернберга, Ю. А. Билибина...

На примере жизни этих подвижников науки выросло несколько поколений русских и советских исследователей Дальнего Востока, их дела бережно хранятся в памяти народной.

Цель, которую ставит перед собой издательство, открывая историко-биографическую серию «Первопроходцы», состоит в том, чтобы воссоздать образы этих выдающихся ученых-патриотов и сделать целеустремленность, подвижничество, героизм их жизней достоянием самых широких масс дальневосточников.

В 1971—1973 гг. выйдут:

П. К. Козлов. В АЗИАТСКИХ ПРОСТОРАХ (книга о жизни и путешествиях Н. М. Пржевальского);

А. И. Алексеев. ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ (подвиг адмирала Г. И. Невельского);

Н. И. Гаген-Торн. ПОВЕСТЬ О ШТЕРНБЕРГЕ;

А. И. Петров. ЗАПИСКИ УЧАСТНИКА АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ;

Коллектив авторов. ОДНА ЛИШЬ ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ... (рассказы об ученых советского Дальнего Востока).

В последующие годы будут изданы книги о жизни и деятельности академика В. Л. Комарова, члена-корреспондента АН СССР Ю. А. Билибина, адмирала С. О. Макарова, П. А. Кропоткина, В. К. Арсеньева и других выдающихся сынов Отечества.

Отзывы о вышедших книгах серии «Первопроходцы» просим направлять по адресу:

г. Хабаровск, ул. Серышева, 31, Хабаровское книжное издательство.